О ПЕРСТОСЛОЖЕНІИ

для

КРЕСТНАГО ЗНАМЕНІЯ.

(По поводу книги г. Каптерева.)

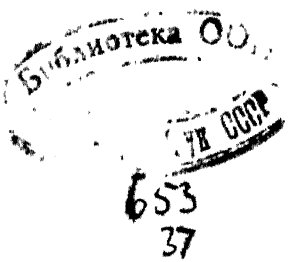
Н. Субботина.

625
37

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1891.

Отдѣльный оттискъ изъ №№ 18, 19 и 20 журнала «*Братское Слово*» за 1887 г., изъ № 5 за 1888 г. и изъ №№ 6 и 7 за 1891 г.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется
Москва, апрѣля 15-го дня, 1891 года.
Цензоръ священникъ *Іоаннъ Петропавловскій.*



Въ «Православномъ Обозрѣніи» (1887 г. кн. 1, 2 и 4) напечатана обширная статья г. Каптерева, подъ заглавіемъ: «Патріархъ Никонъ какъ церковный реформаторъ и его противники». Она составляетъ только введеніе къ предпринятому авторомъ, надобно полагать, весьма уже обширному изслѣдованію о патріархѣ Никонѣ, какъ исправителѣ церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, и о встрѣченныхъ имъ противникахъ этому дѣлу въ лицѣ извѣстныхъ расколоучителей (полагаемъ, что это самое хотѣлъ выразить г. Каптеревъ весьма неправильнымъ и неудачнымъ заглавіемъ: «патріархъ Никонъ какъ *церковный реформаторъ* и его противники»). Въ этомъ предисловіи, составляющемъ нѣсколько главъ, авторъ излагаетъ обстоятельства, подготовившія то, что̀ ему угодно было назвать Никоновской «церковной реформой», и касается многихъ вопросовъ, относящихся къ исторіи раскола и полемикѣ съ расколомъ.

Новое изслѣдованіе о столь важныхъ событіяхъ въ исторіи русской церкви, какъ соборное исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ и вызванное имъ появленіе раскола, безъ сомнѣнія, не только не излишне, но и весьма желательно, хотя съ указаніями г. Каптерева на причины, побудившія его къ этому труду, и нельзя вполнѣ согласиться [1]). Мы ничего

[1]) „Въ послѣднее время,—говоритъ г. Каптеревъ,—о патріархѣ Никонѣ появились капитальныя изслѣдованія: митрополита Макарія—обширный XII томъ его „Исторіи русской церкви“ и Гиббенета „Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона“—въ двухъ томахъ... Появленіе указанныхъ капитальныхъ изслѣдованій о Никонѣ, какъ намъ кажется, не исключаетъ нужды новыхъ изслѣдованій по этому предмету. Намъ казалось, что *вопросъ о Никонѣ реформаторѣ* и его противникахъ не только не исчерпанъ оконча-

не имѣли бы и противъ такого необычно пространнаго предисловія къ этому предположенному изслѣдованію, если бы оно своимъ характеромъ и содержаніемъ не вызывало невольнымъ образомъ многихъ серіозныхъ возраженій.

Выразивъ сожалѣніе, что «въ нашей литературѣ до сихъ поръ нѣтъ *ни одного строго-научнаго, безпристрастнаго и серьезнаго* историческаго изслѣдованія» по вопросамъ, составляющимъ «предметъ горячихъ споровъ между православными и старообрядцами», объявивъ, что «на нашихъ ученыхъ полемистахъ съ расколомъ лежитъ *нравственный долгъ* изслѣдовать спорные вопросы *исторически, строго-научно, безъ предвзятыхъ, установившихся полемическихъ тенденцій*», г. Каптеревъ, вмѣсто того, чтобы въ своемъ собственномъ изслѣдованіи показать примѣръ желаемыхъ имъ и строгой науч-

---

тельно въ указанныхъ сочиненіяхъ, но даже допускаетъ *нѣсколько иную его постановку, иное освѣщеніе и рѣшеніе* нѣкоторыхъ вопросовъ и сторонъ... Показать это на дѣлѣ и есть цѣль нашего изслѣдованія“ (стр. 145, прим.). Итакъ, г. Каптеревъ предпринялъ написать о „Никонѣ реформаторѣ“, или, говоря точнѣе и правильнѣе, о дѣятельности п. Никона по исправленію церковныхъ книгъ и обрядовъ изслѣдованіе съ новой постановкой и новымъ освѣщеніемъ и рѣшеніемъ нѣкоторыхъ относящихся сюда вопросовъ, — словомъ изслѣдованіе болѣе капитальное, нежели въ капитальныхъ сочиненіяхъ м. Макарія и г. Гиббенета. Трудъ м. Макарія несомнѣнно капитальный, и если въ рѣшеніи вопросовъ о распрѣ патріарха Никона съ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ и о судѣ надъ нимъ нашъ историкъ оказался не вездѣ вѣренъ исторической иравдѣ, то напротивъ о трудахъ Никона въ исправленіи богослужебныхъ книгъ и обрядовъ онъ далъ изслѣдованіе поистинѣ капитальное, такъ что изложить этотъ предметъ „въ иномъ освѣщеніи, въ иной постановкѣ“, какъ преднамѣрился г. Каптеревъ, значило бы, по нашему мнѣнію, уклониться отъ исторической дѣйствительности, а не писать сочиненіе болѣе капитальное. Иное дѣло конкурренція съ „капитальнымъ“ изслѣдованіемъ г. Гиббенета. Г. Каптеревъ самъ говоритъ, что „цѣнность этого изслѣдованія заключается по преимуществу въ обширныхъ приложеніяхъ, состоящихъ изъ документовъ *по Никонову дѣлу*“. Приложенія къ книгѣ г. Гиббенета дѣйствительно цѣнны, хотя и они изданы весьма неудовлетворительно. Самое же изслѣдованіе не только не капитально, но даже не имѣетъ

ности, и безпристрастія, и серіозности, напротивъ самъ прибѣгаетъ къ весьма рѣзкимъ и несправедливымъ полемическимъ выходкамъ, только не противъ раскольниковъ, а противъ очень нелюбимыхъ имъ полемистовъ съ расколомъ, — намѣреніе полемизировать съ этими полемистами проходитъ красною нитью чрезъ всю его статью, — и, что еще важнѣе, самъ употребляетъ постоянно совсѣмъ не «научные» и не «безпристрастные», а именно «предвзятые и тенденціозные» пріемы, какъ въ подборѣ и постановкѣ историческихъ свидѣтельствъ, такъ и въ толкованіи оныхъ, направленномъ преднамѣренно къ извѣстному, намѣченному заранѣе выводу.

О нападкахъ г. Каптерева на «полемистовъ съ расколомъ» мы не будемъ говорить, въ той увѣренности, что каждый внимательный и не зараженный модньмъ либерализмомъ читатель самъ оцѣнитъ ихъ по достоинству и легко пойметъ, исполнилъ ли г. Каптеревъ «нравственный долгъ» писателя и человѣка, отзываясь съ презрѣніемъ и укоризною о всѣхъ вообще «полемистахъ съ расколомъ», въ числѣ которыхъ красуются имена архипастырей великаго ума, обширныхъ познаній, несомнѣнной учености и высокаго нравственнаго ха-

---

никакой научной цѣны. Притомъ же,—и это главное, — какъ изслѣдованіе г. Гиббенета, такъ и самыя приложенія относятся собственно къ „дѣлу п. Никона“, т.-е. къ его распрѣ съ царемъ, вызвавшей судъ и осужденіе патріарха; а объ „Никонѣ-реформаторѣ“, по выраженію г. Каптерева, т.-е о трудахъ п. Никона по исправленію богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, и о вызванныхъ имъ раскольническихъ движеніяхъ, въ книгѣ г. Гиббенета можно найти не болѣе двухъ-трехъ страницъ, совершенно ничтожныхъ (См. нашу рецензію на кн. Гиббенета въ Отчетѣ Имп. Академіи наукъ о двадцать восьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова). Назвавъ изслѣдованіе г. Гиббенета о „Никонѣ-реформаторѣ“ капитальнымъ, г. Каптеревъ сказалъ нѣчто совсѣмъ не сообразное съ дѣломъ (Всего забавнѣе его замѣчаніе, что и въ книгѣ Гиббенета *„не исчерпанъ окончательно* вопросъ о Никонѣ-реформаторѣ“, — вопросъ, котораго тотъ и не коснулся почти); а что сочиненіе г. Каптерева о „Никонѣ-реформаторѣ“ будетъ капитальнѣе небывалаго капитальнаго сочиненія о томъ же предметѣ г. Гиббенета, объ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

рактера, каковы святитель Димитрій, архіепископы Ѳеофилактъ и Никифоръ, митрополиты Платонъ, Филаретъ, Григорій[2]). Показать же ученую несостоятельность представленнаго г. Каптеревымъ мнимо-ученаго рѣшенія разныхъ вопросовъ о расколѣ и обличить его «преднамѣренную тенденціозность» мы считаемъ своею обязанностію.

Г. Каптеревъ, какъ мы сказали, касается нѣсколькихъ вопросовъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ исторіи раскола и полемикѣ противъ раскола; но всего болѣе и подробнѣе говоритъ онъ о важнѣйшемъ изъ этихъ вопросовъ — вопросѣ о перстосложеніи для крестнаго знаменія. Онъ представилъ цѣлое изслѣдованіе объ этомъ вопросѣ, составляющее большую особую главу въ его сочиненіи (гл. IV-я; стр. 322—363). Своею кажущеюся научностію и безпристрастностію, въ смыслѣ полнаго отрѣшенія отъ принятыхъ церковію воззрѣній на двуперстіе и троеперстіе, его изслѣдованіе успѣло уже обратить на себя вниманіе не только раскольниковъ, съ ученіемъ которыхъ оно совпадаетъ, но и нѣкоторыхъ излишне довѣрчивыхъ читателей изъ православныхъ. Этимъ изслѣдованіемъ г. Каптерева по вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія на сей разъ мы и займемся исключительно, имѣя впрочемъ въ виду разобрать впослѣдствіи его сужденія и по другимъ вопросамъ, касающимся исторіи раскола.

Новое ученое изслѣдованіе о перстосложеніи, собственно говоря, не представляетъ никакихъ новыхъ данныхъ для рѣшенія вопроса. Всѣ свидѣтельства, приведенныя г. Кап-

[2]) Приведемъ здѣсь для примѣра только общій отзывъ, сдѣланный г. Каптеревымъ о всѣхъ „полемистахъ съ расколомъ“. Назвавъ „неудачными и совсѣмъ противными исторической истины *всѣ попытки* полемистовъ поколебать фактъ (?) существованія двоеперстія, какъ господствующаго и общецерковнаго обычая“, онъ говоритъ, что полемисты *„при ихъ нежеланіи (!) быть безпристрастными, при ихъ неохотѣ серьезно и научно изучить* вопросъ, прибѣгаютъ иногда къ очень смѣлымъ и даже фантастическимъ (?) предположеніямъ, которыя, *не смотря на всю ихъ очевидную несостоятельность и непригодность, выдаются однако за несомнѣнную историческую истину*“ (стр. 133—134)...

теревымъ (за исключеніемъ одного, которому, правда, усвояетъ авторъ рѣшающее значеніе, но которое, какъ увидимъ, такого значенія совсѣмъ не имѣетъ), давно извѣстны, — приводились и прежде, частію въ раскольническихъ, частію въ православныхъ сочиненіяхъ. Заслуга г. Каптерева (только не предъ наукой и церковью) состоитъ въ томъ, что онъ далъ этимъ, давно извѣстнымъ свидѣтельствамъ «новую постановку и новое освѣщеніе», съ помощію которыхъ создалъ на основаніи сихъ свидѣтельствъ цѣлую теорію непрерывнаго, постояннаго и всеобдержнаго существованія въ русской церкви двуперстія отъ крещенія Руси до «Никоновской реформы», или отъ лѣтъ великаго князя Владиміра, при которомъ будтобы русская церковь, вмѣстѣ съ православною вѣрою, заимствовала отъ грековъ и двуперстіе, до лѣтъ патріарха Никона, замыслившаго, также въ подражаніе грекамъ, ввести въ русскую церковь троеперстіе. Правда, и самая эта теорія не новая, — она существуетъ издавна у нашихъ раскольниковъ, и нѣкоторыми изъ раскольническихъ писателей (напр. Денисовымъ) проведена гораздо смѣлѣе и послѣдовательнѣе, нежели г. Каптеревымъ; но за г. Каптеревымъ остается слава (добрая, или не добрая? — это другой вопросъ!), что онъ первый изъ православныхъ (т.-е. принадлежащихъ къ православной церкви) россійскихъ ученыхъ (если не будемъ относить къ числу ихъ уже измѣнившаго православію, бывшаго единовѣрческаго священника Верховскаго, который проповѣдывалъ подобную же теорію двуперстія), — онъ первый, такъ сказать, пересадилъ эту теорію на почву нашей церковно-исторической науки, изложилъ ее съ пріемами «строго-научной» критики (которые, впрочемъ, знакомы были и Денисову) и съ громко провозглашеннымъ ученымъ безпристрастіемъ, какого будтобы доселѣ не имѣлъ ни одинъ изъ православныхъ ученыхъ «полемистовъ съ расколомъ».

Свою теорію исконнаго и постоянаго существованія у насъ двуперстія г. Каптеревъ поспѣшилъ изложить кратко еще въ II-й гл. своего сочиненія. Здѣсь она является въ слѣдующемъ изложеніи:

«Русскіе приняли отъ грековъ извѣстный церковный обрядъ, который *большинство* изъ нихъ ставило наравнѣ съ вѣроученіемъ и *потому* старалось разъ принятое (?) *держать неизмѣнно*... На ряду съ другими древними обрядами русскіе заимствовали у грековъ и двоеперстіе въ крестномъ знаменіи, сугубую аллилуію и др., которые у грековъ *съ теченіемъ времени* подверглись видоизмѣненіямъ. Двоеперстіе *окончательно* вытѣснено было у нихъ троеперстіемъ, которое *вѣроятно* съ половины XV вѣка и стало у грековъ *преобладающимъ*... Русскіе же относительно перстосложенія для крестнаго знаменія *остались при древнѣйшей его формѣ* — двоеперстной... А *между тѣмъ* видоизмѣнившійся греческій обрядъ *незамѣтно* сталъ проникать на Русь и находить себѣ здѣсь приверженцевъ, — отсюда на Руси стали возникать споры: какому обряду надлежитъ слѣдовать, тому ли, *который издревле преобладалъ на Руси*, или тому, который позднѣе сдѣлался господствующимъ у грековъ .. Итакъ на границѣ, по нашему мнѣнію, XV и XVI вѣка русскіе *разошлись* съ греками въ нѣкоторыхъ обрядахъ, и эти разности возбуждали толки и споры въ русскомъ обществѣ — одни ратовали за русскій обрядъ, другіе за *греческій*» [3]) (гл. II. стр. 165—166).

Въ этомъ краткомъ изложеніи своей теоріи г. Каптеревъ, какъ видятъ читатели, еще не довелъ ее до лѣтъ патріарха Никона; но главныя ея положенія и здѣсь уже высказаны. Разбирать ихъ по существу мы не будемъ, такъ какъ авторъ не представилъ еще никакихъ доказательствъ въ ихъ подтвержденіе; но считаемъ нужнымъ теперь же указать встрѣчающіяся здѣсь неточности и особенности, которыми это краткое изложеніе теоріи значительно разнится отъ пространнаго и полнаго ея изложенія (въ IV-й гл.), на что̀ мы и укажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Здѣсь, въ этомъ краткомъ изложеніи, 1) говорится, что когда русскіе приняли вмѣстѣ съ вѣрою греческій обрядъ (т.-е. двуперстіе), только *большинство* изъ нихъ «ставило

---

[3]) Курсивъ въ подлин.

обрядъ наравнѣ съ вѣроученіемъ и *потому* (только большинство) старалось разъ принятое (т.-е., говоря точнѣе, разъ принятый обрядъ) держать *неизмѣнно*». Значитъ: съ первыхъ же временъ христіанства въ Россіи, по сознанію самого г. Каптерева, было у насъ и *меньшинство*, которое не ставило обрядъ наравнѣ съ вѣроученіемъ и *потому* не старалось о томъ, чтобы разъ принятый обрядъ держать неизмѣннымъ. Было бы весьма любопытно знать, кто именно, какой классъ народа составлялъ большинство, и какой меньшинство. Авторъ не сказалъ намъ этого; но такъ какъ меньшинству приписывается разумное пониманіе дѣла, несмѣшеніе обряда съ вѣрою, то надобно полагать, что его составляли люди интеллигентные по своему времени, въ извѣстной степени образованные, составлявшіе высшій слой народа. Однакоже вслѣдъ за симъ авторъ говоритъ, что когда греки измѣнили обрядъ перстосложенія, приняли вмѣсто двуперстія троеперстіе, то «русскіе остались при древнѣйшей его формѣ — двуперстной», — всѣ русскіе, безъ раздѣленія уже на большинство и меньшинство, котораго, значитъ, теперь не существовало, такъ какъ и оно, вмѣстѣ съ большинствомъ, уже «ставило обрядъ наравнѣ съ вѣроученіемъ» и «старалось разъ принятое двуперстіе держать неизмѣнно». А далѣе опять говорится, что «видоизмѣненный греческій обрядъ (подъ которымъ разумѣется троеперстіе) незамѣтно сталъ проникать на Русь и находить себѣ здѣсь *приверженцевъ*», которые даже «ратовали» за троеперстіе, и что «*отсюда* на Руси стали возникать споры: какому обряду надлежитъ слѣдовать, тому ли, который *издревле преобладалъ* на Руси, или тому, который позднѣе сдѣлался господствующимъ у грековъ». Когда именно случилось это на Руси, авторъ еще не сказываетъ; онъ ограничился выраженіями: «незамѣтно», «между тѣмъ»; можно только догадываться, что рѣчь идетъ о концѣ XV столѣтія. Зато онъ ясно говоритъ здѣсь, что двуперстіе было *издревле* только *преобладающимъ* на Руси, а не единственнымъ и не всеобдержнымъ обрядомъ перстосложенія, и что не всѣ русскіе «остались при древнѣйшей его формѣ — двуперстной», а были

и *приверженцы* троеперстія, притомъ *ратовавшіе* за него,—что происходили у насъ споры о той, или другой формѣ перстосложенія. Кто же «ратовалъ» за троеперстіе въ древней Руси? или, съ точки зрѣнія г. Каптерева, кто «не остался при древнѣйшей формѣ перстосложенія — двуперстной?» Конечно тѣ, кто не сливалъ обряда съ вѣрою, и потому не считалъ необходимымъ непзмѣнно держаться разъ принятаго обряда, т.-е. интеллигентное меньшинство, существованіе котораго у насъ допускаетъ г. Каптеревъ съ первыхъ временъ христіанства?

2) Авторъ говоритъ о грекахъ, что у нихъ «двоеперстіе *окончательно* вытѣснено было троеперстіемъ, которое *вѣроятно* съ половины XV вѣка и стало у грековъ *преобладающимъ*». Этими словами, очевидно, предполагается у грековъ борьба между двуперстіемъ и троеперстіемъ, въ которой это послѣднее одержало *окончательную* побѣду, такъ что двуперстія въ Греціи совсѣмъ не стало. Когда именно послѣдовала эта окончательная побѣда, заключившая борьбу между двуперстіемъ и троеперстіемъ, авторъ опять не говоритъ; онъ дѣлаетъ только *вѣроятное* предположеніе, что въ половинѣ XV-го вѣка троеперстіе сдѣлалось у грековъ *преобладающимъ*, но, очевидно, не единственнымъ, не окончательно побѣдившимъ двуперстіе обрядомъ перстосложенія. Значитъ, въ половинѣ XV-го вѣка троеперстіе получило только перевѣсъ въ борьбѣ съ двуперстіемъ, а *окончательная* его побѣда относится къ болѣе позднему времени?

Наконецъ 3) достойны вниманія заключительныя слова: «Итакъ на границѣ, по нашему мнѣнію, XV и XVI вѣка русскіе *разошлись* съ греками въ нѣкоторыхъ обрядахъ (преимущественно въ обрядѣ перстосложенія) и эти разности возбуждали толки и споры въ русскомъ обществѣ,— одни ратовали за русскій обрядъ, другіе за *греческій*». Здѣсь, очевидно, утверждается, что а) на границѣ XV и XVI в. въ Греціи уже совершилась окончательная побѣда троеперстія надъ двуперстіемъ, что б) тогда же «русскіе (всѣ русскіе!) разошлись съ греками» въ обрядѣ перстосложенія, и что в) тогда же «эти разности (замѣтьте, — разности съ

Грецiей) возбудили однако толки и споры въ самомъ русскомъ обществѣ», при чемъ одни «ратовали за русскій обрядъ, другіе за *греческій*». Нельзя оставить безъ замѣчанія и это наименованіе одного обряда русскимъ, другаго греческимъ. Когда Верховскій называлъ двуперстіе, сугубое аллилуіа, хожденіе посолонь и проч. обрядами русскими, а троеперстіе, трегубое аллилуіа, хожденіе противъ солнца и пр. — обрядами греческими, это было вполнѣ согласно съ его теоріей, что русскіе сами выработали для себя свой національный обрядъ, который потомъ насильственно патріархъ Никонъ замѣнилъ у насъ обрядомъ греческимъ, — что ратовать, какъ ратуютъ раскольники, за двуперстіе, сугубое аллилуіа, хожденіе посолонь и проч. значитъ, ратовать за свой національный, русскій обрядъ противъ насильственной замѣны его чужимъ, греческимъ. Но вѣдь по теоріи г. Каптерева двуперстіе есть именно греческій обрядъ, при самомъ крещеніи Руси заимствованный русскими у грековъ, ровно какъ греческій же обрядъ и троеперстіе. Зачѣмъ же онъ называетъ двуперстіе русскимъ обрядомъ и противопоставляетъ троеперстію, какъ греческому обряду, и даже напечаталъ слово *греческій* курсивомъ?

Вообще, въ первомъ, краткомъ изложеніи своей теоріи перстосложенія г. Каптеревъ допускаетъ очевидныя неточности и дѣлаетъ положенія, которыя, какъ увидимъ, не вполнѣ согласны съ его же собственнымъ полнымъ и подробнымъ ея изложеніемъ.

Это подробное изложеніе отличается отъ краткаго во-первыхъ, и существенно, тѣмъ, что здѣсь каждое изъ положеній подтверждено уже рядомъ доказательствъ (которыя главнымъ образомъ и подлежатъ нашему разсмотрѣнію), и во-вторыхъ, — порядкомъ, въ какомъ слѣдуютъ эти положенія: тамъ идутъ они въ восходящемъ порядкѣ, отъ крещенія Руси до половины XV столѣтія, здѣсь въ нисходящемъ, отъ XV — XVII вв., или отъ самыхъ временъ патріарха Никона, до крещенія Руси. Именно здѣсь, въ IV-й главѣ сочиненія, подробно излагаются и доказываются слѣдующія положенія:

I. «Въ московской Руси съ конца XV до половины XVII вѣка *общеупотребительнымъ и признаваемымъ всею церковію за единственно правильное* перстосложеніе (перстосложеніемъ?) въ крестномъ знаменіи было двоеперстное» (стр. 333)[4]).

II. «Кіевская Русь такъ же, какъ и московская, держалась до половины XVII вѣка того же двоеперстія»[5]); даже въ

---

[4]) Здѣсь же, чрезъ нѣсколько строкъ, говорится: „*Фактъ существованія* въ московской Руси двоеперстія стоитъ твердо и неопровержимо". Противъ этого никто и не споритъ; но вѣдь г. Каптеревъ утверждаетъ и хочетъ доказать не одинъ „фактъ существованія" двуперстія въ московской Руси, — не то одно, что въ извѣстное время у насъ были крестившіеся двуперстно, съ чѣмъ нельзя не согласиться и чего, повторяемъ, никто не отвергаетъ, — напротивъ онъ утверждаетъ и хочетъ доказать, что двуперстіе въ XV — XVII вв. у насъ было „общеупотребительнымъ", всеобдержнымъ, и „всею церковію признаннымъ за *единственно правильное*" перстосложеніе. Это совсѣмъ не то, что „фактъ существованія", въ этомъ-то все дѣло, въ этомъ собственно и нельзя согласиться съ г. Каптеревымъ. И совсѣмъ неожиданно встрѣтить у него на пространствѣ 15-ти строкъ такую очевидную неточность — утвержденіе простаго существованія на Руси двуперстія въ XV — XVII вв. и утвержденіе всеобщности и всеобдержности его употребленія у насъ за все это время, притомъ же какъ обряда „единственно православнаго". Здѣсь же онъ впадаетъ въ явное противорѣчіе съ тѣмъ, что̀ самъ говорилъ прежде, въ краткомъ изложеніи своей теоріи, гдѣ прямо утверждалъ, что именно съ половины XV-го вѣка возникли у насъ „споры и толки" по вопросу о перстосложеніи и явились „приверженцы" троеперстія, „ратовавшіе" за этотъ „греческій" обрядъ, и, какъ видно изъ его же словъ, принадлежавшіе къ интеллигентнымъ людямъ, понимавшимъ различіе между обрядомъ и вѣрою. Если прежде онъ самъ призналъ, что съ XV в. у насъ были ревнители троеперстія, и притомъ въ классѣ интеллигентномъ, то какъ же здѣсь называетъ двуперстіе „всеобщимъ" тогда и „всею церковію признаннымъ за единственно православный" обрядомъ? Развѣ тогдашніе ревнители троеперстія не принадлежали къ церкви и усвояли ему неправославный смыслъ?

[5]) Здѣсь указано съ точностію до какого времени держалась, но не сказано съ какого. Поелику же авторъ дѣлаетъ сопоставленіе кіевской Руси съ московской, то не слѣдуетъ ли разумѣть, что

московскія печатныя книги у кіевлянъ заимствовано и ученіе (?!) о двоеперстіи и самая редакція въ изложеніи (что такое *редакція въ изложеніи?*) этого ученія» (стр. 339), такъ что московская Русь XV — XVII вв. была въ употребленіи двуперстія, — въ ученіи о немъ и въ изложеніи этого ученія, только послѣдовательницей и ученицей кіевской Руси.

III. «Двоеперстіе существовало и у другихъ славянскихъ православныхъ народовъ, кромѣ собственно русскихъ» (стр. 340) [6]).

IV. «Русскіе (московской и кіевской Руси) и другіе православные славяне заимствовали двоеперстіе у своихъ общихъ просвѣтителей христіанствомъ грековъ» (стр. 343), и въ частности русскіе заимствовали его «вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства» (стр. 348): «въ греческой православной церкви несомнѣнно существовалъ *очень продолжительный* (?) періодъ времени, когда двоеперстіе было въ ней *господствующею и преобладающею формою* въ крестномъ знаменіи»; въ этотъ періодъ времени «русскіе приняли христіанство отъ грековъ», и «такъ какъ правымъ (?) и *обязательнымъ* для православныхъ греки считали тогда двоеперстное перстосложеніе, то *конечно* и русскихъ они научили знаменать себя въ крестномъ знаменіи двумя перстами. Вотъ *когда* и *откуда* появилось на Руси двоеперстіе» (стр. 357 — 358)!

Въ порядкѣ этихъ четырехъ положеній и мы будемъ разсматривать доказательства, или свидѣтельства, на которыхъ основалъ ихъ авторъ. Но прежде нежели говорить о томъ, насколько основательны эти основанія, сдѣлаемъ еще нѣкоторыя предварительныя замѣчанія о теоріи г. Каптерева, изложенной въ восходящемъ и нисходящемъ порядкѣ ея главныхъ положеній.

Читатели могли уже видѣть, что содержаніе этихъ поло-

„такъ же, какъ московская Русь“, и кіевская держалась двуперстія „съ конца XV до половины XVII вѣка“?

[6]) Говоря о „другихъ православныхъ славянахъ“, авторъ однакоже разумѣетъ только сербовъ; а времени, въ продолженіе котораго у нихъ существовало двуперстіе, и совсѣмъ не указываетъ.

женій въ краткомъ и пространномъ изложеніи теоріи представляетъ нѣкоторыя несходства, — авторъ допускаетъ или неточности, или противорѣчія [7]).

Мы упоминали также, что представленная г. Каптеревымъ теорія непрерывнаго и всеобдержнаго у насъ существованія двуперстія совсѣмъ не новая, что она давно существуетъ у раскольниковъ и съ особенною рѣшительностію проведена Денисовымъ въ его Поморскихъ Отвѣтахъ. Любопытно, что у Денисова указанъ самый рецептъ, или планъ, какъ построить эту теорію и въ восходящемъ и въ нисходящемъ порядкѣ ея главныхъ положеній. Мы не намѣрены утверждать, что г. Каптеревъ воспользовался именно этимъ рецептомъ для своей теоріи; но не можемъ не указать самаго близкаго между ними соотвѣтствія. Въ началѣ своего знаменитаго пятаго Поморскаго Отвѣта Денисовъ пишетъ: «Якоже лѣствицею по степенемъ *аще отъ Никоновыхъ временъ до князя Владимира* право посмотримъ, усмотримъ отсюду при пяти православныхъ россійскихъ патріарсѣхъ всецерковнѣ, и при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и при прочихъ державныхъ князехъ двѣма персты знаменовахуся, и тако по степенемъ усмотряя до князя Владиміра той не прерванъ обычай хранимъ бяше, право уразумѣемъ. Аще *отъ князя Владиміра по степенемъ* княженія и великихъ святителей воззримъ, *даже до царя Іоанна Васильевича и до Никона патріарха*, тако непрерывнѣ обычай содержащся, еже двѣма персты креститися, право усмотримъ». Мы видѣли, что г. Каптеревъ именно такъ, въ восходящемъ и нисходящемъ порядкѣ положеній, построилъ свою теорію непрерывнаго существованія двуперстія въ русской церкви. Итакъ есть несомнѣнное сходство и его теоріи съ теоріей Андрея Денисова и самыхъ способовъ ея изложенія. Но относительно послѣдовательности, полноты и, такъ сказать, выдержанности въ исполненіи этой теоріи мы по справедливости должны

---

[7]) Эти неточности и противорѣчія частію указаны уже въ предыдущихъ замѣчаніяхъ, частію будутъ указаны дальше.

отдать предпочтеніе раскольническому «ученому». Денисовъ послѣдовательнымъ рядомъ свидѣтельствъ (какого они достоинства? — это совсѣмъ другой вопросъ!) доказалъ дѣйствительную якобы непрерывность существованія двуперстія въ Россіи, начиная отъ Великаго князя Владиміра, при послѣдовавшихъ за нимъ великихъ князьяхъ, до царя Ивана Васильевича, и отъ него до лѣтъ патріарха Никона; а въ изложеніи г. Каптерева есть огромный скачокъ, перерывъ почти на пять столѣтій, изъ которыхъ онъ не представилъ ни одного свидѣтельства о существованіи тогда двуперстія на Руси. Онъ утверждаетъ, что русскіе приняли обрядъ двуперстія отъ грековъ при самомъ крещеніи Руси, при св. Владимірѣ, и съ тѣхъ поръ непрерывно содержали его, какъ «единственно православный», до половины XVII вѣка; но отъ лѣтъ Владиміра до половины XV-го вѣка не указалъ ни одного свидѣтельства о томъ, что въ теченіе всего этого времени неизмѣнно и всеобдержно соблюдался у насъ обрядъ двуперстія. Вскользь высказанное имъ соображеніе, что такъ какъ греки сами будто бы несомнѣнно до XV вѣка содержали двуперстіе, то и у насъ, особенно при митрополитахъ грекахъ, должно было существовать также непремѣнно двуперстіе (стр. 167, прим.), — это соображеніе есть именно *соображеніе*, притомъ не доказанное и не развитое, а не свидѣтельство, которое могло бы быть представлено въ видѣ несомнѣннаго доказательства. Денисовъ хорошо понималъ нужду именно доказательствъ, и потому смѣлой рукой, ничѣмъ не стѣсняясь, собиралъ ихъ откуда могъ и какъ ему хотѣлось. Г. Каптеревъ не обнаружилъ такой смѣлости, и въ этомъ случаѣ имѣетъ, конечно, преимущество предъ Денисовымъ, какъ ученый, показавшій болѣе разборчивости относительно достоинства свидѣтельствъ и доказательствъ въ защиту двуперстія; но зато онъ уступаетъ Денисову относительно послѣдовательности и выдержанности въ исполненіи общей имъ теоріи двуперстія: у него свидѣтельства о неизмѣнномъ и всеобдержномъ содержаніи русскими двуперстія, начинающіяся уже съ XV вѣка, висятъ на воздухѣ, ничѣмъ

не связаны съ тѣмъ свидѣтельствомъ, на которомъ собственно утверждаетъ онъ принятіе русскими этого обряда отъ грековъ вмѣстѣ съ крещеніемъ. Денисовъ построилъ фантастическую «лѣствицу», съ подобающими лѣствицѣ ступенями, на правильномъ одна отъ другой разстояніи, и по этимъ ступенямъ доводитъ читателя отъ великаго князя Владиміра до царя Ивана Васильевича, и отъ царя Ивана Васильевича до патріарха Никона; а г. Каптеревъ, тоже признавая, что существуетъ такая лѣствица, положилъ первую ступень ея, соотвѣтствующую 989 году, и заставляетъ читателя прямо съ нея перепрыгнуть на ступень, соотвѣтствующую половинѣ XV вѣка, — перепрыгнуть черезъ цѣлыхъ 460 лѣтъ! Прыжокъ, очевидно, слишкомъ смѣлый и опасный...

Есть у Денисова еще одно, очень важное преимущество предъ г. Каптеревымъ. Защищая свою теорію непрерывнаго и всеобдержнаго содержанія русскими двуперстія, Денисовъ, частію вызванный вопросами іеромонаха Неофита, частію по своему собственному побужденію, входитъ въ разборъ представляемыхъ православными возраженій противъ такого ученія о двуперстіи и, что̀ еще важнѣе, представляемыхъ православными свидѣтельствъ о преимущественной древности и правильности троеперстія. Г. Каптеревъ этого совсѣмъ не дѣлаетъ. Приводя болѣе или менѣе извѣстныя свидѣтельства о двуперстіи, группируя и толкуя ихъ по своему, онъ или совсѣмъ не упоминаетъ о существующихъ противъ нихъ возраженіяхъ, или ограничивается самымъ краткимъ, въ нѣсколькихъ словахъ, презрительнымъ отзывомъ объ этихъ возраженіяхъ со стороны несимпатичныхъ ему «полемистовъ съ расколомъ»; а что имѣются несомнѣнныя историческія свидѣтельства о троеперстіи изъ тѣхъ самыхъ временъ, когда будто бы, по его увѣренію, всеобщимъ и единственнымъ обрядомъ перстосложенія было у насъ и считалось «единственно православнымъ» двуперстіе, — свидѣтельства, очевидно, разрушающія и во всякомъ случаѣ колеблющія его теорію, — объ этомъ онъ хранитъ полное молчаніе, какъ будто такихъ свидѣ-

тельствъ и не существуетъ вовсе. Настойчиво проводя мысль, что русскіе, вмѣстѣ съ крещеніемъ, приняли отъ грековъ обрядъ двуперстія и съ тѣхъ поръ неизмѣнно содержали его до лѣтъ патріарха Никона, подбирая свидѣтельства въ подтвержденіе этой мысли, онъ оставляетъ, или старается оставить читателя въ совершенномъ невѣдѣніи о томъ, что есть письменные и иные памятники, свидѣтельствующіе о противномъ, подтверждающіе несомнѣнное существованіе у насъ троеперстія въ древнѣйшія времена, — не только не опровергаетъ, или не разбираетъ эти свидѣтельства, но и тщательно обходитъ ихъ. Полагаемъ, что это пріемъ, вовсе не соотвѣтствующій той «строгой научности», примѣръ которой г. Каптеревъ хотѣлъ показать въ своемъ сочиненіи всѣмъ, занимающимся вопросами о расколѣ и особенно не имѣющимъ якобы и понятія объ ней «полемистамъ съ расколомъ». Въ этомъ отношеніи, повторимъ опять, даже Андрей Денисовъ поступалъ болѣе «научно», нежели г. Каптеревъ.

Мы нашли нужнымъ теперь же указать этотъ существенный недостатокъ въ изслѣдованіи г. Каптерева о перстосложеніи, чтобы вмѣстѣ заявить, что въ разборѣ его изслѣдованія, къ которому приступимъ вслѣдъ за симъ, мы будемъ постоянно указывать тѣ возраженія противъ приведенныхъ имъ свидѣтельствъ о двуперстіи, которыя онъ оставилъ не опровергнутыми, и приводить тѣ свидѣтельства о троеперстіи, которыя намѣренно, или ненамѣренно оставлены имъ безъ вниманія и упоминанія.

I.

Правда ли, что «въ Московской Руси, съ конца XV до половины XVII вѣка, общеупотребительнымъ и признаваемымъ всею церковію за единственно правильное перстосложеніе(мъ) въ крестномъ знаменіи было двуперстное»?

«Какое перстосложеніе употреблялось собственно въ московской Руси для крестнаго знаменія, какъ *господствующій*, *признаваемый всею церковію* обычай [8]), на это (говоритъ

[8]) Здѣсь есть противорѣчіе въ понятіяхъ. *Господствующій* обы-

г. Каптеревъ) мы находимъ отвѣтъ *въ цѣломъ рядѣ ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ*, которыя начинаются со второй половины XV вѣка и идутъ затѣмъ непрерывно до самой церковной реформы Никона“ (стр. 330).

Этотъ «цѣлый и непрерывный рядъ (якобы) ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ» о двуперстіи составляютъ слѣдующія, давно извѣстныя, многими и много разъ разсмотрѣнныя, свидѣтельства а) такъ называемое Ѳеодоритово Слово, б) статья въ сборникѣ митр. Даніила, в) слово Максима Грека, г) опредѣленіе Стоглаваго собора, д) посланіе патріарха Іова къ грузинскому митрополиту Николаю, е) отвѣтъ о перстосложеніи въ Великомъ Катихизисѣ, изданномъ при патріархѣ Филаретѣ, ж) «донесеніе» посольства въ Грузію, снаряженнаго при патріархѣ Іоасафѣ, и з) книги, напечатанныя при патріархѣ Іосифѣ.

Всѣ эти свидѣтельства, повторяемъ, давно извѣстны и разобраны въ историческихъ и противураскольническихъ сочиненіяхъ, нѣкоторыя весьма обстоятельно и подробно, при чемъ съ достаточною ясностію и убѣдительностію показано ихъ крайне сомнительное достоинство, какъ свидѣтельствъ именно въ защиту древности и общеупотребительности двуперстія въ церкви россійской. Г. Каптереву, надобно полагать, извѣстно все, что̀ написано объ этихъ свидѣтель-

---

чай не есть *признаваемый* (точнѣе *принимаемый*, или, какъ дальше говоритъ самъ авторъ, *признаваемый за единственно правильный) всею церковію*, и *признаваемый* (или принимаемый) *всею церковію* не есть *господствующій*. Господствующій обычай предполагаетъ другіе, не господствующіе, хотя тоже признаваемые, или принимаемые, т.-е. употребляемые въ церкви (какъ напр. нынѣ въ церкви русской обрядъ единовѣрческій); признаваемый же всею церковію обычай есть единственный въ церкви и исключаетъ въ ней существованіе всякаго другаго. Какимъ же обычаемъ московской Руси г. Каптеревъ признаетъ двуперстіе, — *господствующимъ* только, или признаваемымъ *всею церковію?* Въ другихъ мѣстахъ онъ выражается точнѣе,— прямо называетъ двуперстіе „общеупотребительнымъ въ московской Руси, признаваемымъ за единственно правильный обрядъ, обязательнымъ для всѣхъ православныхъ и *исключающимъ всѣ другія формы перстосложенія, какъ неправыя*“.

ствахъ въ историческихъ и полемическихъ противъ раскола сочиненіяхъ, — по крайней мѣрѣ онъ почелъ себя въ правѣ произнести о всемъ этомъ свой судъ, и судъ очень строгій. Не входя ни въ какія подробности, не представляя никакихъ основаній и доказательствъ, онъ съ рѣдкой авторитетностью говоритъ:

Всѣ попытки православныхъ полемистовъ съ расколомъ, — попытки всѣ тѣ дошедшія до насъ *редакціи* (?) *въ ученіи о перстосложеніи*, въ которыхъ заключается какая-либо *неясность и неопредѣленность*, истолковать въ пользу существованія у насъ троеперстія (какъ общепризнаваемаго обычая) *оказываются* (?!) *рѣшительно неудачными*, *ибо* они (полемисты, или попытки?) не могутъ привести въ пользу троеперстія ни одного авторитетнаго (!) свидѣтельства, въ родѣ (!) тѣхъ, какіе(я) имѣетъ за себя двоеперстіе» (стр. 333).

Отмѣтимъ прежде всего нѣкоторыя неточности выраженій въ этомъ приговорѣ «православнымъ полемистамъ противъ раскола» [9]).

Во-первыхъ, что̀ хотѣлъ сказать г. Каптеревъ непонятной фразой: «дошедшія до насъ *редакціи въ ученіи* (даже не ученія, а въ ученіи) о перстосложеніи?» Могутъ быть и существуютъ различныя редакціи извѣстныхъ письменныхъ памятниковъ, извѣстныхъ свидѣтельствъ о перстосложеніи, и писатели противураскольническихъ сочиненій дѣйствительно обращали и обращаютъ вниманіе на различіе и даже противорѣчивость (а не одну только «неясность и неопредѣленность») какъ редакцій одного и того же свидѣтельства о двуперстіи, такъ и изложенія въ разныхъ памятникахъ, или свидѣтельствахъ, одного и того же ученія о двуперстіи (о способѣ сложенія перстовъ и объ ихъ знаменованіи). Пола-

[9]) Просимъ извиненія у читателей, что обращаемъ вниманіе на частности, повидимому не стоющія вниманія. Но имѣя дѣло съ сочинителемъ, претендующимъ на „строгую научность“ и порицающимъ другихъ за отступленіе отъ такой научности, мы считаемъ неизлишнимъ указывать, какъ мало самъ онъ удовлетворяетъ ученымъ требованіямъ, и даже просто требованію основательности, и въ своихъ сужденіяхъ и въ самомъ ихъ изложеніи.

гаемъ, что и съ «строго-научной» точки зрѣнія этотъ пріемъ критики, употребляемый православными полемистами противъ раскола, не подлежитъ ни малѣйшему порицанію, напротивъ достоинъ полнаго одобренія, и нужно пожалѣть, что самъ ученый авторъ разсматриваемой статьи пренебрегъ этимъ научнымъ пріемомъ. Во-вторыхъ несправедливо говоритъ г. Каптеревъ, что будто бы православные полемисты «обращая вниманіе на неясность и неопредѣленность редакцій въ ученіи о перстосложеніи», дѣлаютъ «попытки *истолковать* (эти редакціи) *въ пользу существованія у насъ троеперстія*». Ближайшая цѣль критическаго разбора свидѣтельствъ о двуперстіи совсѣмъ не эта. Имѣется цѣлію показать только слабость и шаткость свидѣтельствъ, на которыхъ утверждаютъ ученіе объ исключительной древности и правильности двуперстія ревнители этого обряда; а «существованіе у насъ троеперстія» доказывается положительными свидѣтельствами. Въ-третьихъ, г. Каптеревъ, назвавъ «рѣшительно неудачными» «попытки православныхъ полемистовъ» обличить внутреннюю несостоятельность свидѣтельствъ о двуперстіи, въ доказательство такого объ нихъ отзыва говоритъ: «*ибо* они не могутъ привести въ пользу троеперстія ни одного авторитетнаго свидѣтельства въ родѣ тѣхъ, какіе(я) имѣетъ за себя двоеперстіе». Мы покажемъ въ свое время, справедливо *ли* г. Каптеревъ утверждаетъ, будто «въ пользу троеперстія» нельзя привести «ни одного авторитетнаго свидѣтельства», даже «въ родѣ тѣхъ, какія имѣетъ за себя двоеперстіе»; здѣсь обратимъ вниманіе только на совершенную неумѣстность этого *ибо*. Развѣ критическій разборъ свидѣтельствъ о *двуперстіи*, обличающій ихъ несостоятельность, можетъ потерять свое значеніе отъ того, что нѣтъ (допустимъ даже, что ихъ нѣтъ) авторитетныхъ свидѣтельствъ въ защиту *троеперстія?* Свидѣтельствъ о троеперстіи можетъ и совсѣмъ не быть; а свидѣтельства о двуперстіи тѣмъ не менѣе могутъ оказаться совершенно несостоятельными предъ научной критикой.

И на какихъ-нибудь десяти строкахъ наговоривъ столько неосновательнаго и неточнаго о всѣхъ сдѣланныхъ «право-

славными полемистами» возраженіяхъ и замѣчаніяхъ на существующія свидѣтельства о двуперстіи, не разсудивъ подвергнуть ихъ даже самому краткому разбору, г. Каптеревъ смѣло обзываетъ ихъ, всѣ вообще, «рѣшительно неудачными попытками» защитить троеперстіе, и «совсѣмъ противными исторической истинѣ»!

Достойно примѣчанія, что г. Каптеревъ и въ своемъ собственномъ изложеніи свидѣтельствъ о двуперстіи употребляетъ чрезвычайную краткость, — потому ли что считаетъ свидѣтельства эти по ихъ мнимой «ясности и опредѣленности» не требующими ни разъясненія, ни подтвержденія, или (вѣроятнѣе) потому, что быстрымъ и краткимъ перечисленіемъ «цѣлаго ряда» ихъ желалъ произвести особенное впечатлѣніе на читателя, поразить его и заставить непремѣнно согласиться съ своимъ заключительнымъ изъ нихъ выводомъ — что свидѣтельства эти «*неопровержимо и согласно* свидѣтельствуютъ, что въ московской Руси съ конца XV до половины XVII вѣка общеупотребительнымъ и признаваемымъ всею церковію за единственно правильное перстосложеніе(мъ) въ крестномъ знаменіи было двуперстное».

Но мы не намѣрены слѣдовать примѣру г. Каптерева; напротивъ считаемъ нужнымъ 1) разсмотрѣть съ нѣкоторою подробностію, дѣйствительно ли представленныя имъ свидѣтельства о двуперстіи имѣютъ несомнѣнную «ясность» и «опредѣленность», и дѣйствительно ли они «неопровержимо» доказываютъ, что съ конца XV до половины XVII вв. двуперстіе было у насъ «общеупотребительнымъ и признаваемымъ *всею церковію за единственно правильное*» перстосложеніемъ для крестнаго знаменія, 2) привести забытыя, или даже отрицаемыя г. Каптеревымъ свидѣтельства о троеперстіи, изъ коихъ будетъ видно, что и «фактъ существованія» у насъ троеперстія въ указанное время (скажемъ словами г. Каптерева) «стоитъ твердо и неопровержимо», а потому признавать двуперстіе «всеобщимъ» тогда и «всею церковію признаннымъ за единственно правильное», «исключающимъ всѣ другія формы перстосложенія», совсѣмъ несправедливо.

1. Разборъ представленныхъ г. Каптеревымъ свидѣтельствъ о двуперстіи.

а) Такъ называемое Ѳеодоритово Слово.

Рядъ своихъ «ясныхъ и опредѣленныхъ» свидѣтельствъ о двуперстіи г. Каптеревъ начинаетъ свидѣтельствомъ отъ Ѳеодоритова Слова, явившагося, какъ самъ онъ признаетъ, во второй половинѣ XV вѣка. Намъ кажется, что рядъ ихъ г. Каптеревъ могъ бы начать съ болѣе ранняго времени, — свидѣтельствомъ извѣстной статьи въ чинѣ принятія отъ еретиковъ, появленіе которой въ нашихъ Кормчихъ относятъ къ началу XV, и даже къ концу XIV в. И достойно удивленія, что онъ пренебрегъ, повидимому, столь важной для него и во всякомъ случаѣ достойной вниманія статьей [10]). Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ мы будемъ говорить объ ней; теперь же, обязанные слѣдовать за г. Каптеревымъ, займемся разсмотрѣніемъ перваго въ его ряду «яснаго и опредѣленнаго» свидѣтельства о двуперстіи. Вотъ что говоритъ онъ о Ѳеодоритовомъ Словѣ:

«Въ основу ученія о перстосложеніи въ московской Руси (отличаемъ отъ кіевской) со второй половины XV вѣка, *когда у насъ въ первый разъ возникъ вопросъ о перстосложеніи* въ крестномъ знаменіи, положено было главнымъ образомъ такъ называемое Ѳеодоритово слово».

---

[10]) Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, почему г. Каптеревъ опустилъ свидѣтельство о двуперстіи въ чинѣ пріятія Хвалисинъ, несомнѣнно болѣе древнее, нежели Слово Ѳеодорита. Развѣ онъ признаетъ это свидѣтельство недостаточно „яснымъ и опредѣленнымъ“? Однакоже оно не менѣе ясно, какъ и Слово Ѳеодорита, и даже рѣшительнѣе этого послѣдняго предписываетъ двуперстіе, ибо не крестящихся двѣма персты предаетъ проклятію. Или же г. Каптеревъ потому обошелъ статью изъ чиноприятія еретиковъ, что свидѣтельство это, относимое къ XIV в., не совпадаетъ съ его теоріей, по которой наши предки „разошлись съ греками“ въ обрядѣ перстосложенія „на границѣ XV и XVI вѣка (стр. 166), а не въ XIV столѣтіи? Но вѣдь это значитъ не теорію составлять на основаніи историческихъ данныхъ, а историческія данныя подбирать къ своей теоріи, — гнуть исторію по своему произволу.

Остановимся здѣсь. Изъ приведенныхъ словъ мы видимъ, что, по мнѣнію автора, въ московской Руси, «со второй половины XV в. въ основу ученія о двуперстіи полагается главнымъ образомъ Ѳеодоритово Слово»[11]). Спрашивается: что же прежде этого, до XV вѣка, лежало въ основѣ двуперстія, если обрядъ этотъ, по теоріи г. Каптерева, существовалъ на Руси отъ лѣтъ св. Владиміра? Или поставимъ вопросъ шире: на чемъ основывался изначала существовавшій на Руси обрядъ перстосложенія (будетъ ли то двуперстіе, или троеперстіе) во все то время, пока въ основу его не было положено еще никакого письменнаго наставленія, или свидѣтельства, въ родѣ Ѳеодоритова Слова? Несомнѣнно, что единственнымъ основаніемъ держаться извѣстнаго перстосложенія (было ли то, скажемъ опять, двуперстіе, или троеперстіе) во все это время служило преданіе, шедшее преемственно изъ рода въ родъ, какъ и вообще для обряда основаніемъ служитъ неписанное преданіе. Принявъ отъ своихъ просвѣтителей — грековъ извѣстный обрядъ перстосложенія для крестнаго знаменія, наши предки передавали и передали его своимъ дѣтямъ и внукамъ, и обрядъ этотъ хранился и существовалъ, не нуждаясь ни въ какихъ письменныхъ «основахъ». Итакъ, не предрѣшая вопроса о томъ, какое перстосложеніе принято было русскими отъ грековъ при самомъ просвѣщеніи православною вѣрою, — двуперстное, или троеперстное, — признаемъ, вмѣстѣ съ авторомъ, что до половины XV вѣка, перстосложеніе

---

[11]) Здѣсь, въ этихъ выраженіяхъ о значеніи Ѳеодоритова Слова съ самаго его появленія на свѣтъ, есть нѣкоторое преувеличеніе. Впослѣдствіи, особенно въ XVII вѣкѣ, оно сдѣлалось дѣйствительно, если не „основою“, то главнымъ свидѣтельствомъ, на которомъ опирались защитники двуперстія; но говорить, что съ самаго появленія своего, „со второй половины XV вѣка“, оно „полагается главнымъ образомъ въ основу ученія о двуперстіи“, едва ли справедливо. Даже на Стоглавомъ соборѣ „въ основу“ опредѣленія о двуперствіи полагается свидѣтельство, взятое изъ чинопріятія Хвалисинъ, а Ѳеодоритово Слово стоитъ уже третьимъ въ ряду свидѣтельствъ, послѣ сказанія о Мелетіи, о которомъ, замѣтимъ кстати, г. Каптеревъ почему-то также умолчалъ.

это неизмѣнно содержалось нашими предками въ силу преданія, утверждаясь на преемственно, изъ рода въ родъ переходившемъ благочестивомъ обычаѣ, а не на какомъ-либо письменномъ наставленіи, или правилѣ, какого мы и не находимъ въ памятникахъ древности, въ какомъ дотолѣ не было и нужды.

Почему же явилась такая нужда въ половинѣ XV вѣка? почему тогда именно кому-то понадобилось дать «основу» для двуперстія сочиненіемъ подложнаго о немъ свидѣтельства, каково Ѳеодоритово Слово? Причину этого авторъ здѣсь указываетъ въ томъ, что «во второй половинѣ XV вѣка у насъ *въ первый разъ* возникъ вопросъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія». Объясненіе, какъ видятъ читатели, слишкомъ краткое и не очень понятное. Нѣсколько полнѣе и яснѣе авторъ говоритъ объ этомъ въ первоначальномъ изложеніи своей теоріи, — и именно вотъ что: «Вѣроятно съ половины XV вѣка видоизмѣнившійся греческій обрядъ (троеперстіе) сталъ проникать на Русь и находить здѣсь себѣ приверженцевъ, — отсюда на Руси стали возникать споры: какому обряду надлежитъ слѣдовать... одни ратовали за русскій обрядъ, другіе за греческій» (стр. 166). И здѣсь же, въ примѣчаніи, еще прямѣе на данный вопросъ, говорится: «Появленіе у насъ Ѳеодоритова Слова именно со второй половины XV вѣка указываетъ, по нашему мнѣнію, на то, что именно въ это время *явилась нужда оправдать двоеперстіе какимъ-либо авторитетнымъ свидѣтельствомъ, подыскать для него данныя въ церковно-исторической древности, явилась потребность защитить* этотъ древній русскій (?) обычай отъ появившихся на него въ то время какихъ-то нападеній... Тогда именно въ первый разъ стало проникать на Русь усвоенное въ то время троеперстіе, которое *необходимо вступило у насъ въ борьбу съ двоеперстіемъ, почему для оправданія послѣдняго и понадобилось теперь Ѳеодоритово Слово*». Справедливо ли авторъ называетъ троеперстіе новымъ, видоизмѣнившимся въ концѣ XV вѣка греческимъ обрядомъ, тогда только первый разъ проникшимъ къ намъ въ Россію, это мы покажемъ дальше; но все осталь-

ное, сказанное здѣсь авторомъ, мы готовы принять безъ возраженій. Мы соглашаемся съ нимъ, что въ половинѣ XV вѣка возникли у насъ споры по вопросу о перстосложеніи, явились защитники троеперстія и защитники двуперстія, и что тогда-то понадобилось «для оправданія» послѣдняго «подыскать» какое-нибудь историческое свидѣтельство, и было съ этою цѣлію сочинено Ѳеодоритово Слово. Но что же слѣдуетъ непосредственно изъ этихъ двухъ, самимъ авторомъ ясно высказанныхъ, положеній? Слѣдуетъ во-первыхъ, что онъ самъ признаетъ несомнѣннымъ (скажемъ его словами) «фактъ существованія» у насъ троеперстія въ половинѣ XV вѣка, и не только «фактъ существованія», но и то, что троеперстіе тогда «вступило въ борьбу съ двуперстіемъ», имѣло «приверженцевъ», «ратовавшихъ» за него съ проповѣдниками двуперстія. Во-вторыхъ отсюда слѣдуетъ, что существовавшее тогда у насъ троеперстіе было обрядомъ твердо державшимся на преданіи, издревле, изначала преемственно наслѣдованномъ отъ отцевъ и дѣдовъ, ибо оно для своей защиты въ борьбѣ съ двуперстіемъ не нуждалось ни въ какомъ письменномъ памятникѣ, тѣмъ паче ново-сочиненномъ, незыблемо опираясь на преданіе, всѣмъ извѣстное; а двуперстіе напротивъ было обрядомъ недавно явившимся, не имѣвшимъ такой твердой опоры въ древнемъ, всѣмъ извѣстномъ и всѣми признаваемомъ преданіи, ибо для своей защиты, для того, чтобы имѣть нѣкоторый успѣхъ въ борьбѣ съ троеперстіемъ, нуждалось въ письменномъ свидѣтельствѣ, хотя бы и подложномъ, новосочиненномъ, но лишь бы подъ именемъ «авторитетнаго» въ церкви лица, на которое защитники двуперстія могли бы сослаться въ его «оправданіе». Въ самомъ дѣлѣ, по здравому разсужденію, что нуждается въ «защитѣ», въ «оправданіи», въ «подысканіи» и даже сочиненіи какихъ-либо статей, хотя бы подложныхъ, для своей «основы», — древній ли обычай, всѣмъ извѣстный и неподлежащій сомнѣнію, или нововводный и подлежащій сомнѣнію? Понятно, что послѣдній.

Г. Каптеревъ, — и это очень любопытно, — совсѣмъ не обра-

тилъ вниманія на подложность Ѳеодоритова Слова. Въ одномъ мѣстѣ своей статьи онъ даже высказалъ мысль, что въ вопросѣ о двуперстіи это обстоятельство, т.-е. подложность, или подлинность Ѳеодоритова Слова, не имѣетъ никакого значенія. По его мнѣнію важно собственно то, что «появленіе Ѳеодоритова Слова, *будетъ ли оно подложное, или подлинное,* было вызвано потребностью оправдать уже существовавшій у насъ (т.-е. вовсе не нуждавшійся въ оправданіи) обычай двуперстія» (стр. 166, прим.). Говоря: «будетъ ли оно подложное, или подлинное», г. Каптеревъ какъ будто именно готовъ допустить и «подлинность» Ѳеодоритова Слова, что̀ намъ кажется по меньшей мѣрѣ странно послѣ того, какъ подложность этого несомнѣнно русскаго сочиненія, выданнаго его составителемъ и доселѣ выдаваемаго раскольниками за произведеніе Блаженнаго Ѳеодорита, доказана и засвидѣтельствована всѣми изслѣдователями, начиная съ патріарха Никона [12]) и отцовъ собора 1667 г., которые объявили рѣшительно, что «Ѳеодоритъ о томъ (двуперстномъ сложеніи) ничтоже писа... и не обрѣтеся въ ѳеодоритовѣ книзѣ таково писаніе, но солгано на него Ѳеодорита» [13]). Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что Ѳеодоритово Слово есть сочиненіе подложное, что его составилъ, какъ говоритъ и сѧмъ г. Каптеревъ, для «оправданія» двуперстія, и сознательно, съ предумышленіемъ выдалъ за твореніе «святаго» отца [14]), одинъ изъ тѣхъ «лжесловесниковъ», по свидѣтельству Курбскаго, существовавшихъ у насъ именно въ половинѣ XV-го вѣка, которые имѣли обычай свои собственныя сочиненія злонамѣренно «подписывать на святыхъ имена, да удобно ихъ писанія пріемлются простыми и ненаученными», и дабы «за имена святыхъ» удобнѣе побѣждать состязающихся съ ними. И напрасно г. Каптеревъ не хочетъ придавать ни-

---

[12]) „Слово отвѣщательное", въ Скрижали.

[13]) Соб. Дѣян. гл. 3-я (по изд. Брат. Св. Петра митр. л. 32 об.).

[14]) Въ нѣкоторымъ спискахъ и именно древнѣйшихъ оно надписывается: „святаго Ѳеодорита".

какой важности этому обстоятельству, что Ѳеодоритово Слово есть подложное сочиненіе; напротивъ, обстоятельство это имѣетъ несомнѣнную важность, — оно показываетъ, что въ XV вѣкѣ двуперстіе было явленіемъ столь новымъ и сомнительнымъ, что для поддержанія и оправданія его признали нужнымъ какой-то изъ его ревнителей прибѣгнуть къ составленію подложнаго сочиненія и выдать его подъ именемъ свѣтоотеческаго.

Итакъ, *на основаніи сказаннаго самимъ г. Каптеревымъ* о томъ, что именуемое Ѳеодоритово Слово «появилось» вслѣдствіе открывшейся въ концѣ XV-го вѣка «потребности», или «нужды» «подыскать оправданіе» для двуперстія ради удобнѣйшей борьбы его противъ троеперстія, мы имѣемъ полное право заключить, что, значитъ, двуперстіе въ то время было у насъ только еще возникавшимъ обрядомъ, именно по своей новости не имѣвшимъ силы бороться съ троеперстіемъ, издревле у насъ существовавшимъ, твердо опиравшимся на преданіи, всѣми признанномъ и хранимомъ, потому не нуждавшимся для своего оправданія въ «подысканіи» какихъ-либо письменныхъ свидѣтельствъ; а оставленная г. Каптеревымъ безъ вниманія, но достойная полнаго вниманія несомнѣнная подложность свидѣтельства, сочиненнаго въ «оправданіе» двуперстія, съ преднамѣренною лживостію приписаннаго одному изъ древнихъ учителей церкви, не только подтверждаетъ еще болѣе тогдашнюю нововводность двуперстія, но и свидѣтельствуетъ о томъ, что для утвержденія и распространенія въ Россіи этого нововводнаго тогда обычая прибѣгали къ непозволительнымъ средствамъ подлога, и что поборники его, прибѣгавшіе къ такимъ средствамъ, были даже люди не высокаго нравственнаго достоинства, которыхъ разумный и просвѣщенный современникъ заклеймилъ позорнымъ именемъ «лжесловесниковъ, преобразующихся во истовые учители»...

Посмотримъ теперь, къ какимъ заключеніямъ приводитъ внимательное разсмотрѣніе самаго содержанія Ѳеодоритова Слова, съ которымъ, къ удивленію, г. Каптеревъ не нашелъ нужнымъ даже и познакомить своихъ читателей. Онъ огра-

ничился вотъ какими замѣчаніями о содержаніи Ѳеодоритова Слова:

«Во всѣхъ своихъ *ясныхъ и опредѣленныхъ* редакціяхъ (оно) учитъ употреблять въ крестномъ знаменіи дву*перстное персто*сложеніе [15]) (всѣ попытки объяснить нѣкоторыя редакціи этого слова въ пользу троеперстія *рѣшительно не удачны*), *и такъ* (?) *понимаемое всѣми русскими XVI и XVII вѣка* оно внесено было во *всевозможные* (?) наши рукописные сборники, въ которыхъ встрѣчается *очень часто*» (стр. 331) [16]).

Какія редакціи Ѳеодоритова Слова г. Каптеревъ признаетъ «ясными и опредѣленными», и какія неясными и неопредѣленными? Какъ выражается въ тѣхъ и другихъ ученіе о перстосложеніи? И почему именно однѣ редакціи должны быть признаны ясными и опредѣленными, а другія неясными и неопредѣленными? И сколько именно есть редакцій ясныхъ

---

[15]) Намъ придется далѣе не разъ приводить это выраженіе; но, съ позволенія г. Каптерева, мы не станемъ, во избѣжаніе какофоніи, повторять употребленный имъ здѣсь странный плеоназмъ: „дву*перстное персто*сложеніе“, и будемъ писать: „двуперстное сложеніе“.

[16]) Слова: *такъ понимаемое* и проч. подчеркнуты самимъ авторомъ. И однакоже эта фраза, на которую онъ обращаетъ особое вниманіе читателей, намъ кажется не очень вразумительною. Что значитъ: „такъ понимаемое всѣми русскими XVI и XVII вѣка, оно внесено... въ сборники“? Яснѣе и точнѣе слѣдовало бы, конечно, сказать: такъ понимали Ѳеодоритово Слово *всѣ русскіе XVI и XVII вѣка*, о чемъ свидѣтельствуютъ наши рукописные сборники того времени, въ которыхъ оно встрѣчается очень часто. Мы, по крайней мѣрѣ, въ такомъ значеніи будемъ разсматривать эту нескладную и неточную фразу г. Каптерева. Нельзя также оставить безъ замѣчанія куріозное выраженіе: „внесено во *всевозможные* наши сборники, *въ которыхъ встрѣчается очень часто*“. Если во „всевозможные“, то значитъ уже не „очень часто“, а постоянно, въ каждомъ сборникѣ; если же „очень часто“, то значитъ внесено не во „всевозможные“ сборники. Или г. Каптеревъ хотѣлъ сказать, что въ каждомъ изъ „всевозможныхъ“ сборниковъ, въ которые „внесено“ Ѳеодоритово Слово, оно встрѣчается „очень часто“, — перевернешь пятьшесть листовъ, и находишь Ѳеодоритово Слово, еще десять, — опять Ѳеодоритово Слово, и т. д.? Да и не странно ли въ „строго-научномъ“ изслѣдованіи встрѣтить выраженіе: „*всевозможные* сборники“?

и опредѣленныхъ (онъ говоритъ во *всѣхъ* такихъ редакціяхъ, значитъ ихъ не мало)? И наконецъ, откуда и какъ явились редакціи неясныя и неопредѣленныя? — Все это, казалось бы, г. Каптеревъ долженъ былъ сообщить своимъ читателямъ, чтобы не заставлять ихъ вѣрить ему на слово. Онъ сослался на всѣхъ русскихъ людей XVI и XVII вѣка, — говоритъ, что всѣ русскіе люди того времени принимали Ѳеодоритово Слово, какъ свидѣтельство о двуперстіи, и что оно, именно въ значеніи такого свидѣтельства, внесено во «всевозможные» сборники XVI и XVII вѣка. Но говоря такъ рѣшительно о *всѣхъ русскихъ* XVI и XVII вѣка, г. Каптеревъ, очевидно, дозволяетъ себѣ слишкомъ большую смѣлость; мы полагаемъ, напротивъ, что большинство русскихъ и тогда не знало даже о существованіи Ѳеодоритова Слова. Притомъ же не рано ли говоритъ онъ о русскихъ XVI и XVII вѣка, когда рѣчь идетъ еще о XV вѣкѣ, о самомъ появленіи Ѳеодоритова Слова, измышленнаго въ защиту и оправданіе двуперстія? Иное дѣло говорить о сборникахъ XVI и XVII вѣка, хотя и они, казалось бы, являются здѣсь не совсѣмъ у мѣста. Но развѣ составители и читатели сборниковъ представляютъ собою всѣхъ русскихъ людей XVI и XVII вѣка? Напротивъ мы полагаемъ, что въ общей массѣ русскаго народа они составляли весьма ограниченный кругъ такъ называемыхъ грамотеевъ, или грамотниковъ, имѣвшихъ съ остальнымъ народомъ не много общаго. И что̀ свидѣтельствуютъ о Ѳеодоритовомъ Словѣ сборники XVI и XVII вѣка? То ли, что̀ указываетъ г. Каптеревъ? Хотя онъ и говоритъ о «всевозможныхъ» рукописныхъ сборникахъ XVI и XVII вѣка, въ которыхъ Ѳеодоритово Слово встрѣчается «очень часто» [17]), но мы склонны думать, что

[17]) О „всевозможныхъ рукописныхъ сборникахъ XVII вѣка“ не напрасно ли даже и упоминаетъ г. Каптеревъ? Въ XVII в., когда въ московской Руси прочно утвердилось книгопечатаніе, рукописныхъ сборниковъ стало являться у насъ, сравнительно, очень мало; и со второй половины этого столѣтія являются преимущественно раскольническіе рукописные сочиненія и сборники, въ которыхъ дѣйствительно, Ѳеодоритово Слово приводится часто. Но ужели г. Каптеревъ разумѣетъ и эти раскольническіе сборники?

съ этими «всевозможными» сборниками онъ очень мало знакомъ, и Слово Ѳеодорита видѣлъ въ нихъ очень рѣдко, а въ тѣхъ, якобы многочисленныхъ редакціяхъ, которыя ему угодно называть «ясными и опредѣленными», полагаемъ, и вовсе не видалъ. Иначе онъ указалъ бы хоть одинъ изъ тѣхъ сборниковъ, въ которыхъ видѣлъ такія редакціи. Между тѣмъ, говоря о «безчисленныхъ» сборникахъ и о «всѣхъ ясныхъ и опредѣленныхъ» редакціяхъ Ѳеодоритова Слова, онъ ограничился однимъ подстрочнымъ примѣчаніемъ: «Различныя *доселѣ извѣстныя редакціи* такъ называемаго Ѳеодоритова Слова напечатаны въ Братскомъ Словѣ 1876 г. Отд. II, III (?), стр. 197 и слѣд.» (стр. 331 прим. [18]). Итакъ свои заключенія о редакціяхъ Ѳеодоритова Слова г. Каптеревъ сдѣлалъ собственно на основаніи напечатанныхъ нами, доселѣ извѣстныхъ по сборникамъ, списковъ (а не редакцій) Ѳеодоритова Слова. Но, къ удивленію и сожалѣнію, онъ весьма поверхностно просмотрѣлъ и эти, напечатанные нами, списки и статью, которою мы сопроводили ихъ, хотя именно по поводу статьи сдѣлалъ очень суровое замѣчаніе, что «всѣ попытки объяснить *нѣкоторыя* редакціи этого (Ѳеодоритова) Слова въ пользу троеперстія рѣшительно не удачны» [19]).

---

[18]) Даже и въ этой цитатѣ г. Каптеревъ допустилъ неточность, обличающую малое знакомство съ дѣломъ. Въ статьѣ Братскаго Слова (напечатанной Братствомъ и отдѣльною книжкою) говорится не о *доселѣ извѣстныхъ редакціяхъ* Ѳеодоритова Слова, но о доселѣ извѣстныхъ спискахъ его, или текстахъ, представляющихъ три различныя редакціи (о которыхъ мы будемъ говорить), почему и статья озаглавлена: „Ѳеодоритово Слово въ разныхъ его редакціяхъ“. Надобно бы знать, что иное дѣло списокъ, текстъ, иное — редакція.

[19]) Насъ удивляетъ не столько это голословное замѣчаніе г. Каптерева, въ сущности ничего не стоющее, сколько то, что г. профессоръ не умѣлъ оцѣнить по достоинству почтенный трудъ, употребленный (преимущественно о. игуменомъ Филаретомъ) на собраніе текстовъ Ѳеодоритова Слова, правда не изъ „всевозможныхъ“, но изъ всѣхъ наиболѣе примѣчательныхъ и извѣстныхъ сборниковъ XV и XVI вв., и на изданіе оныхъ со всею тщательностію, какая требуется въ этомъ дѣлѣ. Г. Каптеревъ не только не оцѣнилъ этого труда, но не умѣлъ и воспользоваться имъ, какъ подобаетъ ученому.

Въ нашемъ изданіи приведенъ текстъ Ѳеодоритова Слова по шестнадцати спискамъ его, заимствованнымъ изъ древнѣйшихъ и наиболѣе замѣчательныхъ сборниковъ (XV — XVI вв.), и кромѣ того для сличенія съ ними приведенъ текстъ этого сочиненія, напечатанный въ Великомъ Катихизисѣ и въ Кирилловой книгѣ. Изъ внимательнаго разсмотрѣнія этихъ текстовъ (а новыхъ не нашелъ и самъ г. Каптеревъ въ своихъ «всевозможныхъ» сборникахъ) оказалось, что Ѳеодоритово Слово имѣетъ въ нихъ три слѣдующія редакціи: а) принятую раскольниками, содержащую наставленіе «три персты равно имѣти вкупѣ, великій, иже глаголется палецъ, да два послѣднихъ... *а два перста, вышній да средній великій, вмѣсто сложити и простерти, великій же перстъ имѣти мало наклонно*»; б) отличную отъ принятой раскольниками, — отличную и въ указаніи способа сложенія двухъ перстовъ и въ томъ, что самые эти персты не названы, — содержащую именно повелѣніе «три перста равно имѣти вкупѣ, большой, да два послѣднихъ... а *два перста имѣти наклонена, а не простерта*»; и в) еще болѣе отличную отъ раскольнической, даже совершенно съ ней не сходную, въ которой говорится только: «три перста равно (или равны) имѣти вкупѣ... а два перста имѣти наклонена, а не простерта». Какую же (даже нельзя сказать *какія* же) изъ этихъ трехъ редакцій г. Каптеревъ признаетъ «ясною и опредѣленною», когда говоритъ, что Ѳеодоритово Слово «во *всѣхъ* своихъ ясныхъ и опредѣленныхъ редакціяхъ (а и всѣхъ-то редакцій три!) учитъ употреблять въ крестномъ знаменіи двуперстное сложеніе»? Конечно, принятую раскольниками, такъ какъ она только содержитъ вполнѣ точное наставленіе о томъ сложеніи перстовъ, которое принято называть двуперстіемъ; а изъ двухъ остальныхъ редакцій одна, которую съ точки зрѣнія г. Каптерева можно назвать пожалуй полу-ясною и полу-опредѣленною, относительно сложенія *двухъ* перстовъ, имѣющихъ преимущественное значеніе въ *двуперстіи*, содержитъ наставленіе, рѣшительно не соотвѣтствующее принятому у старообрядцевъ двуперстному сложенію, другая же, кромѣ того и

совсѣмъ не называющая перстовъ, ни двухъ, ни трехъ, еще менѣе можетъ соотвѣтствовать старообрядческому двуперстію. Итакъ «ясною и опредѣленною» редакціею г. Каптеревъ несомнѣнно признаетъ первую изъ трехъ, исчисленныхъ выше. Но что же оказывается? Оказывается, что эта редакція Ѳеодоритова Слова встрѣчается только въ *печатныхъ* его изданіяхъ Іосифовскаго времени — въ Кирилловой книгѣ и Псалтыряхъ; а во всѣхъ шестнадцати спискахъ и въ печатномъ текстѣ Великаго Катихизиса содержатся иныя редакціи. Гдѣ же, спрашивается, эти «*всѣ* ясныя и опредѣленныя» редакціи, о которыхъ такъ торжественно провозглашаетъ г. Каптеревъ, «научающія употреблять въ крестномъ знаменіи двуперстное сложеніе» и якобы «внесенныя во всевозможные наши *рукописные* сборники»? Быть можетъ, г. Каптеревъ зачислилъ сюда и полу-опредѣленную, полу-ясную редакцію, въ которой хотя и содержится наставленіе о двухъ перстахъ, рѣшительно не соотвѣтствующее наставленію «ясной и опредѣленной» редакціи, но по крайней мѣрѣ, какъ и въ этой послѣдней, наставленіе о трехъ перстахъ указываетъ прямо на тѣ три перста, которые слагаются извѣстнымъ образомъ въ двуперстіи? Положимъ такъ; но вѣдь и эта полу-ясная, полу-опредѣленная редакція, кромѣ *печатнаго* же изданія XVII в. (въ Большомъ Катихизисѣ), встрѣчается только въ двухъ «*рукописныхъ* сборникахъ» (Фатѣевскомъ и м. Даніила), всѣ же остальные четырнадцать списковъ согласно представляютъ одну и ту же третью редакцію, которую г. Каптеревъ долженъ признать, и очевидно признаетъ, неясною и неопредѣленною, которая дѣйствительно не содержитъ яснаго «ученія — употреблять въ крестномъ знаменіи двуперстное сложеніе». Какъ же могъ г. Каптеревъ говорить, что это ученіе содержится «во всѣхъ ясныхъ и опредѣленныхъ редакціяхъ» Ѳеодоритова Слова, «внесенныхъ во всевозможные наши рукописные сборники»? Если бы онъ желалъ дѣйствительно дать изслѣдованіе «строго-научное» и не имѣлъ «предвзятыхъ полемическихъ тенденцій», онъ сказалъ бы только, что печатный текстъ Ѳеодоритова Слова, встрѣчаю-

щійся въ изданіяхъ Іосифовскаго времени (въ Кирилловой книгѣ и въ Псалтыряхъ), представляетъ «ясную и опредѣленную» редакцію, которая «учитъ употреблять въ крестномъ знаменіи двуперстное сложеніе», и что на такое же сложеніе перстовъ указываетъ менѣе ясная и опредѣленная редакція Ѳеодоритова Слова, встрѣчаемая въ напечатанномъ при п. Филаретѣ Большомъ Катихизисѣ и въ двухъ рукописныхъ сборникахъ XVI в.; во всѣхъ же прочихъ спискахъ Ѳеодоритова Слова, доселѣ извѣстныхъ по сборникамъ XV и XVI вв., оно имѣетъ редакцію, не преставляющую яснаго и опредѣленнаго наставленія «употреблять въ крестномъ знаменіи двуперстное сложеніе», за какое собственно ратуетъ расколъ. Вотъ что̀ долженъ бы сказать г. Каптеревъ, еслибы внимательно и безпристрастно, соблюдая «строгую научность», разсмотрѣлъ напечатанные у насъ, доселѣ извѣстные списки Ѳеодоритова Слова.

Г. Каптеревъ не обратилъ вниманія и еще на одно, весьма важное обстоятельство, — на то, что именно редакція Ѳеодоритова Слова, не содержащая яснаго и опредѣленнаго наставленія о двуперстіи, не называющая поименно ни трехъ, ни двухъ перстовъ, и повелѣвающая два перста «имѣти *наклоненна, а не простерта*», — она-то и есть редакція древнѣйшая, которая поэтому и должна быть признана первоначальною; а редакція, содержащая «ясное и опредѣленное» наставленіе о двуперстіи, явилась уже во второй четверти XVII вѣка. Редакція Ѳеодоритова Слова, которую мы называемъ первоначальною, находится въ семи древнѣйшихъ сборниковъ XV и XVI вв.; только потомъ уже, въ другихъ, слѣдующихъ за ними сборникахъ XVI в., — Фатѣевскомъ и м. Даніила, — встрѣчается редакція съ дополнительнымъ объясненіемъ о трехъ перстахъ; а затѣмъ опять во всѣхъ сборникахъ XVI в., и, что̀ особенно примѣчательно, даже въ Макарьевскихъ Четь-Минеяхъ (декабрьской и іюльской), также во всѣхъ спискахъ Стоглава, находимъ первоначальную редакцію, т.-е. безъ поименованія перстовъ; и только уже въ Іосифовскихъ печатныхъ изданіяхъ, въ Кирилловой книгѣ

и въ Псалтыряхъ, является редакція, въ которой и персты указаны поименно, и о сложеніи двухъ перстовъ сказано: «вышній да средній великій вмѣстѣ сложити и *простерти*, великій же перстъ имѣти *мало наклонно*», т.-е. редакція, содержащая «ясное и опредѣленное» наставленіе о двуперстіи.

Что же значитъ это любопытное обстоятельство, на которое г. Каптереву не угодно было обратить вниманія? Чѣмъ объяснить, что за исключеніемъ двухъ, всѣ рѣшительно списки Ѳеодоритова Слова, начиная съ древнѣйшихъ, представляютъ редакцію, въ которой просто говорится: «три перста равны (или равно) имѣти вкупѣ... а два перста имѣти *наклонена, а не простерта?*» По поводу сдѣланнаго нами объясненія именно этого обстоятельства г. Каптеревъ и замѣтилъ: «всѣ попытки объяснить *нѣкоторыя* редакціи этого Слова въ пользу троеперстія *рѣшительно неудачны*.» Но, во-первыхъ, онъ говоритъ совсѣмъ несправедливо, что объясненіе будтобы касается только «*нѣкоторыхъ*» притомъ «*редакцій*» Ѳеодоритова Слова; напротивъ, имѣются въ виду *всѣ* доселѣ извѣстные, за исключеніемъ двухъ, *списки*, а вовсе не *редакціи* этого Слова, — въ томъ-то и дѣло, что во всѣхъ почти древнѣйшихъ его спискахъ редакція *одна*, которую поэтому мы и называемъ первоначальною, и что эта первоначальная редакція не представляетъ яснаго и опредѣленнаго наставленія о двуперстіи. Во-вторыхъ, почему же *неудачно* объясненіе этой редакіи въ смыслѣ «благопріятствующемъ» (какъ именно выразились мы) троеперстію? Наставленіе о перстосложеніи начинается здѣсь словами: «*три персты равны* (въ иныхъ спискахъ: равно) имѣти вкупѣ»: ужели это не наставленіе о троеперстіи? И не странно ли, что даже въ позднѣйшей, Іосифовскаго времени, редакціи, содержащей «ясное и опредѣленное» наставленіе о *двуперстіи*, наставленіе это начинается тѣми же словами: *три персты?* И потомъ, когда въ первоначальной редакціи говорится о двухъ перстахъ, безъ наименованія оныхъ: «а два перста имѣти *наклонена, а не простерта*, — развѣ это опять не соотвѣтствуетъ положенію двухъ послѣднихъ перстовъ въ троеперстномъ сло-

женіи, гдѣ эти два перста именно должны быть «наклонены, а не простерты», тогда какъ напротивъ въ двуперстномъ сложеніи, согласно наставленію того же Ѳеодоритова Слова въ позднѣйшей, Іосифовской редакціи, два перста надлежитъ *простерти?* Мы впрочемъ не утверждаемъ и не намѣрены были утверждать, что Слово Ѳеодорита и сочинено въ защиту, или «въ пользу» троеперстія; мы говорили, что сочиненіе это, если бы написано было и въ защиту двуперстія, тѣмъ не менѣе въ своей первоначальной, или древнѣйшей редакціи «представляетъ свидѣтельство, болѣе благопріятствующее троеперстію, нежели двуперстію» (*Брат. Сл.* 1876 г. II, 195). Такъ какъ еще въ Фатѣевскомъ сборникѣ (1519 г.) и въ сборникѣ м. Даніила Ѳеодоритово Слово имѣетъ дополнительныя объясненія (о трехъ перстахъ), сообщающія ему значеніе свидѣтельства о двуперстіи, то можно дѣйствительно согласиться съ г. Каптеревымъ (какъ мы и согласились), что оно было сочинено для защиты собственно этого перстосложенія; но какъ же случилось тогда, что именно въ первоначальной своей редакціи Слово Ѳеодорита является болѣе благопріятствующимъ троеперстію, нежели двуперстію? Это произошло, какъ можно думать, отъ того, что и самъ составитель свидѣтельства о двуперстіи не имѣлъ возможности вполнѣ отрѣшиться отъ существовавшаго и тогда всеобщаго на Руси обычая креститься троеперстно. Желая дать наставленіе о томъ перстосложеніи, которое впослѣдствіи стали называть двуперстнымъ (тогда какъ въ сущности оно есть пятиперстное), составитель наставленія пишетъ его такъ, что оно имѣетъ ближайшее подобіе съ наставленіемъ о перстосложеніи всѣми употребляемомъ, начинаетъ повелѣніемъ слагать три персты, сложенію коихъ во имя св. Троицы всѣ усвояли, равно какъ и самъ онъ усвоялъ безъ сомнѣнія, существенную важность въ перстосложеніи для крестнаго знаменія, — онъ не рѣшается даже прямо указать, что разумѣетъ при этомъ не тѣ три перста, какіе употреблялись и употребляются въ троеперстномъ сложеніи. Только такое наставленіе о пятиперстіи, или двуперстіи, т.-е. не ясно и не

точно составленное, имѣющее ближайшее сходство съ наставленіемъ о троеперстіи, — только его и могъ онъ надѣяться провести въ среду грамотныхъ русскихъ людей, еще крѣпко державшихся троеперстія, тогда какъ напротивъ вполнѣ ясное и опредѣленное наставленіе о двуперстіи, повелѣвающее прямо «креститися двѣма персты», и начинающееся прямо наставленіемъ о двухъ перстахъ, хотя бы явилось и подъ именемъ св. отца, какъ явно и рѣзко противорѣчащее общепринятому обычаю троеперстія, не могло бы встрѣтить себѣ никакого довѣрія, особенно на первыхъ порахъ. Потомъ сторонники двуперстія дѣлаютъ попытку это неясное о немъ свидѣтельство сдѣлать болѣе яснымъ чрезъ наименованіе трехъ перстовъ, — не тѣхъ, что̀ употребляются въ троеперстіи, — каковую попытку представляютъ имѣнно два, тѣсно связанные между собою и временемъ и мѣстомъ происхожденія, списка Ѳеодоритова Слова въ сборникахъ Фатѣевскомъ и м. Даніила[20]). Однакоже и послѣ этого, въ сборникахъ того же XVI вѣка свидѣтельство Ѳеодоритова Слова встрѣчается всегда безъ добавочныхъ объяснительныхъ словъ о трехъ перстахъ, и можно полагать, что иные изъ самихъ составителей сборниковъ, переписывая это Слово, разумѣли его какъ свидѣтельство о троеперстіи[21]). Вообще, списки

---

[20]) Сборникъ „Фатѣева писма“ (Библ. М. Д. Ак. № 165—534) писанъ въ 7027 (1519) году, въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ, „при настоятельствѣ господина игумена кѵръ Даніила“. Любопытно, что въ этомъ сборникѣ текстъ Ѳеодоритова Слова приводится еще въ своей первоначальной редакціи, а прибавочные слова: „болшей да два послѣднихъ“, вписаны послѣ, на полѣ, съ выноснымъ знакомъ противъ словъ: „три перста“. Въ сборникѣ Даніила добавочныя слова внесены уже въ самый текстъ.

[21]) Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія списки Ѳеодоритова Слова находящійся въ сборникѣ Тр.-Сергіевой Лавры (№ 768) „Васьяновскомъ Козевина“ (Вассіанъ Козевинъ былъ келаремъ 1495—1511 гг.), и находящійся въ іюльской части Макарьевскихъ Миней, — въ обоихъ встрѣчается слѣдующій любопытный варіантъ: „креститися *тремя* персты“, вмѣсто: „три персты...“ Вотъ что говорили мы объ этомъ варіантѣ въ предисловіи къ изданію

Ѳеодоритова Слова, встрѣчаемые въ сборникахъ XV и XVI вв., даютъ основаніе заключать, что сочиненіе это и для самихъ тогдашнихъ грамотниковъ, каковы составители сборниковъ, представлялось не вполнѣ яснымъ и относительно смысла его и относительно происхожденія, какъ показываютъ и самыя его надписанія, весьма разнообразныя [22]). Значеніе рѣшительнаго и вполнѣ яснаго наставленія о двуперстіи оно пріобрѣтаетъ уже съ того времени, какъ внесено было въ печатныя Іосифовскія книги съ новой редакціей, отличной отъ двухъ дотолѣ существовавшихъ, съ совершенно новымъ наставленіемъ относительно способа сложенія двухъ перстовъ, — того самаго, какой именно и принятъ старообрядцами, т.-е. чтобы «*два перста*», вышній да средній, въ мѣсто сложити и *простерти* (тогда какъ дотолѣ во всѣхъ спискахъ Ѳеодоритова Слова читалось: два перста имѣти *наклонена*, а *не простерта)*, великій же перстъ имѣти *мало наклонно* (о чемъ не говорилось прежде ни въ одномъ спискѣ Ѳеодоритова Слова [23]).

„Ѳеодоритова Слова въ разныхъ его редакціяхъ“: „Если мы и признаемъ, что здѣсь допущена описка, нѣсколько нарушающая смыслъ, то и самая эта описка, повторенная двумя писцами и, очевидно, не случайная, во всякомъ случаѣ весьма любопытна, ибо показываетъ, что въ Ѳеодоритовомъ Словѣ писцы видѣли наставленіе именно о томъ, чтобы креститься *тремя персты*, а не двумя *(Брат. Сл.* 1876 г. II, 196.). Прибавимъ еще: такая описка была бы невозможна, если бы писцы не знали обычая креститься тремя персты.

[22]) Сочиненіе это надписывается. *Слово,* иногда *Толкованіе, Ѳеодоритово, отъ Ѳеодорита, святаго, епископа, архіепископа, патріарха, Кипрскаго,* въ одномъ спискѣ даже: *Слово святаго Ѳеодора* (Сборн. XVI в. Синод. Библ. № 560 л. 139 об.).

[23]) Примичательны эта смѣлость и эта небрежность, съ какими издатели Кирилловой книги и Іосифовскихъ Псалтырей дѣлали произвольныя поправки и дополненія въ Ѳеодоритовомъ Словѣ. Видно, что къ этой „основѣ“ двуперстія, этому главному „святоотеческому“ свидѣтельству въ его защиту, не питали они особеннаго благоговѣнія, когда позволяли себѣ такъ искажать его. Небрежность въ этомъ отношеніи простиралась до того, что присочинивъ въ Словѣ Ѳеодорита наставленіе о *простертіи* двухъ перстовъ, они оставили

Послѣ всего сказаннаго читатели могутъ судить, много ли «научной строгости» и правды въ разсмотрѣнныхъ нами словахъ г. Каптерева о «положенномъ въ основу ученія о двуперстіи» Ѳеодоритовомъ Словѣ.

Онъ говоритъ: «во всѣхъ своихъ ясныхъ и опредѣленныхъ редакціяхъ (Ѳеодоритово Слово) учитъ употреблять въ крестномъ знаменіи двуперстное перстосложеніе». А между тѣмъ ученіе о двуперстіи находится только въ одной изъ *всѣхъ трехъ* редакцій этого Слова, и именно въ позднѣйшей, явившейся уже во времена п. Іосифа, напечатанной въ Кирилловой книгѣ и въ Псалтырѣхъ, — только эту позднѣйшую его редакцію, не согласную ни съ первоначальной и древнѣйшей, ни даже съ редакціей сборника м. Даніила, а потому и весьма сомнительную, — только ее г. Каптеревъ и могъ бы назвать «ясною и опредѣленною» въ желаемомъ имъ смыслѣ.

Онъ говоритъ: «всѣ попытки объяснить *нѣкоторыя* редакціи этого (Ѳеодоритова) Слова въ пользу троеперстія рѣшительно неудачны». А на самомъ дѣлѣ объясненіе касается совсѣмъ не «нѣкоторыхъ» редакцій, а одной, и именно первоначальной, древнѣйшей, встрѣчаемой во всѣхъ (за исключеніемъ двухъ), доселѣ извѣстныхъ сборникахъ XV и XVI вв., — и редакція эта дѣйствительно болѣе благопріятствуетъ троеперстію, нежели двуперстію, такъ что объясненіе ея въ этомъ смыслѣ ни одинъ основательный и безпристрастный изслѣдователь не можетъ назвать «попыткою», притомъ «неудачною».

безъ измѣненія дальнѣйшія слова: „*согбеніе* персту“ (т.-е. двухъ перстовъ) толкуется“:.. Въ прежнихъ двухъ редакціяхъ Ѳеодоритова Слова *согбеніе* значитъ тоже, что *наклоненіе,* и соотвѣтствуетъ словамъ: „два перста имѣти *наклонена*“; а здѣсь какое можетъ быть *согбеніе,* когда выше говорится о *простертіи* перстовъ? Думать, что здѣсь имѣется въ виду *согбеніе* собственно „средняго великаго перста“, который дѣйствительно повелѣвается „имѣти *мало наклонно*“, нельзя: потому что здѣсь говорится „согбеніе *персту*“, а не перста, — въ двойственномъ, а не единственномъ числѣ, — какъ и въ прежнихъ двухъ редакціяхъ, которыя очевидно въ этомъ мѣстѣ оставлены издателями Кирилловой книги безъ искаженія.

Онъ говоритъ: «такъ понимаемое (т.-е. въ смыслѣ наставленія о двуперстіи) всѣми русскими XVI и XVII вѣка, оно внесено было во всевозможные наши рукописные сборники, въ которыхъ встрѣчается очень часто». Но если въ нашихъ рукописныхъ сборникахъ Ѳеодоритово Слово и встрѣчается нерѣдко *(очень часто*, во *всевозможныхъ* сборникахъ, *всѣми* русскими — это гиперболы, какихъ не ожидали мы встрѣтить въ «строго-научномъ» изслѣдованіи), то все же однако встрѣчается совсѣмъ не въ той редакціи, которая представляетъ ясное и точное наставленіе о двуперстіи; напротивъ, въ такой редакціи оно не встрѣчается *ни въ одномъ* изъ доселѣ извѣстныхъ намъ списковъ XV и XVI столѣтій, и *ни въ одномъ* извѣстномъ намъ сборникѣ того времени, — самъ г. Каптеревъ не указалъ и, полагаемъ, не можетъ указать такого сборника (за исключеніемъ раскольническихъ второй половины XVII в.), въ которомъ находилось бы Ѳеодоритово Слово въ редакціи Кирилловой книги, т.-е. ясно и точно подтверждающей двуперстіе.

Вообще же, изъ разсмотрѣнія того, что̀ говоритъ о Ѳеодоритовомъ Словѣ самъ г. Каптеревъ, вытекаютъ два слѣдующія заключенія: 1) слово это, подъ именемъ Блаженнаго Ѳеодорита, сочинено въ XV в. нѣкіимъ изъ русскихъ «лжесловесниковъ» того времени вслѣдствіе явившейся надобности и съ цѣлію защитить двуперстіе противъ троеперстія, которое слѣдовательно въ XV в. несомнѣнно существовало въ московской Руси, твердо опираясь на преданіи, наслѣдованномъ отъ предковъ, и не нуждаясь для своей защиты въ письменныхъ свидѣтельствахъ, тѣмъ паче новосочиненныхъ и подложныхъ; 2) даже сочиненное въ защиту двуперстія Ѳеодоритово Слово, въ древнѣйшей, первоначальной своей редакціи является болѣе благопріятствующимъ троеперстію, нежели двуперстію, а это служитъ свидѣтельствомъ, что самъ сочинитель его не могъ и не имѣлъ смѣлости вполнѣ отрѣшиться отъ древнѣйшаго и общаго на Руси обычая — креститься троеперстно.

Мы видѣли, какъ много невѣрнаго и произвольнаго умѣлъ

сказать г. Каптеревъ въ немногихъ словахъ о Ѳеодоритовомъ Словѣ. И послѣ такихъ-то немногихъ словъ онъ продолжаетъ:

«Разъ получивши *опредѣленное выраженіе* въ Ѳеодоритовомъ Словѣ, *ученіе о двоеперстіи* въ крестномъ знаменіи *признано* было нашею *церковію за единственно правильное, обязательное для всѣхъ православныхъ, исключающее всѣ* (?) *другія формы перстосложенія, какъ неправыя.*

«*Разъ получивши опредѣленное выраженіе* въ Ѳеодоритовомъ Словѣ»... Но вѣдь мы видѣли, что Ѳеодоритово Слово въ своей первоначальной, древнѣйшей редакціи, въ какой извѣстно по спискамъ XV и XVI вв., совсѣмъ не содержитъ *опредѣленно выраженнаго ученія* о двуперстіи, доселѣ употребляемомъ старообрядцами; это опредѣленное выраженіе встрѣчается уже только въ печатной его редакціи, XVII вѣка, находящейся въ Кирилловой книгѣ и Іосифовскихъ Псалтыряхъ. О какомъ же *разъ* говоритъ г. Каптеревъ? Онъ могъ бы говорить, если ему угодно, о второй четверти XVII вѣка, что «разъ получивши» именно тогда «опредѣленное выраженіе въ Ѳеодоритовомъ Словѣ, ученіе о двоеперстіи» и проч.; утверждать же, что будто бы такое «опредѣленное выраженіе» въ Ѳеодоритовомъ Словѣ ученіе о двуперстіи получило еще въ XV вѣкѣ, когда появилось Ѳеодоритово Слово, и что будто бы съ этого самаго времени, «*разъ* получивши въ немъ опредѣленное выраженіе, ученіе о двоеперстіи признано было нашею церковію за единственно правильное» и т. д.,—г. Каптеревъ не имѣлъ никакого права. И сказавъ это, какъ онъ не примѣтилъ, что впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою? Вѣдь по его теоріи двуперстіе существовало на Руси непрерывно и неизмѣнно съ самаго ея крещенія, отъ лѣтъ великаго князя Владиміра, и притомъ какъ обрядъ перстосложенія признанный всею церковію за единственно правильный; а здѣсь говоритъ, что только уже во второй половинѣ XV вѣка «ученіе о двоеперстіи получило у насъ опредѣленное выраженіе» въ Ѳеодоритовомъ Словѣ и, «разъ получивъ» такое выраженіе, «признано было нашею церковію за единственно правильное» и т. д. Въ какомъ же находилось оно положеніи

до XV вѣка? Выходитъ, что, по признанію самого г. Каптерева, ученіе о двуперстіи тогда еще не получило «опредѣленнаго выраженія» и крестившіеся двуперстно не имѣли опредѣленнаго понятія ни о томъ, какіе персты и какъ должно слагать, ни о томъ, что̀ означаетъ такое, а не иное ихъ сложеніе; выходитъ также, что тогда двуперстіе еще не было и признано нашею церковію за перстосложеніе «единственно правильное» и проч.

Но оставимъ эти неточности и противорѣчія, которыми вообще изобилуетъ статья г. Каптерева. Въ приведенныхъ словахъ его для насъ важно собственно то значеніе, какое усвояетъ имъ самъ авторъ, какъ тезису, въ подтвержденіе коего приводитъ свои дальнѣйшія свидѣтельства о двуперстіи. Этими свидѣтельствами онъ хочетъ именно подтвердить, или доказать то положеніе, что съ самаго появленія Ѳеодоритова Слова, т.-е. съ половины XV вѣка, ученіе о двуперстіи, получившее въ немъ свое «опредѣленное выраженіе» (хотя это случилось уже въ XVII вѣкѣ), и въ этомъ именно опредѣленномъ выраженіи, «*признано было нашею церковію за единственно правильное, обязательное для всѣхъ православныхъ, исключающее всѣ другія формы перстосложенія, какъ неправыя*».

Разсмотримъ, оправдывается ли въ дѣйствительности, или насколько оправдывается и подтверждается это, весьма важное и столь рѣшительно выраженное авторомъ, положеніе тѣми свидѣтельствами, которыя онъ вслѣдъ за симъ приводитъ.

б) Свидѣтельство изъ Сборника митрополита Даніила.

Если г. Каптеревъ намѣренъ доказать историческими свидѣтельствами, что съ половины XV в. ученіе о двуперстіи, якобы тогда именно получившее въ Ѳеодоритовомъ Словѣ свое опредѣленное выраженіе, «признано было нашею церковію за единственно правильное» и проч., то ему надлежало бы, очевидно, представить свидѣтеля болѣе ранняго, нежели м. Даніилъ: не приводя ни одного свидѣтельства за цѣлые

семьдесятъ лѣтъ, или по крайней мѣрѣ за цѣлые полвѣка, онъ не имѣетъ права утверждать, что въ теченіе этого времени, т.-е. съ половины XV столѣтія до двадцатыхъ годовъ XVI-го, когда въ управленіе русскою церковію вступилъ м. Даніилъ, «ученіе о двоеперстіи было признано нашею церковію за единственно правильное» и проч. Но посмотримъ, что это за свидѣтельство м. Даніила. Объ немъ г. Каптеревъ говоритъ еще короче, нежели о Ѳеодоритовомъ Словѣ:

«Митрополитъ Даніилъ *училъ:* «сице благословиши(ти) рукою и креститися(,) три персты равно имѣти вкупѣ — болшей да два послѣднихъ, по образу троическу..., а два перста имѣти наклонена, а не простерта, а тѣмъ указъ тако: прообразуютъ двѣ естествѣ Христовѣ — божество и человѣчество, и пр.»

«Митрополитъ Даніилъ училъ»... Нѣтъ, — такъ училъ не м. Даніилъ; такъ учитъ мнимый Ѳеодоритъ. Ужели г. Каптеревъ не видѣлъ, что приводитъ подлинныя слова изъ такъ называемаго Ѳеодоритова Слова?[24]) Правда, Ѳеодоритово Слово, и въ той именно редакціи, въ какой приводитъ его здѣсь г. Каптеревъ, т.-е. въ редакціи, съ его точки зрѣнія, «полу-опредѣленной», внесено въ Сборникъ м. Даніила, приводится сполна въ четвертомъ его словѣ. Изъ этого обстоятельства, значеніе котораго мы отнюдь не отвергаемъ, слѣдуетъ только, что Слово Ѳеодорита, и притомъ въ редакціи, благопріятствующей двуперстію, было извѣстно м. Даніилу, принято имъ, какъ сочиненіе древняго учителя церкви, и что поэтому, надобно полагать, онъ слѣдовалъ наставленію о перстосложеніи, которое въ немъ изложено. Но тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ, что приведенныя г. Каптеревымъ подлинныя выраженія Ѳеодоритова Слова составляютъ ученіе мнимаго Ѳеодорита, а не ученіе самого м. Даніила[25]). И еслибы г. Каптеревъ со вниманіемъ прочелъ

---

[24]) Г. Каптеревъ дѣлаетъ ссылку на статью *Братскаго Слова* за 1876 г., гдѣ подъ № IX приводится текстъ Ѳеодоритова Слова, находящійся въ Сборникѣ м. Даніила. Значитъ, онъ долженъ бы знать, что приводитъ подлинныя слова именно изъ этого сочиненія: тѣмъ страннѣе, что онъ приписываетъ ихъ м. Даніилу.

[25]) Примѣръ того какъ бы слѣдовало привести это свидѣтельство

четвертое слово въ Даніиловомъ Сборникѣ, онъ увидѣлъ бы, что *самъ*, своими собственными словами, или, пожалуй, и заимствованными у мнимаго Ѳеодорита, но предлагаемыми отъ *своего* лица, м. Даніилъ совсѣмъ не *училъ* здѣсь о двуперстіи. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ говорится въ четвертомъ словѣ м. Даніила? въ чемъ состоитъ его содержаніе? Слово это, какъ и всѣ другія слова м. Даніила въ этомъ Сборникѣ, состоитъ изъ трехъ частей [26]). Первая составляетъ очень краткое собственное поученіе м. Даніила о томъ, что слѣдуетъ неуклонно держаться святоотеческихъ ученій и преданій; поученіе это заключено «аминемъ», какъ часть совершенно самостоятельная, — и за нимъ слѣдуютъ, составляющія вторую, обширнѣйшую часть четвертаго слова, свидѣтельства изъ разныхъ святоотеческихъ и иныхъ книгъ: «отъ завѣщанія священныхъ правилъ», «Великаго Василія», «Аѳанасіево»,

---

съ соблюденіемъ и краткости и совершенной точности, можно указать г-ну профессору у раскольническаго ученаго. Вотъ какъ Андрей Денисовъ изложилъ свидѣтельство изъ Даніилова сборника въ 16-й „степени“ пятаго отвѣта, составляющей „княженіе великаго князя Василія Іоановича“: „При немъ Даніилъ митрополитъ, бывшій ученикъ преподобнаго и премудраго Іосифа Волоколамскаго, украшаше престолъ Россійскія митрополіи. Той собра книгу Сборникъ отъ многихъ священныхъ писаній: тоя священныя книги въ словѣ 4-мъ, како креститися, *приводитъ свидѣтельство* святаго Петра Дамаскина и *Блаженнаго Ѳеодорита*: сице благословити рукою и креститися, и прочая“. Это изложеніе дѣйствительно точное.

[26]) О составѣ и характерѣ поученій м. Даніила подробно говорится въ VII т. «Исторіи рус. церкви» м. Макарія (стр. 310 — 399) и въ сочиненіи г. Жмакина. Четвертое его поученіе, или слово г. Каптеревъ могъ бы прочесть не только въ древнѣйшемъ спискѣ Даніилова Сборника, принадлежащемъ библіотекѣ Москов. Д. Академіи (№ 97), но и въ изданномъ раскольниками за границей, въ 1874 году, «Собраніи изъ разныхъ книгъ святоотеческаго писанія о сложеніи перстъ на крестное знаменіе»: здѣсь четвертое слово м. Даніила приведено вполнѣ, на первомъ мѣстѣ, — да и вообще, замѣтимъ кстати, свидѣтельства о двуперстіи собраны здѣсь гораздо полнѣе и излагаются гораздо толковѣе, нежели въ статьѣ г. Каптерева. О раскольническомъ «Собраніи» см. въ *Брат. Сл.* 1876 г. отд. III, стр. 17 — 34.

«святаго Петра Дамаскина», «*Θеодоритово*» (т.-е. приводится вполнѣ Слово Θеодорита), «отъ слова, еже о крестящихся», «отъ толкованія Псалма 4-го, Оригеново», «Евсевіево» и т. д. Изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ свидѣтельствъ только два говорятъ о перстосложеніи — свидѣтельство Петра Дамаскина и Θеодоритово; остальныя всѣ содержатъ ученіе о крестѣ четвероконечномъ [27]), о истовомъ изображеніи крестнаго знаменія [28]), и о томъ, что должно и почему должно молиться, обратившись лицомъ на востокъ. За этой обширной второй частью слова, содержащей одни только свидѣтельства собранныя изъ разныхъ книгъ, слѣдуетъ третья часть, называемая «наказаніе» и опять составляющая собственное сочиненіе м. Даніила: въ немъ излагается существенное содержаніе приведенныхъ передъ тѣмъ свидѣтельствъ, которое сочинитель именно и желалъ напечатлѣть въ умѣ своихъ слушателей, или читателей. Очевидно, что здѣсь, въ этой части своего слова, м. Даніилу и слѣдовало преподать своимъ пасомымъ *ученіе* о перстосложеніи, — изложить имъ, согласно приведенному выше Θеодоритову Слову, наставленіе, какъ надлежитъ слагать персты для крестнаго знаменія, еслибы только онъ считалъ нужнымъ преподать такое ученіе. Что же однако?—О перстосложеніи для крестнаго знаменія м. Даніилъ

---

27) О четвероконечномъ крестѣ приведено между прочимъ свидѣтельство «Θеодоритово отъ толкованія псалма 21»: «*Жезлъ твой и палица твоя та мя утѣшиста.* Глаголати убо можеши самый крестъ... отъ дву бо палицъ составляется». Г. Жмакинъ несправедливо говоритъ, будто свидѣтельсво это, какъ и свидѣтельство Петра Дамаскина, Даніилъ приводитъ во свидѣтельство о двуперстіи (стр. 443): въ немъ ясно указывается четвероконечіе креста, и такъ, безъ сомнѣнія, понималъ его митр Даніилъ; онъ и приводитъ это свидѣтельство не на ряду съ Θеодоритовымъ Словомъ и свидѣтельствомъ Петра Дамаскина, гдѣ говорится именно о перстахъ,— о пальцахъ, а не палицахъ.

28) Объ этомъ приведено свидѣтельство «отъ слова, еже о крестящихся», гдѣ говорится: «еже право креститися сице есть: первое положити руку на челѣ своемъ, потомъ же на персѣхъ» и т. д. Извѣстно, что свидѣтельство это внесено и въ Стоглавъ.

не говоритъ здѣсь ни единаго слова, а только поучаетъ тому, что необходимо нужно христіанамъ ограждать себя крестнымъ знаменіемъ и что моляся необходимо обращаться лицомъ на востокъ, о чемъ, какъ выше замѣчено, говорятъ попреимуществу и собранныя имъ, приведенныя передъ тѣмъ, многочисленныя свидѣтельства,—свое «наказаніе» онъ и начинаетъ словами: «Сія вмалѣ отъ божественныхъ писаній собрахъ *о знаменіи честнаго и животворящаго креста и еже на востокъ обращатися въ молитвахъ*». Поэтому и самое заглавіе четвертаго слова гласитъ: «Яко пріяхомъ преданія писанная и неписанная, и да знаменаемъ лице свое *крестообразно* и еже *на востокъ обращатися* въ молитвахъ и зрѣти, сице и покланятися». Итакъ, напрасно г. Каптеревъ столь рѣшительно говоритъ, что именно самъ «митрополитъ Даніилъ *училъ*: сице благословити рукою и креститися»...

Скажутъ: но м. Даніимъ произносилъ свои поученія народу и сборникъ ихъ составилъ въ наставленіе же народу; значитъ, тѣмъ самымъ, что въ одно изъ нихъ помѣстилъ Ѳеодоритово Слово, онъ и училъ уже двуперстію. Возраженіе это, во-первыхъ, не оправдываетъ г. Каптерева, который, приводя подлинныя выраженія Ѳеодоритова Слова, приписываетъ ихъ м. Даніилу; а во вторыхъ, — произносилъ ли м. Даніилъ свои поученія, составляющія Сборникъ, это вопросъ еще не вполнѣ рѣшенный [29]); Сборникъ же, какъ надобно полагать, не имѣлъ большаго распространенія [30]).

Но положимъ, что м. Даніилъ не только самъ употреблялъ

---

[29]) Нѣкоторые изслѣдовали полагаютъ, что м. Даніилъ «предлагалъ своимъ слушателямъ въ назиданіе только первую и третью части каждаго слова» (Жмак., стр. 294). Если согласиться съ этимъ, то въ четвертомъ словѣ они именно не слышали никакого наставленія о перстосложеніи.

[30]) Доселѣ извѣстны только два списка Даніилова Сборника, писанные въ XVI ст. (Моск. Д. Ак. № 97 и Публич. библ. F: 1, № 522); есть еще списокъ XVII в., принадлежащій Хлудовской библ. (№ 87); затѣмъ извѣстны два списка уже XVIII столѣтія, — Синод. библ. (№ 237) и бывшей Царскаго (гр. Уварова, № 676). Ср. В. Жмакина «Митр. Даніилъ и его сочиненія», стр. 261 и слѣд.

двуперстіе, но и другихъ училъ креститься двуперстно: слѣдуетъ ли отсюда, что въ его время ученіе о двуперстіи, и именно въ «опредѣленномъ выраженіи» Ѳеодоритова Слова, «было признано нашею церковію за единственно правильное» и проч.? Митрополитъ Даніилъ, конечно, былъ первосвятитель московской церкви, но тѣмъ не менѣе всей московской церкви онъ не составлялъ. Конечно, его ученіе и примѣръ должны быть признаны обязательными для его пасомыхъ (хотя и относительно этой обязательности могутъ быть исключенія, какъ показалъ примѣръ незадолго передъ тѣмъ бывшаго м. Зосимы); но могли ли его ученіе и примѣръ распространиться на всю церковь? развѣ не имѣлъ онъ даже среди передовыхъ, грамотнѣйшихъ людей своего времени открытыхъ себѣ противниковъ, смотрѣвшихъ на него весьма подозрительно? Такіе люди, какъ инокъ Вассіанъ (Патрикеевъ), князь Курбскій, Иванъ Берсень, отзывались о м. Даніилѣ весьма невыгодно. Извѣстны рѣзкіе отзывы князя Курбскаго, который не иначе называлъ его, какъ «прегордымъ и лютымъ» [31]). Берсень, котораго и самъ Максимъ Грекъ называлъ «разумнымъ человѣкомъ», говорилъ о Даніилѣ: «не вѣдаю митрополитъ, не вѣдаю простой чернецъ, — учительна слова отъ него нѣтъ никакого» [32]). Не входя въ разсмотрѣніе того, справедливы, или не справедливы такіе отзывы, допуская даже, что они внушены личными столкновеніями съ м. Даніиломъ, все же однако мы должны признать, что м. Даніилъ не пользовался большимъ довѣріемъ и уваженіемъ даже среди близкихъ ему людей, и тѣмъ менѣе могъ имѣть вліяніе на народъ. Несомнѣнно, что м. Даніилъ могъ употреблять перстосложеніе, какому научаетъ Ѳеодоритово Слово, и самъ учить такому перстосложенію; а народъ все же могъ держаться перстосложенія, какому научился по преданію отъ отцовъ и дѣдовъ. И наконецъ, если м. Даніилъ не только самъ крестился такъ, какъ повелѣваетъ приведенное имъ въ его чет-

---

[31]) Сказанія Курб., стр. 40, 42 и др.

[32]) Акты Арх. Эксп. т. 1, стр. 141.

вертомъ поученіи Ѳеодоритово Слово, но и другихъ училъ употреблять перстосложеніе, согласное наставленію этого Слова: то онъ, очевидно, крестился и другихъ училъ креститься не такъ, какъ полагаетъ г. Каптеревъ и какъ требуютъ старообрядцы,—вовсе не слѣдовалъ тому «опредѣленно выраженному» въ Ѳеодоритовомъ Словѣ ученію о двуперстіи, какое разумѣетъ г. Каптеревъ и которое явилось только уже въ редакціи этого Слова, впервые оглашенной издателями Кирилловой книги: м. Даніилъ крестился и училъ, чтобы крестились, имѣя два перста *наклонена, а не простерта*, тогда какъ напротивъ по «опредѣленно выраженному» ученію Ѳеодоритова Слова эти персты должно *простерти,* и только одинъ изъ нихъ «имѣти *мало наклонно*». Слѣдственно, указывая на примѣръ м. Даніила, никакъ нельзя говорить, что будто бы при немъ ученіе о двуперстіи, въ «опредѣленномъ выраженіи» Ѳеодоритова Слова, какое явилось уже только въ XVII вѣкѣ, «было принято нашею церковію за единственно правильное», и т. д.

Изъ того обстоятельства, что въ Сборникѣ м. Даніила приводится Ѳеодоритово Слово, и уже въ редакціи, хотя не вполнѣ «ясно» и не вполнѣ «опредѣленно», однако все же указывающей на двуперстіе, — изъ этого, съ соблюденіемъ «строгой научности» и не увлекаясь «предвзятыми тенденціями», можно сдѣлать только слѣдующій выводъ: митрополитъ Даніилъ усвоялъ Ѳеодоритову Слову значеніе наставленія о двуперстіи, и если, слѣдуя этому наставленію, употреблялъ и другихъ училъ употреблять двуперстное сложеніе, то никакъ не то, какое поборниками двуперстія требовалось употреблять въ XVII вѣкѣ, согласно напечатанному тогда, въ Кирилловой книгѣ и Псалтыряхъ, наставленію Ѳеодоритова Слова [33]). А дѣлать отсюда заключеніе, что будто бы при м. Да-

---

[33]) Въ Сборникѣ м. Даніила въ первый разъ встрѣчается Ѳеодоритово Слово съ дополнительнымъ объясненіемъ о трехъ перстахъ: «большой да два послѣднихъ» (Ѳатѣевскій сборникъ, хотя писанъ и раньше, но въ немъ эти объяснительныя слова приписаны на полѣ, быть можетъ послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстно 4-е слово

нiилѣ ученіе о двуперстіи всею «нашею церковію было признано за единственно правильное, обязательное для всѣхъ православныхъ», — и именно ученіе въ томъ «опредѣленномъ выраженіи» Ѳеодоритова Слова, какое появилось уже только въ XVII вѣкѣ, есть очевидный произволъ писателя, руководящагося «предвзятыми тенденціями», чуждый всякой «научности».

в) Свидѣтельство Максима Грека.

Вслѣдъ за митрополитомъ Даніиломъ указывается другой, современный ему, свидѣтель о двуперстіи — преподобный Максимъ Грекъ. Объ немъ г. Каптеревъ говоритъ:

«Преподобный Максимъ Грекъ *учитъ:*[34]) «совокупленіемъ

Данiила, о которомъ всего скорѣе могли и знать въ Волоколамскомъ монастырѣ). Если на этомъ основаніи можно предполагать, что объяснительная приписка сдѣлана самимъ Даніиломъ, то значитъ онъ находилъ древнѣйшій текстъ Ѳеодоритова Слова неяснымъ. Можно и вообще полагать, что относительно Ѳеодоритова Слова онъ питалъ нѣкоторыя сомнѣнія и желалъ имѣть удостовѣреніе въ его подлинности; извѣстно, что онъ весьма настойчиво просилъ Максима Грека перевести Ѳеодоритову церковную исторію; онъ даже чрезвычайно прогнѣвался на Максима, когда этотъ послѣдній рѣшительно отказался сдѣлать переводъ Ѳеодоритова сочиненія, находя его неполезнымъ для русскаго народа, такъ какъ въ немъ много говорится о разныхъ еретическихъ ученіяхъ. Впослѣдствіи Максимъ Грекъ самъ напомнилъ объ этомъ обстоятельствѣ м. Даніилу: «твое преподобство провѣщалъ еси ко мнѣ, судимому отъ тебе и соборне испытуемому: достигоша тебе, окаянне, грѣхи твои, о немже отреклся превести ми книгу Блаженнаго Ѳеодорита» (Посл. къ Дан.). Почему же м. Даніилу такъ желательно было имѣть переводъ именно Ѳеодоритовой церковной исторіи? Не надѣялся ли онъ найти здѣсь статью о перстосложеніи для крестнаго знаменія (Ѳеодоритово Слово), которой ни въ одномъ извѣстномъ ему по русскимъ переводамъ сочиненіи Ѳеодорита онъ не находилъ, и такимъ образомъ удостовѣриться въ ея подлинности и имѣть настоящій, вѣрный ея текстъ?

[34]) Почему говорится, что «митрополитъ Даніилъ *училъ*», а «Максимъ Грекъ *учитъ*?»—Быть можетъ есть тутъ какое-нибудь «строго-научное» различіе, котораго мы не понимаемъ.

бо (?) тріехъ перстъ, сирѣчь палца и еже отъ средняго и малаго, тайну исповѣдуемъ богоначальныхъ тріехъ ипостасей, единаго Бога трое. Протяженіемъ же долгаго и средняго сшедшася два естества во Христѣ... и проч.» [35]).

Итакъ г. Каптеревъ положительно говоритъ, что Максимъ Грекъ «учитъ» двуперстію, и именно въ приведенныхъ имъ выраженіяхъ изъ «сказанія, како знаменоватися крестнымъ знаменіемъ», встрѣчаемаго въ сборникахъ сочиненій Максима Грека. Однако же, относительно того, что Максимъ Грекъ дѣйствительно училъ двуперстію, высказаны и въ полемическихъ сочиненіяхъ противъ раскола, и даже не въ полемическихъ, а просто въ церковно-историческихъ, серіозныя сомнѣнія; подлинность внесеннаго въ сочиненія Максима Грека «наставленія, како знаменоватися» подвергается сильнымъ подозрѣніямъ. Мы не хочемъ допускать, чтобы г. Каптеревъ не зналъ этихъ возраженій противъ подлинности приписываемаго Максиму Греку сочиненія; но если онъ дѣйствительно зналъ эти возраженія, то, въ качествѣ блюстителя «строгой научности», не долженъ былъ проходить ихъ молчаніемъ, а долженъ былъ сказать, хотя бы со всевозможною краткостью, почему не признаетъ ихъ достаточно убѣдительными.

Вѣрное сужденіе о словѣ Максима Грека «како знаменоватися» и о значеніи его, также и главныя основанія къ тому, чтобы не считать его подлиннымъ произведеніемъ Максима, высказаны еще въ первомъ печатномъ сочиненіи противъ

---

[35]) Не упоминая здѣсь ни о какомъ словѣ Максима Грека, г. Каптеревъ говоритъ однако же въ примѣчаніи: „Это (?) слово Максима напечатано въ Кирилловой книгѣ, л. 184 об.“. Казалось бы, слѣдовало сдѣлать ссылку на какой-нибудь изъ древнихъ сборниковъ сочиненій Максима Грека, а не на Кириллову книгу. Что слово, или точнѣе „сказаніе, како знаменоватися крестнымъ знаменіемъ“, напечатано въ Кирилловой книгѣ, это не имѣетъ никакой важности въ настоящемъ случаѣ, когда идетъ рѣчь о томъ, какому перстосложенію училъ въ свое время Максимъ Грекъ, а не о томъ, какое ученіе о перстосложеніи приписывали Максиму Греку издатели Кирилловой книги.

раскола, утвержденномъ на соборѣ 1667 года [36]); потомъ съ большею подробностію они высказаны были наиболѣе ученымъ и основательныхъ изъ «полемистовъ» XVIII столѣтія, архіепископомъ Ѳеофилактомъ, въ его книгѣ «Обличеніе неправды раскольническія»; еще обстоятельнѣе и полнѣе, хотя съ свойственною ему сжатостію выраженія, указалъ ихъ митрополитъ Филаретъ въ своихъ «Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу».

Важнѣйшимъ изъ основаній къ сомнѣнію относительно подленности Максимова слова о двуперстіи служитъ самое его содержаніе, его характеръ, составъ и способъ изложенія, несоотвѣтствующіе общему характеру сочиненій Максима Грека и господствующимъ въ нихъ литературнымъ пріемамъ этого оригинальнаго писателя, занимающаго столь видное мѣсто въ нашей церковной литературѣ. Указывая совершенно не свойственные Максиму Греку недостатки въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ этого слова, гдѣ говорится о двуперстіи, авторъ «Обличенія» замѣтилъ, что рѣчь о двуперстіи «никакова утвержденія не имѣетъ, а Максиму Греку тако, безъ всякаго довода, произносити рѣчи не обычно», и потому «рѣчь сія безъ всякаго утвержденія богословскаго и безъ грамматическаго правоглаголанія приложенная, не могла родитися отъ Максима, яко отъ богослова и добраго словенскаго грамматиста» [37]). Митрополитъ Филаретъ писалъ: «Самое содержаніе

---

[36]) Замѣчанія о словѣ Максима Грека, сдѣланныя въ „Жезлѣ Правленія", заслуживаютъ полнаго вниманія: не смотря на всю ихъ краткость, въ нихъ высказано, притомъ съ похвальною осторожностію, все существенное, что̀ слѣдуетъ сказать объ этомъ сочиненіи. Вотъ подлинныя слова Симеона Полоцкаго: „Максима Грека, многоученаго человѣка, пріемлемъ, въ немже церкви согласуетъ; а въ двоперстномъ креста образованіи *непщуемъ его снисходивша людемъ ненаказаннымъ и навыкшвъ боящася, или прилогъ чуждій быти*; но и нѣсть доволенъ единъ во свидѣтельство противъ всея церкви древнѣйшему обычаю и преданію. Аще бы утвердилъ онъ свое писаніе апостольскими или святыхъ отецъ свидѣтельствы, имѣлъ бы ны послушливы; *но сего не сотворшу* ничто ны нудитъ повиноватися". *(Жезлъ Правл.* Возоб. на 21 обл. Никитино, л. 48 об. 49)

[37]) Облич. л. 14.

сей статьи показываетъ, что въ ней о двуперстіи писалъ человѣкъ, запутывающійся въ понятіяхъ и въ словахъ, какимъ преподобный Максимъ никогда не былъ. Возьмемъ для примѣра слѣдующія слова сей статьи: *протяженіемъ же долгаго и средняго сошедшася два естества во Христѣ, сирѣчь самого Спаса Христа исповѣдуемъ*. Что такое *долгій* и *средній?* Средній и долгій перстъ не есть ли одинъ и тотъ же? Какой разборчиво объясняющійся человѣкъ назоветъ перстъ указательный долгимъ, когда онъ очевидно короче средняго? Если надобно изобразить *сошедшася*, т.-е. соединныя *два естества*, то должно изобразить *соединеніемъ* двухъ перстовъ; но сочинитель статьи говоритъ о *протяженіи*» [38]). Потомъ митрополитъ Филаретъ доказывалъ неподлинность статьи о двуперстіи и тѣмъ, что она «встрѣчается въ рукописяхъ сочиненій Максима Грека, писанныхъ въ позднѣйшія времена; но ея нѣтъ въ рукописи XVI столѣтія, хранящейся въ Румянцевскомъ музеѣ» [39]).

---

[38]) *Бес. къ глагол. старообрядцу*, изд. 6-е, 1856 г., стр. 195 — 196. Къ этому слѣдуетъ присоединить еще, весьма важное въ настоящемъ случаѣ, замѣчаніе м. Евгенія: „О крестномъ знаменіи не во всѣхъ спискахъ Максимовыхъ словъ написано одинаково, и въ иныхъ утверждается триперстное, а въ иныхъ такъ сбивчиво и темно, что ничего опредѣлительно понимать не можно“ (Слов. о пис. духов. чина, ч. 11, ст. о Максимѣ Грекѣ).

[39]) Тамъ же, стр. 195. Это доказательство, какъ и предыдущее, повторяетъ митрополитъ Григорій въ своей книгѣ „Истинно-древняя Христова церковь“: изд. 1874 г. Брат. св. Петра м. т. 11, стр. 68 — 69. Авторъ „Обличенія“ въ доказательство неподлинности слова о двуперстіи указывалъ еще на то обстоятельство, что въ спискахъ сочиненій Максима Грека оно занимаетъ не одно и то же мѣсто: по указанію Денисова оно составляетъ 40-ю главу Максимовой книги, „а которыя у насъ обрѣтаются, въ тѣхъ во единой убо во главѣ 32, въ другой во главѣ 33 то же слово положено“ (л. 15). Справедливо, что въ разныхъ спискахъ сочиненій Максима Грека слово о перстосложеніи занимаетъ разныя мѣста, составляетъ не только 40-ю главу, 32, 33, но и 15, и 62. (См. Опис. ркп. Синод. библ. 11, 2, стр. 525), и 85 (Лавр. ркп. № 202), но въ вопросѣ о подлинности этого слова настоящее обстоятельство едва ли имѣетъ важность.

Справедливость требуетъ сказать, что это послѣднее доказательство не имѣетъ полной силы. Справедливо и не лишено значенія собственно то, что слово о двуперстіи встрѣчается не во всѣхъ спискахъ сочиненій Максима Грека; вѣрно также, что его не находится въ спискѣ XVI в., принадлежащемъ Румянцевскому музею; но нельзя сказать, что оно встрѣчается только въ позднѣйшихъ спискахъ сочиненій Максима: его находимъ и во многихъ спискахъ XVI столѣтія, даже въ наиболѣе древнихъ между ними [40]). Но отсюда нельзя еще дѣлать заключенія о несомнѣнной принадлежности этого слова Максиму Греку. Собраніе его сочиненій быть можетъ сдѣлано было еще при жизни Максима, но несомнѣнно, что не имъ самимъ; а даже и первый собиратель, современникъ Стоглаваго собора, когда наши книжники очевидно искали подтвержденія двуперстію, могъ внести въ число сочиненій Максима Грека и чужое «сказаніе, како знаменоватися крестнымъ знаменіемъ». Если и прежде ревнители двуперстія не затруднились приписать Блаженному Θеодориту подложное, русское сочиненіе, то почему же не могли они выдать не принадлежащее Максиму слово о двуперстіи подъ именемъ этого столь уважаемаго писателя и внести его въ сборникъ Максимовыхъ сочиненій? Помѣщается же въ немъ, очевидно принадлежащее собирателю, «Сказаніе о Максимѣ философѣ», въ которомъ при-

[40]) Списки эти, и именно четыре (Синод. библ. № 191; быв. Царск. № 24; быв. Ундольскаго по опис. № 487; Хлудовской библ. № 73) указаны у м. Макарія (Ист. рус. церкви, т. VIII, стр 124, прим. 152). Относительно рукописи Хлудовской библіотеки, которую м. Макарій признаетъ самою древнею, нужно замѣтить, что слова о крестномъ знаменіи въ ней не имѣется, такъ какъ она составляетъ только первую половину сборника Максимовыхъ сочиненій, имѣющую всего 25 главъ; но здѣсь помѣщено оглавленіе и второй половины, неизвѣстно гдѣ находящейся (если только она существуетъ), въ которой, по оглавленію, 40 глава есть: „Сказъ како знаменоватись крестнымъ знаменіемъ“. Къ перечисленнымъ у м. Макарія должно прибавить еще два списка XVI вѣка, принадлежащіе Москов. Дух. Академіи (№№ 42 и 153), — изъ нихъ одинъ (№ 42) „митрополита Іосафа“: въ обоихъ спискахъ слово о крестномъ знаменіи составляетъ 33 главу (См. Опис. ркп. М. Д. А. о. архим. Леонида).

писываются Максиму такія слова о грекахъ, будто бы лично имъ сказанныя великому князю Василію Ивановичу, какихъ Максимъ Грекъ говорить не могъ, но какія именно говорились тогда русскими книжниками и повторялись потомъ раскольниками, какъ подлинныя будто бы слова Максима, напр., что латиняне сожгли всѣ греческія книги, принесенныя къ нимъ греками по взятіи Константинополя турками [41]). Все это мы говоримъ, желая только показать возможность внесенія въ число сочиненій Максима Грека еще первымъ ихъ собирателемъ подложнаго слова о крестномъ знаменіи, почему существованіе его даже въ наиболѣе древнихъ сборникахъ Максимовыхъ сочиненій не можетъ ослаблять силу существующихъ возраженій противъ его подлинности, опирающихся главнымъ образомъ на не свойственныхъ Максиму несообразностяхъ въ самомъ содержаніи этого слова.

Но въ отношеніи къ г. Каптереву имѣетъ особенную важность слѣдующее возраженіе противъ подлинности Максимова Слова о крестномъ знаменіи, приводимое и архіеп. Ѳеофилактомъ и митр. Филаретомъ. Максимъ Грекъ извѣстенъ какъ ревностный блюститель и защитникъ ученія, правилъ и уставовъ греческой церкви; онъ сильно ратовалъ, и въ устныхъ бесѣдахъ и въ сочиненіяхъ, противъ возникшихъ у насъ, особенно послѣ взятія Константинополя турками, неправильныхъ понятій, или подозрѣній относительно греческой церкви: допустить поэтому, чтобы онъ о перстосложеніи училъ не такъ, какъ учитъ греческая церковь, скажемъ словами митр. Филарета, не дозволяетъ «уваженіе къ характеру и памяти преподобнаго Максима Грека». Когда Денисовъ и другіе раскольническіе писатели приводили Максима Грека, какъ свидѣтеля о двуперстіи, они были вполнѣ правы съ своей точки зрѣнія на греческую церковь: признавая, что греческая церковь и ея пастыри, въ томъ числѣ святѣйшіе патріархи Іеремія и Ѳеофанъ, похвалявшіе россійское благочестіе, до лѣтъ Никона

---

[41]) См. это сказаніе въ Лавр. спис. сочиненій Максима Грека (№ 200); срав. *Мат. для ист. раск.* т. III, стр. 258.

патріарха не измѣняли древлеправославію, т.-е. неуклонно держались двуперстія и прочихъ «древлеправославныхъ» обрядовъ, Денисовъ имѣлъ полное право ссылаться на свидѣтельство Максима Грека объ употребленіи двуперстія и россійскою и наипаче греческою церковію его времени,—могъ смѣло говорить: «преподобный и многоученый Максимъ Грекъ, изъ святыя горы Аѳонскія присланный и вселенскими патріархи засвидѣтельствованный, въ книгѣ своей, во главѣ 40-й засвидѣтельствуетъ» и проч. [42]). Но г. Каптеревъ, говоря въ сущности то же самое, т.-е. признавая несомнѣнно подлиннымъ «сказаніе како знаменоватися», впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Вѣдь по его мнѣнію въ греческой церки со второй половины XV вѣка утвердилось уже троеперстіе, и на рубежѣ XV и XVI вв. греческая и русская церковь разошлись между собою въ обрядѣ перстосложенія. Значитъ Максимъ Грекъ съ юныхъ лѣтъ былъ наученъ уже троеперстію, и какъ ревнитель греческихъ порядковъ и обычаевъ, какъ вѣрный сынъ своей церкви и во всемъ послушный вселенскимъ патріархамъ, долженъ былъ учить именно троеперстію. Какъ же могъ онъ писать слово о двуперстіи? — «Како убо, грекъ сый, во всемъ согласующь патріархомъ, возмоглъ бы сіе противно имъ писати»? — справедливо спрашиваетъ авторъ «Обличенія». Ясно, что какъ для «полемистовъ съ расколомъ», признающихъ троеперстіе исконнымъ и древнѣйшимъ обычаемъ греческой церкви, такъ же точно и для г. Каптерева, признающаго троеперстіе несомнѣнно существовавшимъ у грековъ съ половины XV столѣтія, должно быть крайне сомнительнымъ, чтобы Максимъ Грекъ могъ учить двуперстію, и заодно съ полемистами, отъ которыхъ онъ такъ брезгливо сторонится, долженъ противъ воли подвергнуть сомнѣнію подлинность «сказанія како знаменоватися». Только въ томъ случаѣ онъ могъ бы признать его подлинность и такъ рѣшительно утверждать, что Максимъ Грекъ именно училъ двуперстію, если бы доказалъ, что Максимъ Грекъ, живя въ Россіи, измѣ-

---

[42]) *Помор. Отв.* Отв. 5-й, степень 16.

нилъ своему, греческому обряду, какъ новому (съ точки зрѣнія г. Каптерева), и принялъ существовавшее на Руси двуперстіе, какъ древнѣйшій и прежде самими греками употреблявшійся обрядъ. Но этого г. Каптеревъ не сдѣлалъ, а не сдѣлавъ этого, не устранилъ и противорѣчія, въ которое неизбѣжно впадаетъ, какъ проповѣдникъ существованія у грековъ троеперстія съ половины XV вѣка, тогда какъ подобнаго противорѣчія не существовало для Денисова, учившаго, что греки держались двуперстія до самыхъ лѣтъ патріарха Никона.

Итакъ г. Каптеревъ поступилъ совсѣмъ не «научно», когда, оставивъ безъ вниманія существующія возраженія противъ подлинности приписываемаго Максиму Греку слова о двуперстіи и не видя противорѣчія, въ какое ставитъ самого себя, такъ рѣшительно провозгласилъ: «преподобный Максимъ Грекъ *учитъ*»,— и проч.

Но допустимъ наконецъ, что преподобный Максимъ Грекъ учитъ именно такъ, какъ желательно г. Каптереву,—допустимъ (какъ ни трудно допустить это), что подъ конецъ своей долгой, подневольной и скорбной жизни на чужбинѣ, подавленный испытанными здѣсь злоключеніями, этотъ старецъ, въ угоду сильнымъ русскимъ книжникамъ, дѣйствительно написалъ статью о двуперстіи. Такого рода предположеніе находили возможнымъ сдѣлать и Полоцкій въ свое время [43]) и митрополитъ Филаретъ. Что же слѣдуетъ изъ этого, и именно для г. Каптерева? Митрополитъ Филаретъ, сдѣлавъ указанное предположеніе относительно Максима Грека, — допустивъ, что онъ ученіемъ о двуперстіи «оказалъ снисхожденіе господствующему предубѣжденію, дабы лишившіи его свободы не раздражились болѣе прежняго и не переполнили мѣру неправды», высказалъ вотъ какое, вполнѣ достойное его мудрости, замѣчаніе: «въ такомъ случаѣ должно пожалѣть о трудномъ по-

---

[43]) Такое именно значеніе имѣютъ слова Полоцкаго о Максимѣ: „въ двоперстномъ креста образованіи непщуемъ его снисходивша людемъ ненаказаннымъ и навѣтовъ боящася". (*Жезлъ Прав.* л. 48 об.).

ложеніи бѣдствующаго старца, *а не ссылаться на свидѣтельство, вынужденное обстоятельствами*» [44]). Но это прекрасное замѣчаніе не имѣетъ, конечно, никакой силы для сочинителей, преклоняющихся единственно предъ «строгой научностью». Посмотримъ же, дозволяетъ ли г. Каптереву именно эта научность дѣлать такое заключеніе изъ Максимова слова о двуперстіи (если даже признать его за подлинное сочиненіе Максима), какое онъ дѣлаетъ. Онъ привелъ главное изреченіе изъ этого слова въ подтвержденіе своего тезиса, что ученіе о двуперстіи, разъ получивъ *опредѣленное выраженіе* въ Ѳеодоритовомъ Словѣ, признано было нашею церковію за единственно правильное, и проч. Но справедливо ли привелъ?— согласно ли, не только съ строгой научностью, но и просто съ здравымъ разумѣніемъ словъ Максима Грека (мнимаго, или дѣйствительнаго, въ этомъ случаѣ все равно)? При самомъ небольшомъ вниманіи легко замѣтить, что г. Каптеревъ такъ же напрасно ссылается здѣсь на свидѣтельство Максима, какъ напрасно сослался передъ этимъ на свидѣтельство его современника и гонителя м. Даніила. «Опредѣленно выраженное» въ Ѳеодоритовомъ Словѣ ученіе о перстосложеніи требуетъ: «два перста, вышній да средній великій, вмѣсто сложити и простерти, *великій же перстъ имѣти мало наклонно*»; а «преподобный Максимъ учитъ» о «*протяженіи* долгаго и средняго», т.-е. обоихъ перстовъ, совсѣмъ не упоминая о томъ, что одинъ изъ нихъ должно «имѣти мало наклонно». Какимъ же образомъ это ученіе Максима Грека о перстосложеніи для крестнаго знаменія можетъ служить подтвержденіемъ «опредѣленно выраженнаго» въ Ѳеодоритовомъ Словѣ, такъ мало сходнаго съ нимъ, ученія о томъ же предметѣ? И какъ можетъ оно доказывать, что это, несогласное съ нимъ ученіе, во время Максима Грека «было признано нашею церковію за единственно правильное»?

Итакъ первыя, якобы «ясныя и опредѣленныя» свидѣтельства о всеобдержномъ существованіи у насъ двуперстія въ

---

[44]) Бесѣды къ гл. старообр. стр. 194.

XV — XVII в., «цѣлый и непрерывный рядъ» которыхъ вознамѣрился представить своимъ читателямъ г. Каптеревъ, оказались не только не ясными и не точными, но и крайне сомнительными по своему происхожденію, темными и запутанными вслѣдствіе ихъ взаимной противорѣчивости. Читая ихъ, и именно въ изложеніи г. Каптерева, нельзя не подивиться, какъ г. профессоръ не примѣтилъ особенно этого противорѣчія въ показаніяхъ приведенныхъ имъ свидѣтелей и совершеннаго несоотвѣтствія ихъ показаній тому, что̀ желаетъ ими подтвердить. Митр. Даніила онъ заставляетъ свидѣтельствовать, что въ перстосложеніи для крестнаго знаменія не должно простирать ни единаго изъ двухъ перстовъ, что оба перста должны быть «*наклонены*, а не простерты»; представленный имъ также въ качествѣ свидѣтеля преподобный Максимъ Грекъ (или нѣкто подъ его именемъ) учитъ напротивъ, что не должно наклонять ни единаго изъ двухъ перстовъ, а должны быть оба «*протяжены*». Между тѣмъ свидѣтельствами этихъ противорѣчащихъ другъ другу свидѣтелей г. Каптеревъ хочетъ доказать, что въ ихъ время всею русскою церковію признанъ былъ единственно правильнымъ обычай — креститься имѣя два перста, не оба *наклоненными* и не оба *протяженными*, какъ утверждаютъ Даніилъ и Максимъ, напротивъ одинъ только простертымъ, а другой мало наклоненнымъ, какъ повелѣваетъ «опредѣленно выраженное» ученіе Ѳеодоритова Слова... И это называется изслѣдовать вопросъ съ соблюденіемъ «строгой научности» и «безъ предвзятыхъ полемическихъ тенденцій!»

Но вотъ повидимому свидѣтельство «вполнѣ ясное и опредѣленное», не возбуждающее никакихъ сомнѣній относительно своей подлинности —

г) Свидѣтельство Стоглаваго собора.

Свидѣтельство это г. Каптеревъ приводитъ въ слѣдующемъ видѣ:

«Стоглавый соборъ сдѣлалъ такое постановленіе: «иже кто *не знаменается двѣма персты, якоже и Христосъ*, да есть

проклятъ». Это соборное постановленіе о двоеперстіи *имѣло вполнѣ обязательную силу*, какъ это видно изъ наказныхъ списковъ митрополита Макарія, въ которыхъ онъ требуетъ употреблясь двоеперстіе въ крестномъ знаменіи».

Нельзя было не подивиться, что, приводя свидѣтельство м. Даніила, г. Каптеревъ приписалъ ему подлинныя выраженія Ѳеодоритова Слова; не менѣе удивительно и то, какъ приводитъ онъ свидѣтельство изъ 31-й главы Стоглавника, излагающей опредѣленіе о крестномъ знаменіи. Правда, 31-я глава Стоглавника, по запутанности и безпорядочности изложенія, и вообще по своему содержанію, представляетъ именно образецъ указанной соборомъ 1667 года «неразсудности, простоты и невѣжества» законодателей Стоглаваго собора. Но если г. Каптеревъ читалъ эту статью, то при нѣкоторой внимательности все же могъ бы разобраться въ этой путаницѣ и отличить здѣсь главное отъ неглавнаго, самое постановленіе о перстосложеніи отъ толкованія его и отъ свидѣтельствъ, какими оно подтверждается. А между тѣмъ г. Каптеревъ съ удивительной небрежностью (допустимъ именно небрежность) выхватываетъ изъ средины 31-й главы Стоглавника и выдаетъ за постановленіе собора о двуперстіи такую фразу, которая собственно постановленія соборнаго не составляетъ, а только содержитъ клятву, ограждающую изложенное выше постановленіе, и есть притомъ повтореніе здѣсь же приведеннаго мнимо-отеческаго свидѣтельства въ подтвержденіе двуперстія: «аще кто двѣма персты *не благославляетъ, якоже и Христосъ*... да будетъ проклятъ, *святіи отцы рекоша*»,— и, какъ видятъ читатели, повтореніе, сдѣланное съ самымъ уродливымъ искаженіемъ этого якобы святоотеческаго свидѣтельства: «иже кто *не знаменуется двѣма персты, якоже и Христосъ*, да есть проклятъ». Г. Каптеревъ какъ будто нарочно выбралъ изъ всей главы такое выраженіе, въ которомъ по преимуществу обнаружились «неразсудство и невѣжество» составителей соборнаго опредѣленія о двуперстіи. Ибо, что̀ можетъ быть нелѣпѣе и безсмысленнѣе, какъ утверждать, что будтобы самъ Христосъ, вознося молитвы свои къ Богу

Отцу, «знаменовался», т.-е. полагалъ на себя крестное знаменіе, и именно двумя перстами, что поэтому и всѣ, кто «не знаменуется двѣма персты, якоже и Христосъ», подлежатъ проклятію? Находясь въ совершенно такомъ же положеніи, какъ и г. Каптеревъ, приводя также по «степенямъ», въ восходящемъ порядкѣ, свидѣтельства о всегдашнемъ существованіи на Руси двуперстія, Андрей Денисовъ поступилъ гораздо основательнѣе. Указывая въ своей «17-й степени» на свидѣтельство Стоглава о двуперстіи, онъ привелъ изъ него, хотя съ нѣкоторыми лукавыми умолчаніями, дѣйствительное о семъ предметѣ постановленіе. Съ рѣдкимъ искусствомъ изложивъ сначала свои воззрѣнія на значеніе и важность Стоглаваго собора, Андрей Денисовъ говоритъ далѣе: «и того убо и таковà священнаго собора отцы, въ соборной ихъ книзѣ Стоглавѣ, во главѣ 31-й, послѣдствующе святымъ (?) древнее православіе утверждаху—на крестное знаменіе персты слагати: *палецъ да два послѣднихъ воедино совокупити, а верхній перстъ со среднимъ совокупивъ*, тѣма двѣма креститися и благословати. И соборнѣ *подтверждающе* древлецерковное запрещеніе, написаша: аще кто двѣма персты *не благословляетъ, якоже и Христовъ*, или не изображаетъ двѣма персты крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ, святіи отцы рекоша». Это есть довольно точное изложеніе содержащагося въ Стоглавѣ опредѣленія о перстосложеніи, и г. Каптереву не излишне было бы воспользоваться въ этомъ случаѣ указаніемъ своего союзника — Андрея Денисова. Но если ему было унизительно обращаться къ раскольническому ученому за руководствомъ для отысканія въ Стоглавникѣ дѣйствительнаго опредѣленія о двуперстіи (о полемистахъ съ расколомъ, которые всего скорѣе помогли бы ему въ этомъ, мы не говоримъ уже [45]), то онъ могъ бы воспользоваться по-

[45]) Впрочемъ г. Каптеревъ могъ бы найти точное изложеніе приведеннаго въ Стоглавѣ опредѣленія о перстосложеніи не у полемистовъ только, а и просто у нашихъ церковныхъ историковъ, напр. у м. Макарія въ его Исторіи раскола и въ статьѣ: „Правило Стоглаваго собора о двуперстіи“ (*Брат. Сл.* 1875 г. 11, стр. 20 — 21).

крайней мѣрѣ тѣми «наказными списками», о которыхъ самъ же говоритъ, ибо здѣсь, въ краткомъ изложеніи наставленія о двуперстіи, приводится также, и еще точнѣе, нежели у Денисова, сущность изложеннаго въ Стоглавѣ постановленія: «правую руку уставляли бы ко крестному воображенію: большій палецъ да два нижнія перста во едино совокупивъ, а верхней перстъ со среднимъ совокупивъ, *простеръ и мало нагнувъ*[46]). Тако благословити святителемъ и іереомъ, и на себѣ крестное знаменіе возлагати двѣма персты»[47]).

Итакъ г. Каптеревъ, ссылаясь на постановленіе Стоглаваго собора, какъ на свидѣтельство о томъ, что «ученіе о двуперстіи, *точно выраженное* въ Ѳеодоритовомъ Словѣ, признано было нашею церковію за единственно правильное» и проч., привелъ однакоже изъ Стоглавнина такія слова, которыя совсѣмъ не составляютъ дѣйствительнаго постановленія о перстосложеніи, примѣчательны же только своею крайнею нелѣпостію. А между тѣмъ необходимо знать именно подлинное постановленіе о перстосложеніи, содержащееся въ Стоглавѣ, чтобы судить, дѣйствительно ли составляетъ оно желаемое г. Каптеревымъ свидѣтельство, и мы считаемъ нужнымъ поэтому привести его здѣсь вполнѣ, не смотря на его общеизвѣстность.

31-я глава Стоглавника, содержащая постановленіе о крестномъ знаменіи, изложена, какъ мы сказали, крайне безпорядочно. Собственно постановленіе о двуперстіи сначала излагается кратко въ первой ея половинѣ; за этимъ изложеніемъ идетъ наставленіе, какъ должно полагать на себя крестное знаменіе, какъ молиться; далѣе кратко перечисляются свидѣтельства въ подтвержденіе двуперстія: мнимое проклятіе

---

[46]) Эти слова о верхнемъ, т.-е. указательномъ, перстѣ: *простеръ и мало нагнувъ*, Андрей Денисовъ и опустилъ въ своей выпискѣ изъ Стоглава, очевидно съ лукавымъ намѣреніемъ, ясно понимая совершенное ихъ несоотвѣтствіе употребляемому устарообрядцевъ перстосложенію.

[47]) „Наказные списки Стоглава“ изд. И. Бѣляева. М. 1853 г. стр. 25.

святыхъ отецъ на некрестящихся двуперстно, при чемъ приводится и самый текстъ его, сказаніе о Мелетіи и Слово Ѳеодорита; затѣмъ, въ срединѣ главы, снова и подробнѣе излагается постановленіе о сложеніи перстовъ, съ толкованіемъ, что̀ означаетъ такое ихъ сложеніе; наконецъ приводится самый текстъ двухъ упомянутыхъ выше свидѣтельствъ— сказанія о Мелетіи и Ѳеодоритова Слова. Находящееся въ началѣ и срединѣ главы самое постановленіе, или опредѣленіе о сложеніи перстъ изложено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Правую бы руку, спрѣчь десницу, уставливали ко крестному воображенію: большой палецъ да два нижніи перста воедино совокупивъ, а *верхній перстъ* съ среднимъ совокупивъ, *простеръ и мало наклонъ*, тако благословити святителемъ и іереомъ и на себя крестное знаменіе рукою возлагати двѣма персты [48])... Креститися и благословити: два долныя, а третій верхній къ долнима перстома; *тоже согбшіе персту толкуетъ:* преклонь бо небеса и сниде нашего ради спасенія. А два верхніе: сими же двѣма благословити въ божество и въ человѣчество. Креститися подобаетъ и благословити: персты три совокупити низу, а два верхніи купно. Тѣми благословити и креститися въ божество и въ человѣчество» [49]).

Вотъ то опредѣленіе Стоглава относительно двуперстія, о которомъ долженъ былъ говорить г. Каптеревъ, и къ нему-то должны относиться слѣдующія слова его:

«Это соборное постановленіе о двуперстіи *имѣло вполнѣ обязательную силу*, какъ это видно изъ наказныхъ списковъ митрополита Макарія, въ которыхъ онъ требуетъ употреблять двоеперстіе въ крестномъ знаменіи».

Что̀ хотѣлъ сказать г. Каптеревъ этимъ выраженіемъ: «имѣло вполнѣ обязательную силу»? Когда имѣло и для кого

---

[48]) Это начальное въ 31-й гл. Стоглава изложеніе постановленія о крестномъ знаменіи и приводится, какъ видѣли читатели, въ „наказныхъ спискахъ“ м. Макарія и у Денисова въ 5-мъ Поморскомъ Отвѣтѣ; а находящееся въ срединѣ 31-й главы, которое мы приводимъ вслѣдъ за симъ, не внесено ни въ наказные списки, ни въ Поморскіе Отвѣты.

[49]) Стогл. по Казан. изд. стр. 132 и 134.

имѣло? Наказные списки м. Макарія, приведенные г. Каптеревымъ въ подтвержденіе этого не вполнѣ яснаго замѣчанія, свидѣтельствуютъ только о томъ, что постановленіе о двуперстіи было дѣйствительно издано соборомъ 1551 года и что тогдашняя церковная власть заботилась о сообщеніи его для свѣдѣнія и исполненія духовенству и народу, — свидѣтельствуютъ только о томъ, что постановленіе это, какъ изданное церковною властію, должно было имѣть въ свое время обязательную силу; но въ дѣйствительности имѣло ли оно эту «обязательную», даже «вполнѣ обязательную силу» для духовенства и народа, исполнялось ли ими на самомъ дѣлѣ какъ въ то время, когда были изданы и разосланы наказные списки, такъ особенно впослѣдствіи? — объ этомъ сами наказные списки не могутъ служить свидѣтельствомъ. А важно знать именно то: принято ли было постановленіе Стоглаваго собора о двуперстіи всею россійскою церковію и соблюдалось ли какъ обязательное для нея?

Признавая несомнѣнное историческое существованіе бывшаго въ 1551 году собора, извѣстнаго подъ именемъ Стоглаваго, нѣкоторые весьма серіозные ученые подвергали однакоже сомнѣнію подлинность Стоглава, какъ книги содержащей дѣйствительныя постановленія этого собора[50]). Въ послѣдствіи нѣкоторые

---

[50]) Такія сомнѣнія были рѣшительно высказаны архіеп. Филаретомъ въ его „Исторіи рус. церкви“ (изд. 1857 г. III, стр, 136 и слѣд.; особ. прим. 2 на стр. 138). Въ 1850 г. составлено было въ такомъ же направленіи изслѣдованіе о Стоглавѣ (диссертація на ученую степень) И. В. Бѣляевымъ: отрывокъ изъ этого сочиненія — „археологическое изслѣдованіе о происхожденіи мнѣній Стоглава о двуперстіи и не бритіи бородъ“, онъ напечаталъ потомъ при изданныхъ имъ „наказныхъ спискахъ Стоглава“ (стр. 30 — 57; см. стр. 7). Мы можемъ сказать, что были свидѣтелемъ этой работы талантливаго ученаго, слишкомъ рано похищеннаго смертію, и у насъ имѣется полный списокъ его сочиненія. Любопытно, что м. Макарій въ своей „Исторіи раскола“ статью о стоглавомъ соборѣ писалъ подъ очевиднымъ вліяніемъ сочиненія Бѣляева, которое находилось тогда на разсмотрѣніи въ Синодѣ и легко могло быть извѣстно автору исторіи (тогда Ректору Спб. Академіи): здѣсь онъ проводитъ не только тотъ

изъ этихъ сомнѣвавшихся признали подлинность и самаго Стоглава, — одинъ изъ таковыхъ даже призналъ «необходимымъ согласиться, что митрополитъ Макарій подписалъ Стоглавъ со статьей о двуперстіи, если только Стоглавъ былъ подписанъ присутствовавшими на соборѣ отцами» [51]) (что̀ однакоже до сихъ поръ не доказано). Мы не станемъ входить здѣсь въ разсужденіе о подлинности, или неподлинности Стоглава. Замѣтимъ только, что можно признавать несомнѣннымъ, что на соборѣ 1551 года возобладали голоса за двуперстіе и состоялось опредѣленіе именно о двуперстіи; но въ то же время можно крайне сомнѣваться, чтобы это постановленіе состоялось въ томъ запутанномъ и противорѣчивомъ видѣ, какъ оно излагается въ 31 гл. Стоглавника, и чтобы въ этомъ видѣ оно могло быть подписано м. Макаріемъ и прочими отцами собора. Въ доказательство подлинности Стоглава «со статьею о двуперстіи», т.-е. и 31-й главы его, приводятъ наказные списки м. Макарія. Но въ нихъ излагаются статьи Стоглава и кратко и не всѣ [52]); въ частности опредѣленіе о двуперстіи излагается въ самомъ сокращенномъ видѣ, — приводится изъ 31 гл. Стоглава только часть его, помѣщенная въ началѣ [53]).

же взглядъ на Стоглавъ, но приводитъ и тѣже самыя доказательства, что̀ въ сочиненіи И. В. Бѣляева.

51) См. м. Макарія „Правило стоглаваго собора о двуперстіи“ (*Брат. Сл.* 1875 г. 11, стр. 20 — 21).

52) Достойно особаго замѣчанія то обстоятельство, что въ наказныхъ спискахъ совсѣмъ не упоминается опредѣленіе объ аллилуіа, составляющее 42-ю главу Стоглава и столь же важное въ отношеніи къ расколу, какъ опредѣленіе о крестномъ знаменіи. Между тѣмъ упомянуть объ немъ было бы, казалось, тѣмъ необходимѣе, что одинъ изъ наказныхъ списковъ, нынѣ извѣстныхъ, писанъ въ Каргополь, — въ такія мѣста, гдѣ сильно заняты были вопросомъ объ аллилуіа. Не слѣдуетъ ли отсюда, что либо наказные списки содержатъ не всѣ постановленія Стоглаваго собора, либо въ главѣ 42-й содержится не подлинное ихъ изложеніе?

53) Наказ. сп. стр. 25. Въ статьѣ „Правило Стоглаваго собора“, говорится, что 31 гл. „была помѣщена въ граматѣ въ монастыри“, которая напечатана въ Казан. изданіи Стоглава (*Брат. Сл.* 1875 г. 11, 22 прим. 3). Въ упомянутомъ изданіи Стоглава (стр. 260) дѣй-

Отсюда, повторяемъ, можно только съ рѣшительностію заключать, что на соборѣ 1551 г. дѣйствительно состоялось опредѣленіе о двуперстіи; но отсюда еще не слѣдуетъ, что оно состоялось именно въ томъ видѣ, какъ излагаетъ его 31 глава Стоглавника. Наказные списки подтверждаютъ дѣйствительность состоявшагося на соборѣ постановленія о двуперстіи, но не подлинность Стоглавника, какъ книги дѣйствительныхъ соборныхъ постановленій, и притомъ въ полномъ его составѣ. А между тѣмъ не должно забывать извѣстныхъ, весьма важныхъ историческихъ свидѣтельствъ, возбуждающихъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно постановленій Стоглаваго собора и Стоглавника. Черезъ годъ послѣ Стоглаваго собора, на новомъ соборѣ 1553 г. царь Иванъ Васильевичъ говорилъ съ м. Макаріемъ и епископами «о прежнемъ соборномъ уложеніи о многоразличныхъ дѣлѣхъ и чинѣхъ церковныхъ, и по книгѣ соборной чли, которыя дѣла исправилися, и которыя *еще не исправилися*»[54]). Разсуждали очевидно о Стоглавомъ соборѣ и читали книгу Стоглавъ, въ которой однѣ дѣла (постановленія по вопросамъ?) нашли исправленными, правильно изложенными, другія еще неисправленными, почему царь и выразилъ желаніе: «когда бы Богъ

ствительно напечатана краткая грамота м. Макарія въ Симоновъ монастырь, съ припискою: „да съ тою же грамотою послати по монастырямъ поученіе, главы, истоеже соборные книги выписати, глава 49, гл. 50-я, гл. 51-я, 52-я глава 75-я 76-я, 77-я 68-я, *глава 31-я царьскихъ вопросовъ*, глава 68-я“ (второй разъ). Выраженіе “глава 31 царьскихъ вопросовъ“ совсѣмъ не ясно. 31-я гл. не содержитъ „царскихъ вопросовъ“, какъ и всѣ прочія здѣсь упомянутыя. Не должно ли здѣсь стоять вмѣсто 31 гл., 41-я глава, которая дѣйствительно содержитъ въ себѣ тридцать два царскіе вопроса? Или можетъ быть здѣсь разумѣется 31-й изъ этихъ, помѣщенныхъ въ 41-й главѣ, вопросовъ? Во всякомъ случаѣ это свидѣтельство не настолько ясно, чтобы на основаніи его утверждать, что списокъ 31-й главы Стоглава о крестномъ знаменіи былъ м. Макаріемъ и соборомъ разосланъ въ монастыри вмѣстѣ съ списками нѣкоторыхъ другихъ главъ.

54) Ркп. Волокол. бил. № 404; см. Ист. рус. ц. Филарета, III, стр. 138.

помогъ, чтобы и другія дѣла исправились». Уже то одно, что на третій годъ послѣ Стоглаваго собора царь и митрополитъ съ епископами пересматриваютъ постановленія этого собора, само собою показываетъ, что и они сами не считали эти постановленія, какъ они изложены въ «соборной книгѣ», окончательно утвержденными, а нѣкоторыя и исправленными. Вскорѣ послѣ того, при разсмотрѣніи дѣла о бывшемъ Троицкомъ игуменѣ Артеміѣ оказалось, что Артемій говорилъ о крестномъ знаменіи: «и на соборѣ-де о томъ слово ,было, *да не доспѣли ничего*»[55]). О какомъ бы соборѣ ни была тутъ рѣчь, — о прежнемъ ли (1551 г.), или о «нынѣшнемъ» (1553 г.),— важно свидѣтельство, что были соборныя разсужденія по вопросу о крестномъ знаменіи, но не привели ни къ какому опредѣленному рѣшенію: «не доспѣли ничего». Соображая все вышесказанное мы полагаемъ, что а) на Стоглавомъ соборѣ поставленъ былъ и возбудилъ пренія вопросъ о крестномъ знаменіи и перстосложеніи для крестнаго знаменія, а это самое, — и то, что вопросъ былъ поставленъ, и то, что возбудилъ онъ пренія, — уже показываетъ, что русскіе въ то время не одинаково слагали персты для крестнаго знаменія, и на самомъ соборѣ были сторонники и двуперстія и троеперстія; б) хотя Артемій и свидѣтельствуетъ, что по вопросу о крестномъ знаменіи на саборѣ «не доспѣли ничего», но имѣя въ виду наказные списки м. Макарія должно признать, что здѣсь возобладалъ голосъ защитниковъ двуперстія и дѣйствительно состоялось опредѣленіе о двуперстномъ сложеніи руки для крестнаго знаменія; в) состоявшееся на соборѣ постановленіе хотя и внесено въ 31 главу Стоглава, но въ цѣломъ своемъ составѣ эта глава не представляетъ окончательнаго, «исправленнаго» и потому подлиннаго текста соборнаго постановленія, ибо въ такомъ безпорядочномъ и противорѣчивомъ изложеніи оно не могло быть принято и подписано м. Макаріемъ съ прочими отцами собора, а есть только неискусный сводъ того, что говорилось на соборѣ защитниками

---

[55]) Акты Арх. Эксп. т. 1 № 239.

двуперстія и что̀ принято было соборомъ какъ основаніе для опредѣленія.

Впрочемъ для поставленнаго выше вопроса безразлично— признавать ли 31-ю главу Стоглавника собственнымъ и подлиннымъ постановленіемъ собора 1551 г., или не признавать; важно то, что опредѣленіе о двуперстіи дѣйствительно было сдѣлано соборомъ и внесло въ разосланные м. Макаріемъ наказные списки. Что же, — имѣло ли оно и въ самомъ дѣлѣ «вполнѣ обязательную силу»,— было ли принято всею церковію къ непремѣнному исполненію? И ученіе о двуперстіи, вслѣдствіе того, было ли признано «единственно правильнымъ, для всѣхъ обязательнымъ, и исключающимъ всѣ другія формы перстосложенія, какъ не правыя»?

Здѣсь прежде всего весьма любопытно и важно то обстоятельство, что рѣчь о «полной обязательности» соборнаго опредѣленія о двуперстіи, равно какъ и самое появленіе этого постановленія, необходимо предполагаетъ общераспространенное у насъ въ то время существованіе троеперстія, которое собственно и имѣлось въ виду устранить изданіемъ соборнаго постановленія о двуперстіи. Значитъ само двуперстіе совсѣмъ небыло *дотолѣ* ученіемъ, всею нашею церковію признаннымъ за единственно правильное, для всѣхъ обязательное, и проч. Очевидно, напротивъ, что троеперстіе было общеупотребительнымъ обрядомъ на Руси, и защитникамъ двуперстія, желавшимъ ввести его въ употребленіе, нужно было не только издать о немъ соборное постановленіе, но и требовать настоятельно, какъ требуется и въ Стоглавѣ и въ наказныхъ спискахъ, «чтобы протопопы и всѣ священники на себѣ воображали крестное знаменіе, такожъ бы и дѣтей своихъ, всѣхъ православныхъ христіянъ, *поучали и наказывали* ограждать себя крестнымъ знаменіемъ... двѣма персты». «Поучаютъ и наказываютъ» обыкновенно тому, чего наказуемые и поучаемые не знаютъ и не дѣлаютъ: значитъ духовные дѣти протопоповъ и священниковъ, да и сами священники и протопопы не знали *дотолѣ* и не употребляли двуперстія, напротивъ, крестились троеперстно.

По крайней мѣрѣ не слѣдуетъ ли признать за несомнѣнное что *отселѣ*, со времени Стоглаваго собора, уже всѣ у насъ начали креститься двумя перстами, что съ появленіемъ Стоглава и изданіемъ наказныхъ списковъ «ученіе о двуперстіи» уже дѣйствительно «было признано церковію за единственно правильное», для всѣхъ получило «вполнѣ обязательную силу?» Конечно, опредѣленія и распоряженія церковной власти, повторимъ опять, должны бы имѣть обязательность для пасомыхъ и вообще для церкви, и должны бы исполняться; но въ дѣйствительности не всегда бываетъ такъ, и иныя постановленія и распоряженія самою же церковною властію иногда оставляются безъ дѣйствія. Любопытный и поучительный для настоящаго случая примѣръ этого указываетъ самъ же г. Каптеревъ. Въ 1620 году состоялось извѣстное соборное изложеніе патріарха Филарета «и сошедшихся къ нему митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ... о крещеніи латынъ»; но проходитъ какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ по изданіи этого соборнаго постановленія, умираетъ патріархъ Филаретъ, — и оно, какъ свидѣтельствуетъ г. Каптеревъ, «на практикѣ уже болѣе не исполняется» (стр. 153), — само собою теряетъ силу дѣйствующаго закона, и именно въ глазахъ церковной власти, хотя дѣйствительное его отмѣненіе послѣдовало уже на соборѣ 1667 года. Если соборное постановленіе, изданное самымъ авторитетнымъ въ русской церкви лицемъ, каковъ былъ патріархъ Филаретъ, — изданное соборнѣ, «съ митрополиты, архіепископы и епископы», притомъ постановленіе, внесенное даже въ столь важную богослужебную книгу, каковъ Потребникъ, слѣдственно долженствовавшее быть извѣстнымъ и вполнѣ обязательнымъ для всей русской церкви, — если оно, и такъ скоро по изданіи, утратило свою обязательную силу даже въ глазахъ духовной власти и само собою упразднилось: то не имѣемъ ли мы право усомниться и въ безусловной обязательности постановленія Стоглаваго собора о двуперстіи? не имѣемъ ли основанія полагать, что постановленіе это, хотя и внесенное въ наказные списки, но учившее такому обряду, ко-

тораго, очевидно, не знали и не держались дотолѣ ни протопопы и священники, ни духовныя ихъ дѣти, не было принято къ непремѣнному исполненію всею церковію (хотя, имѣло, конечно, свою долю вліянія на распространеніе двуперстія, и именно въ свое время и въ извѣстной средѣ)? И мы дѣйствительно не находимъ въ исторіи никакихъ слѣдовъ этой проповѣдуемой г. Каптеревымъ «вполнѣ обязательной силы» изданнаго Стоглавымъ соборомъ правила о двуперстіи, — не видимъ, чтобы со времени его изданія до самыхъ лѣтъ появленія раскола, кто-либо ссылался на него въ свидѣтельство, или въ подкрѣпленіе ученія о двуперстіи, если даже и приходилось говорить о двуперстіи. Мы были бы очень благодарны г. Каптереву, если бы онъ представилъ намъ хотя одну такую ссылку, — что̀ составляло даже и прямой его долгъ, но чего, разумѣется, онъ не сдѣлалъ, и полагаемъ не въ состояніи сдѣлать. Извѣстно, скажемъ словами м. Филарета, «что въ доказательство двуперстнаго сложенія на Стоглавый соборъ не ссылался никто изъ пяти первыхъ патріарховъ россійскихъ, ни Книга о вѣрѣ, ни такъ называемая Кириллова, ни большой Катихизисъ, ни Псалтырь съ возслѣдованіемъ Іосифовскаго изданія»[56]). Всего любопытнѣе, что даже въ тѣхъ книгахъ Іосифовскаго изданія, гдѣ настойчиво проповѣдуется двуперстіе, при чемъ собираются и приводятся (какъ въ Кирилловой книгѣ) свидѣтельства въ подтвержденіе его — и мнимый Ѳеодоритъ, и Максимъ Грекъ, — такое авторитетное свидѣтельство, какъ опредѣленіе Стоглаваго собора, совсѣмъ не приводится: ясно, что правило Стоглава о двуперстіи находилось въ забвеніи, не имѣло никакой обязательной силы. Есть историческія свидѣтельства, изъ которыхъ видно, что и вообще постановленія Стоглаваго собора, въ томъ числѣ и важнѣйшія изъ нихъ, очень скоро оставлены были въ пренебреженіи, и утратили всякую обязательную силу. Извѣстно, что самыя главныя распоряженія и постановленія Стоглаваго собора, о которыхъ всего болѣе говорится и въ Стоглавникѣ и въ на-

---

[56]) Бес. къ гл. стар. стр. 197.

казныхъ спискахъ м. Макарія, касались учрежденія поповскихъ старостъ и десятскихъ, опредѣленія ихъ правъ и обязанностей. А между тѣмъ и эти весьма важныя въ практическомъ отношеніи постановленія вскорѣ же оказались не имѣющими «обязательной силы». Уже сынъ Грознаго, царь Ѳеодоръ Ивановичъ, вмѣстѣ съ патріархомъ Іовомъ были вынуждены въ 1594 г. издать новое соборное постановленіе объ учрежденіи поповскихъ старостъ, и притомъ въ Москвѣ, гдѣ постановленія Стоглаваго собора должны бы, казалось, по преимуществу имѣть силу и исполняться [57]). Нельзя не примѣтить, что это новое постановленіе о поповскихъ старостахъ, въ нѣкоторыхъ и именно главныхъ своихъ пунктахъ, имѣетъ ближайшее сходство съ постановленіями Стоглаваго собора о томъ же предметѣ; а между тѣмъ, — и это весьма любопытно, — въ соборномъ постановленіи 1594 г. нѣтъ и упоминанія о постановленіи Стоглаваго собора: значитъ постановленія этого собора, и по такому важному въ глазахъ тогдашней церковной власти предмету, не только не исполнялись, не только утратили свою «обязательную силу», но даже и напоминать объ нихъ церковная власть находила излишнимъ, хотя очевидно ими пользовалась [58]). Есть указаніе, что и самая книга Стоглавъ вскорѣ потомъ сдѣлалась большою рѣд-

---

[57]) „Поговоря съ отцемъ своимъ и богомольцемъ, святѣйшимъ Іевомъ патріархомъ Московскимъ и всея Русіи, приговоря съ своими государевыми боляры, велѣлъ государь въ своемъ государевѣ царствующемъ градѣ Москвѣ *учинити* старостъ поповскихъ и десятскихъ, для церковнаго благочинія и всякихъ ради потребъ церковныхъ“. *Акты Арх. Эксп.* т. 1, № 360, ср. Ркп. М. Д. А. № 191 (Опис. ркп. архим. Леонида 11, стр. 283).

[58]) Достойно вниманія, что въ ркп. Академической списокъ постановленія 1594 г. о поповскихъ старостахъ помѣщенъ вмѣстѣ съ спискомъ Стоглава: см. Опис. архим. Леонида стр. 284. „Учиненіе“ поповскихъ старостъ въ Москвѣ, о чемъ такъ заботился Стоглавый соборъ, вообще не удавалось: патр. Іовъ вынужденъ былъ и еще не однократно издавать о томъ наказы, и при этомъ опять на постановленіе Стоглаваго собора не ссылался ни разу, а указывалъ только на свои прежнія распоряженія.

костью. Въ 1639 г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ переписныхъ книгахъ увидѣлъ, что въ Кирилловѣ монастырѣ «четьихъ книгъ» много, и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы къ нему въ Москву были доставлены лишніе списки особенно тѣхъ книгъ, которыхъ не имѣлось въ царской библіотекѣ, — въ числѣ такихъ не имѣвшихся въ его библіотекѣ «четьихъ книгъ» царь называетъ и «книгу государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси — вопросы и соборные отвѣты». Такимъ образомъ Стоглавникъ не только не признается здѣсь законодательною книгою, имѣющею при томъ «вполнѣ обязательную» для церкви силу, но просто называется «четьею книгою», и списка его не имѣлось даже въ царской библіотекѣ. Трудно послѣ всего этого согласиться съ г. Каптеревымъ, что будто бы постановленіе Стоглавнаго собора о двуперстіи имѣло въ русской церкви «вполнѣ обязательную силу», какую, надобно полагать онъ усвояетъ ему за все время его существованія до самаго собора 1667 г., который произнесъ извѣстный приговоръ о Стоглавомъ соборѣ, будучи вызванъ къ тому единственно тѣмъ, что на Стоглавъ стали ссылаться расколоучители, а ни какъ не признаніемъ якобы существовавшей дотолѣ его силы и обязательности.

Итакъ постановленіе о двуперстіи хотя и несомнѣнно было сдѣлано Стоглавымъ соборомъ, хотя и внесено въ наказные списки м. Макарія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно принято было всею русскою церковію, какъ правило «вполнѣ обязательное», что оно всегда и всѣми исполнялось безпрекословно; напротивъ есть твердыя основанія полагать, что будучи направлено противъ господствовавшаго тогда троеперстія, оно осталось безъ замѣтнаго вліянія въ особенности на народъ, твердо державшійся этого отъ предковъ наслѣдованнаго обряда. Изданное соборомъ 1551 г. постановленіе показываетъ только, что число книжниковъ, ратовавшихъ за двуперстіе, было тогда значительно и они пользовались такою силою, что могли и успѣли ученіе о двуперстіи провести на соборѣ и облечь въ форму соборнаго постановленія, хотя изложеннаго до крайности сбивчиво и нетолково.

Посмотримъ теперь на самое содержаніе этого постановленія, изложеннаго въ Стоглавникѣ, — дозволяетъ ли оно согласиться съ тѣмъ, что̀ говоритъ о немъ г. Каптеревъ, т.-е. дозволяетъ ли видѣть въ постановленіи Стоглаваго собора свидѣтельство о признаніи всею церковію за единственно правильное *именно того ученія* о двуперстіи, которое «опредѣленно выражено» въ Ѳеодоритовомъ словѣ.

«Опредѣленно выраженное» ученіе Ѳеодоритова слова требуетъ: «два перста. вышній да средній великій вмѣсто сложити и простерти, *великій же* (т.-е. великосредній) *перстъ имѣти мало наклонно*». А чего требуетъ опредѣленіе Стоглава?—требуетъ, чтобы мало пригнутъ былъ не великосредній перстъ, а верхній, т.-е. указательный: «*верхній же перстъ* съ среднимъ совокупивъ, простеръ *и мало наигнувъ*». По «опредѣленно выраженному» ученію Ѳеодоритова слова «согбеніе персту» (двухъ перстовъ, или, допустимъ, одного великосредняго) толкуется: преклонь бо небеса, сниде на землю нашего ради спасенія». А по Стоглавнику такое значеніе имѣетъ «согбеніе» совсѣмъ не двухъ перстовъ, или одного великосредняго, а трехъ: «креститися и благословиши: *два долныя, а третій верхній къ долнима перстома; тоже согбеніе* толкуетъ: преклонь бо небеса и сниде нашего ради спасенія». Какимъ же образомъ постановленіе Стоглава можетъ подтверждать «опредѣленно выраженное» ученіе Ѳеодоритова слова о двуперстіи? И какъ оно можетъ служить свидѣтельствомъ, что именно это «опредѣленно выраженное» въ Ѳеодоритовомъ словѣ ученіе о двуперстіи «было признано нашею церковію за единственно правильное», хотя бы только во времена Стоглаваго собора? Напротивъ, изложенное въ Стоглавикѣ постановленіе о перстосложеніи очевиднымъ образомъ противорѣчитъ и тому «опредѣленно выраженному» ученію о немъ Ѳеодоритова Слова, которое приводится въ Кирилловой книгѣ, и даже тому не опредѣленному ученію Ѳеодоритова же Слова, которое самъ Стоглавъ приводитъ въ подтвержденіе своего постановленія и которое повелѣваетъ «два перста имѣти *наклонена, а не простерта*».

Удивительное дѣло! Намъ представляютъ трехъ авторитетнѣйшихъ свидѣтелей о двуперстіи, жившихъ въ половинѣ XVI столѣтія, — свидѣтелей-современниковъ: митрополита Даніила, Максима Грека и цѣлый Стоглавый соборъ[59]). Намъ говорятъ, что они всѣ «неопровержимо и согласно» свидѣтельствуютъ о признаніи тогдашнею нашею церковію «опредѣленно выраженнаго» въ Ѳедоритовомъ словѣ ученія о двуперстіи, какъ ученія «единственно правильнаго». Мы выслушали, о чемъ говорятъ авторитетные свидѣтели-современники,— и что же оказалось? Оказалось, что всѣ они явнымъ образомъ противорѣчатъ одинъ другому, что каждый изъ нихъ даетъ показаніе не согласное съ показаніями двухъ другихъ, и относительно значенія двуперстія и, что̀ всего важнѣе, относительно самого способа сложенія перстовъ. Одинъ (м. Даніилъ) «учитъ», или покрайней мѣрѣ приводитъ свидѣтельство, что два перста должно «имѣти *наклоненна*, а не простерта». Другой (преп. Максимъ Грекъ) говоритъ: нѣтъ,— не такъ; оба перста должно имѣть *протяженными*, а не наклоненными. Третій же (м. Макарій, или его соборъ) не соглашается ни съ тѣмъ ни съ другимъ: нѣтъ, говоритъ,— нельзя имѣть оба перста наклоненными, а нужно только одинъ указательный *мало нагнуть*, нельзя также оба имѣть протяженными, а нужно имѣть «простертымъ» только одинъ великосредній. Вотъ какъ противорѣчатъ между собою свидѣтели-современники, и притомъ столь авторитетные, даже въ описаніи того, въ какомъ положеніи должны находиться два перста,—какъ слѣдуетъ сложить ихъ! Могло ли бы случиться это, еслибы двуперстіе было у насъ дѣйствительно обрядомъ неизмѣнно существовавшимъ и всѣми употреблявшимся съ

---

[59]) Большинство присутствовавшихъ на Стоглавномъ соборѣ несомнѣнно были современники Даніила и знали его, — Ѳеодосій же Новгородскій, какъ пишетъ Денисовъ, былъ „постриженникъ и ученикъ и содыхатель преподобнаго и богомудраго Іосифа Волоколамскаго“, значитъ жилъ въ его монастырѣ вмѣстѣ съ Даніиломъ. А Максимъ Грекъ, какъ извѣстно, скончался уже послѣ Стоглаваго собора, въ которомъ однако не принималъ никакого участія.

самаго крещенія Руси при святомъ Владимірѣ? Пять съ половиною столѣтій существуетъ обрядъ, пять столѣтій съ половиною русскіе люди крестятся двуперстно, — и однакоже авторитетнѣйшія лица въ Россійской церкви XVI столѣтія не могутъ дать точнаго описанія этого перстосложенія, не имѣютъ о немъ вполнѣ яснаго преставленія,— одинъ говоритъ, что должно такъ слагать персты, другой — иначе, третій опятъ иначе!..

Но еще удивительнѣе, что въ концѣ XIX столѣтія нашелся ученый, который приводитъ этихъ, противорѣчащихъ другъ другу свидѣтелей, и хочетъ увѣрить притомъ, что они не только не противорѣчатъ одинъ другому, но еще будто бы «неопровержимо и согласно» свидѣтельствуютъ о томъ, чего уже ни одинъ изъ нихъ и не говорилъ,—что они будто бы «неопровержимо и согласно» подтверждаютъ ученіе о двуперстіи въ томъ «опредѣленномъ выраженіи» Ѳеодоритова слова, въ какомъ оно явилось спустя уже цѣлое столѣтіе послѣ нихъ,— хочетъ увѣритъ, что будто бы они согласно учатъ слагать персты для крестнаго знаменія такъ же, какъ въ XVII вѣкѣ сталъ учить мнимый Ѳеодоритъ въ Кирилловой книгѣ, т.-е. что двухъ перстовъ не слѣдуетъ ни наклонять (какъ учитъ Даніилъ), ни протягивать (какъ учитъ Максимъ Грекъ), а нужно только одинъ перстъ мало наклонить, но опять не указательный (какъ учитъ Стоглавъ), а великосредній...

Явная противорѣчивость современныхъ Стоглавому собору свидѣтелей двуперстія,—будутъ ли то м. Даніилъ, преподобный Максимъ Грекъ и м. Макарій съ своимъ соборомъ, или только современные имъ ревнители двуперстія, — эта ихъ противорѣчивость не только въ указаніи знаменованія перстовъ, но даже и въ наставленіи о томъ, какъ слѣдуетъ слагать персты, служитъ яснымъ и неопровержимымъ свидѣтельствомъ, что двуперстіе въ ихъ время было еще такою новостью, ученіе о немъ было такъ неясно и неопредѣленно, что и сами ревнители его не имѣли о немъ надлежащаго понятія, не знали вточности даже и того, какъ слѣдуетъ слагать персты, каждый училъ объ этомъ по своему, чего никакъ

не могло быть съ обрядомъ, существующимъ многія столѣтія и извѣстнымъ всему русскому народу.

А что означаетъ та наивящшая противорѣчивость, образецъ которой представилъ самъ г. Кантеревъ въ своемъ «строго-научномъ» изслѣдованіи?— объ этомъ предоставляемъ судить читателямъ.

д) Свидѣтельство патріарха Іова.

«Цѣлый, *непрерывный* рядъ ясныхъ и опредѣленныхъ» свидѣтельствъ о двуперстіи, обѣщанный г. Каптеревымъ, послѣ Стоглаваго собора *прерывается* однако на довольно долгое время. Первое послѣ собора 1551 г. свидѣтельство относится къ 1589 году. Оно заимствуется изъ посланія патріарха Іова къ грузинскому митрополиту Николаю. Вотъ какъ приводитъ его г. Каптеревъ:

«Первый московскій патріархъ Іовъ *пишетъ* обширное посланіе къ грузинскому митрополиту Николаю, чтобы научить грузинъ держать правую христіанскую вѣру безъ всякихъ перемѣнъ и отступленій, которыя ими допущены. Въ это поученіе, составленное изъ старыхъ русскимъ (?) поученій, патріархъ Іовъ *вноситъ* нѣчто отъ себя и именно относительно перстосложенія въ крестномъ знаменіи. Онъ пишетъ, поучая грузинскаго митрополита: «молящися, креститися подобаетъ двѣма прьсты; прежъ положити на чело главы своея, *тоже* (таже) на перси, потомъ же на плече правое, *тоже* (таже)[60] и на лѣвое; *сьбеніе прьсту именуетъ сшествіе съ небесъ, а стоящій перстъ указуетъ вознесеніе Господне;* а три персты равны держати — исповѣдуемъ троицу нераздѣльну, (;) *т.-е.* (то-есть)[61] истинное крестное знаменіе» (стр. 59—60).

---

[60]) Должно быть, по мнѣнію г. Каптерева, все равно сказать, что *таже,* что *тоже!* Просимъ читателей обращать вниманіе на то, съ какими вообще искаженіями приводятся въ сочиненіи г. профессора Каптерева тексты разныхъ свидѣтельствъ древности, и даже, какъ показываетъ настоящій примѣръ, имѣющихъ для его сочиненія первенствующее значеніе.

[61]) Это новое искаженіе текста даже довольно забавно. Послѣ словъ „исповѣдуемъ Троицу нераздѣльну“ г. Каптеревъ нашелъ возможнымъ, или нужнымъ поставить запятую, и „то есть“ замѣнить

На посланіе патріарха Іова къ грузинскому митрополиту первый сослался, сколько мы знаемъ, Андрей Денисовъ въ своихъ Поморскихъ Отвѣтахъ. Денисову, очевидно, посланіе Іова было извѣстно; но, какъ человѣкъ лукавый, понимая, что въ этомъ свидѣтельствѣ есть нѣкоторыя несообразности и что вообще старообрядческому ученію о перстосложеніи, какъ оно изложено въ Ѳеодоритовомъ Словѣ, напечатанномъ въ Псалтиряхъ, свидѣтельство Іова не вполнѣ благопріятствуетъ, Денисовъ не привелъ подлинныхъ его выраженій, а ограничился общимъ указаніемъ: «сей патріархъ Іовъ, въ посланіи своемъ въ Грузинскую землю также повелѣваетъ знаменатися двѣма персты»[62]). Какъ же именно повелѣваетъ? какое значеніе приписываетъ двумъ перстамъ? — объ этомъ Денисовъ призналъ за лучшее умолчать. О свидѣтельствѣ п. Іова не говорятъ подробно, т.-е. не приводятъ полнаго его текста, и послѣдующіе раскольническіе писатели. Уже послѣ того, какъ все посланіе напечатано въ 1869 г. въ «Христіанскомъ Чтеніи», и нынѣшніе раскольническіе дѣятели, вообще не столь сообразительные, какъ Денисовъ, напечатали въ своемъ заграничномъ сборникѣ то мѣсто изъ этого посланія, гдѣ идетъ рѣчь о перстосложеніи[63]). У насъ была сдѣлана попытка отвергнуть подлинность этого мѣста въ посланіи п. Іова, признать его позднѣйшею вставкою ревнителей двуперстія[64]); но митр. Макарій въ своей Исторіи

сокращеннымъ *т.-е.* Значитъ, слова п. Іова онъ понялъ такъ: „исповѣдуемъ Троицу недаздѣльну, т. е. (исповѣдуемъ) истинное крестное знаменіе“. Въ „Исторіи м. Макарія“, откуда онъ заимствовалъ текстъ посланія п. Іова, послѣ словъ „исповѣдуемъ Троицу нераздѣльну“ поставлена точка съ запятой (даже слѣдовало поставить точку), и затѣмъ: „то есть“ и проч. Послѣднія слова составляютъ заключеніе всего сказаннаго о перстосложеніи и значатъ: вотъ, это есть истинное крестное знаменіе. Да простятъ намъ читатели эти мелочныя, грамматическія замѣчанія; здѣсь важно то, что поводъ къ нимъ даетъ „строго научное“ изслѣдованіе г. профессора, который, кажется, плохо разумѣетъ славянскую рѣчь.

62) *Помор. отв.* отв. 5, свид. 70-е.

63) Сборн. л. 15 об. Сборникъ этотъ напечатанъ именно въ 1873 г.

64) См. статью архим. Никанора въ *Правосл. Собесѣд.* 1870 г. ч. 2 и 3.

замѣтилъ: «сомнѣваться, принадлежитъ ли эта прибавка Іову и держался ли онъ самъ двуперстія, едва ли справедливо[65]) послѣ того, какъ ученіе о двуперстіи возведено Стоглавымъ соборомъ на степень догмата, обязательнаго для всѣхъ, и ограждено анаѳемой»[66]). Мы согласны, — «едва ли справедливо сомнѣваться», что п. Іовъ писалъ въ Грузію о двуперстномъ сложеніи руки для крестнаго знаменія и что самъ держался двуперстія; но думаемъ, что справедливо усомниться въ томъ, будто п. Іовъ писалъ о двуперстіи и самъ держался его въ силу опредѣленія Стоглаваго собора. Еслибы такъ было въ дѣйствительности, еслибы опредѣленіе Стоглава п. Іовъ дѣйствительно считалъ для себя вполнѣ обязательнымъ и еслибы оно вообще для того времени имѣло обязательную силу дѣйствующаго узаконенія, то п. Іовъ и писалъ бы о двуперстіи и его значеніи вполнѣ согласно ученію и наставленію Стоглава, не дерзая ни на іоту отступать отъ этого ученія, «возведеннаго на степень догмата». А между тѣмъ достаточно только сличить постановленіе Стоглава и разсматриваемое мѣсто изъ посланія п. Іова, чтобы видѣть, что этотъ послѣдній, ни мало не стѣсняясь опредѣленіемъ Стоглаваго собора, даетъ двуперстію свое толкованіе, отличное отъ соборнаго. Это обстоятельство можетъ служить новымъ подтвержденіемъ того, что даже и во время п. Іова, по прошествіи какихъ-нибудь тридцати пяти лѣтъ, Стоглавъ съ его опредѣленіями не имѣлъ силы обязательнаго законодательнаго акта. Итакъ м. Макарій, справедливо признавъ подлинность находящагося въ посланіи п. Іова наставленія о двуперстіи, напрасно поставилъ его въ прямую, генетическую связь съ опредѣленіемъ Стоглаваго собора. А г. Каптеревъ, очевидно, изъ исторіи м. Макарія узнавшій и о самомъ существованіи посла-

---

[65]) Историкъ, очевидно, имѣетъ здѣсь въ виду упомянутыя статьи архим. Никанора, гдѣ доказательства неподлинности находящихся въ посланіи п. Іова словъ о двуперстіи, дѣствительно, болѣе ухищренны, нежели основательны.

[66]) *Мак. Ист. рус. ц.* т. X, стр. 72.

нія п. Іова [67]), идетъ еще дальше. Въ посланіи п. Іова онъ видитъ даже свидѣтельство, вполнѣ согласное «опредѣленно выраженному въ Ѳеодоритовомъ Словѣ ученію о двуперстіи»; онъ увѣряетъ, что какъ м. Даніилъ, преп. Максимъ грекъ и Стоглавый соборъ учили о двуперстіи вполнѣ согласно Ѳеодоритову Слову, въ «опредѣленной» (т.-е. принятой раскольниками) его редакціи, такъ же точно и п. Іовъ въ своемъ посланіи учитъ вполнѣ согласно этой опредѣленной редакціи Ѳеодоритова Слова. Мы видѣли, насколько справедливо г. Каптеревъ утверждалъ это о м. Даніилѣ, о Максимѣ Грекѣ и Стоглавомъ соборѣ; посмотримъ, справедливо ли утверждаетъ о п. Іовѣ.

Въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, имѣетъ особенную важность ученіе о двухъ перстахъ, — о томъ, какъ слагать ихъ и что̀ они знаменуютъ. Патріархъ Іовъ пишетъ: «креститися подобаетъ двѣмя прьсты... съгбеніе прьсту именуетъ сшествіе съ небесъ, а *стоящій перстъ указуетъ вознесеніе Господне*». Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе крайняя неясность изложеннаго въ посланіи наставленія о перстосложеніи, — неясность тѣмъ болѣе странная, что наставленіе давалось грузинскому митрополиту, неимѣвшему понятія о двуперстіи, а крестившемуся иначе, разумѣется, троеперстно. Что могъ понять изъ него грузинскій митрополитъ? Патріархъ не говоритъ ему, какими именно «двѣми персты подобаетъ креститися» и, главное, какъ именно слѣдуетъ слагать ихъ; а прямо даетъ ему толкованіе значенія двухъ перстовъ, — говоритъ о какомъ-то «съгбеніи прьсту» (перста? или перстовъ?), что оно означаетъ «сшествіе съ небесъ», и о какомъ-то «стоящемъ перстѣ», что онъ «указуетъ вознесеніе Господне». Если человѣкъ, совсѣмъ незнакомый съ двуперстіемъ, нечего не могъ понять изъ такого о немъ наставленія, то не много болѣе поймετъ изъ него и тотъ, кому ученіе о двуперстіи вполнѣ извѣстно по памятникамъ древности. Что значитъ выраженіе: «съгбеніе прьсту»? Судя

[67]) На Исторію м. Макарія г. Каптеревъ дѣлаетъ и ссылку.

по формѣ двойственнаго числа, нужно разумѣть здѣсь согбеніе, наклоненіе, пригнутіе двухъ перстовъ — указательнаго и великосредняго; но такъ какъ далѣе одинъ изъ этихъ двухъ называется «стоящимъ», то значитъ здѣсь идетъ рѣчь о согбеніи, или наклоненіи только одного изъ двухъ перстовъ. Котораго же? — «верхняго» ли, т.-е. указательнаго, который «мало нагнуть» требуетъ опредѣленіе Стоглава, или «средняго великаго», который «имѣти мало наклонно» требуетъ «опредѣленная» редакція Ѳеодоритова Слова? Кому слѣдовалъ п. Іовъ, — Стоглаву ли, какъ полагалъ м. Макарій, или (въ его время не существовавшей еще) «опредѣленной» редакціи Ѳеодоритова Слова, какъ утверждаетъ г. Каптеревъ? Любопытно, что выраженіе «съгбеніе», или «согбеніе персту» находится и въ Стоглавѣ и въ Ѳеодоритовомъ Словѣ (всѣхъ его редакцій), — п. Іовъ могъ заимствовать его изъ того и изъ другого источника; но мы видимъ, что этими источниками онъ ни мало не стѣсняется, не считаетъ себя обязаннымъ слѣдовать имъ съ безусловною точностію, напротивъ даетъ двуперстію свое толкованіе, несогласное ни съ Стоглавомъ, ни съ Ѳеодоритовымъ Словомъ, и самое это выраженіе «согбеніе персту» прилагаетъ не къ тѣмъ перстамъ, къ какимъ прилагаютъ они. Стоглавъ говоритъ о согбеніи *трехъ* перстовъ, — двухъ «долнихъ» съ «верхнимъ», пригибаемымъ «къ долнима перстома», и толкуетъ, что это «согбеніе персту» означаетъ: «преклонь небеса и сниде нашего ради спасенія». Слово Ѳеодорита, во всѣхъ его редакціяхъ, говоритъ о согбеніи *двухъ* перстовъ и это согбеніе толкуетъ: «преклонь небеса и сниде»...[68]) А п. Іовъ, какъ мы видѣли, пишетъ о согбеніи *одного* изъ двухъ перстовъ, или указа-

---

[68]) Даже и въ редакціи, принятой раскольниками, въ которой, по мнѣнію г. Каптерева, ученіе о двуперстіи получило свое „опредѣленное выраженіе", — даже и здѣсь удержаны эти слова: „согбеніе персту толкуется: преклонь небеса"..., хотя слова эти стоятъ въ явномъ противорѣчіи съ внесенными въ эту редакцію, въ прежнихъ не находившимися, словами: „два перста вмѣсто сложити и *простерти,* великій же перстъ имѣти мало наклонно".

тельнаго, или великосредняго, и именно согбенію этого одного перста придаетъ значеніе «сшествія съ небесъ». И о самомъ двоеперстіи, или о двухъ перстахъ, и Стоглавый соборъ и Слово Ѳеодорита говорятъ, что ими означается божество и человѣчество Іисуса Христа: «вышній перстъ образуетъ божество, а нижній человѣчество». Патріархъ же Іовъ учитъ, напротивъ, что одинъ изъ этихъ перстовъ своимъ согбеніемъ образуетъ «сшествіе съ небесъ», а другой, «стоящій перстъ, указуетъ вознесеніе Господне». Особенно это послѣднее толкованіе стоящаго перста, что имъ означается вознесеніе Господне, составляетъ исключительную особенность изложеннаго въ посланіи п. Іова ученія о двуперстіи, не встрѣчаемую ни въ одномъ изъ прочихъ свидѣтельствъ объ немъ, — ни въ Словѣ Ѳеодорита, какъ оно приводится даже въ Сборникѣ м. Даніила, ни у Максима Грека, ни въ Стоглавѣ, ни въ позднѣйшихъ свидѣтельствахъ, содержащихъ, по признанію раскольниковъ и г. Каптерева, наиболѣе «опредѣленное выраженіе ученія о двуперстіи».

Итакъ п. Іовъ училъ о двупертіи совсѣмъ по своему, не слѣдуя ни Ѳеодоритову Слову, ни м. Даніилу, ни Максиму Греку, ни Стоглаву. А г. Каптеревъ приводитъ его въ свидѣтели того ученія о двуперстіи, которое явилось «опредѣленно выраженнымъ» въ Ѳеодоритовомъ Словѣ уже печатной редакціи временъ п. Іосифа, — приводитъ на ряду съ м. Даніиломъ, Максимомъ Грекомъ и Стоглавомъ, которые въ свою очередь не только не подтверждаютъ этого «опредѣленно выраженнаго» въ печатномъ Ѳеодоритовомъ Словѣ ученія о двуперстіи, но и одинъ съ другимъ, равно какъ и съ патріархомъ Іовомъ, не сходствуютъ въ ученіи объ этомъ предметѣ. И указывая на такихъ разнорѣчащихъ свидѣтелей, г. Каптеревъ утверждаетъ, что «опредѣленно выраженное въ Ѳеодоритовомъ Словѣ ученіе о двуперстіи», въ ихъ время «признано было церковію за единственно правильное, обязательное для всѣхъ, исключавшее всѣ другія формы перстосложенія»!..

Внимательное и безпристрастное разсмотрѣніе находяща-

гося въ посланіи п. Іова наставленія о двуперстіи приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) самъ патріархъ Іовъ, какъ и многіе изъ тогдашнихъ книжныхъ людей, употреблялъ и требовалъ употреблять двуперстіе; при этомъ 2) онъ держался однакоже совершенно своеобразнаго воззрѣнія на двуперстіе, усвоялъ ему особое значеніе, какого мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ другихъ извѣстныхъ намъ учителей-двуперстниковъ, но котораго, надобно полагать, во время п. Іова, держался не онъ одинъ; а отсюда 3) само собою слѣдуетъ, что и тогда двуперстіе, какъ относительно способа сложенія перстовъ, такъ и относительно своего знаменованія, не имѣло вполнѣ точной, всѣмъ извѣстной, для всѣхъ несомнѣнной и обязательной опредѣленности, чего ни какъ не могло быть съ обрядомъ, изначала, съ самаго пріятія христіанства существовавшимъ на Руси, а могло быть только съ обрядомъ, не давно начавшимъ входить въ употребленіе. Патріархъ Іовъ, послѣ м. Даніила, Максима Грека и Стоглава, есть четвертый, представленный г. Каптеревымъ, свидѣтель о древности и всеобдержности россійскаго двуперстія; но какъ м. Даніилъ, преп. Максимъ Грекъ и Стоглавый соборъ оказались противорѣчащими другъ другу въ своихъ показаніяхъ о двуперстіи, такъ и этотъ четвертый свидѣтель показываетъ несогласно ни съ однимъ изъ прежнихъ трехъ.

е) Свидѣтельство Большаго Катихизиса.

«При патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ (продолжаетъ г. Каптеревъ) былъ напечатанъ въ Москвѣ послѣ долгихъ исправленій такъ называемый большой Катихизисъ, составленный Лаврентіемъ Зизаніемъ. Въ этомъ Катихизисѣ, *какъ извѣстно*, находится прямое, положительное ученіе о двоеперстіи, которое такимъ образомъ *въ первый разъ* вошло въ печатныя московскія книги при Филаретѣ, а не Іосифѣ»[69]).

Итакъ г. Каптеревъ даже признаетъ «общеизвѣстнымъ», что въ Великомъ Катихизисѣ находится «прямое, положительное ученіе о двоеперстіи»; поэтому, конечно, онъ не нашелъ нуж-

---

[69]) *Патр. Никонъ и его против.*, стр. 60.

нымъ приводить и подлинныя слова этого свидѣтельства. Но мы желали бы знать, «извѣстно» ли самому г. Каптереву то, что̀ дѣйствительно говорится въ Большомъ Катихизисѣ о перстосложеніи для крестнаго знаменія. Полагаемъ, что неизвѣстно. Еслибы онъ зналъ это, еслибы прочелъ со вниманіемъ въ Великомъ Катихизисѣ вопросъ и отвѣтъ о крестномъ знаменіи, онъ и самъ увидѣлъ бы, что здѣсь содержится «прямое, положительное ученіе» столько же о троеперстіи, сколько о двуперстіи, и не отважился бы такъ самоувѣренно ссылаться на Великій Катихизисъ во свидѣтельство о всеобщемъ якобы и всеобдержномъ у насъ при п. Филаретѣ употребленіи двуперстія, какъ обряда «признаннаго церковію за единственно правильный, обязательный для всѣхъ православныхъ и исключающій всѣ другія формы перстосложенія, какъ неправыя». Или г. Каптеревъ и знаетъ подлинное содержаніе изложеннаго въ Большомъ Катихизисѣ ученія о перстосложеніи, а все-таки нашелъ возможнымъ и дозволительнымъ утверждать то, что̀ утверждаетъ? Во всякомъ случаѣ, — для обличенія ли его невѣжества, или для обличенія его недобросовѣстности, — мы сдѣлаемъ то, что̀ долженъ бы сдѣлать, но чего не сдѣлалъ, самъ онъ,— приведемъ подлинныя слова изъ Большого Катихизиса, содержащія ясное ученіе о троеперстіи, хотя слова эти дѣйствительно «извѣстны» каждому „полемисту съ расколомъ“ и каждому интересующемуся вопросомъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія. Вотъ что̀ напечатано въ Великомъ Катихизисѣ при п. Филаретѣ:

«*Вопросъ*. Како на себѣ достоитъ намъ честный крестъ полагати и знаменатися?

«*Отвѣтъ*. Сице знаменаемся имъ: *сложивше убо три персты десныя руки, и возлагаемъ* на чело, таже на животъ, и на десное и на лѣвое рамо, глаголюще молитву **І҃сово҃**: Господи **І҃се** Христе Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго[70]).

Ужели г. Каптеревъ станетъ все еще утверждать, что въ

---

[70]) Бол. Кат. гл. 2. И далѣе говорится въ вопросѣ: „Безъ таковаго сложенія *трiехъ* перстовъ, не возможно ли знаменатися всѣми персты“, и проч.

Большомъ Катихизисѣ «находится прямое, положительное ученіе о двоеперстіи», когда здѣсь прямо и положительно говорится, что для изображенія на себѣ крестнаго знаменія слѣдуетъ *сложить три перста* правой руки и *возлагать* ихъ на чело, на животъ, на правое и лѣвое рамо? Это наставленіе о троеперстіи, столь ясно выраженное, и есть подлинное ученіе Большого Катихизиса о перстосложеніи для крестнаго знаменія. Сами исправители Катихизиса не дерзнули исключить его, — они только вслѣдъ за симъ сдѣлали попытку объяснить отвѣтъ о троеперстіи въ пользу двуперстія, но попытку весьма не удачную. На вопросъ: «Како сіе бываетъ»? — они приводятъ вмѣсто отвѣта Ѳеодоритово Слово, начинающееся такъ: «*Три перста* равно имѣти, великій со двѣма малыми, вкупѣ *слагаеми*». Здѣсь очевидно намѣреніе объяснить сказанное въ предыдущемъ отвѣтѣ: «*сложивше* убо *три персты*, и *возлагаемъ*». Но развѣ кто-либо изъ крестящихся двуперстно *возлагаетъ* на себя эти три перста, т.-е. великій со двѣма малыми? Несомнѣнно, что такъ не дѣлали и сами исправители Катихизиса. И однакоже, не принявъ этого во вниманіе, а припомнивъ только, что и въ Словѣ Ѳеодорита, даже той редакціи, которая благопріятствуетъ двуперстію, наставленіе о перстосложеніи начинается также повелѣніемъ слагать три перста, они объясняютъ и въ Катихизисѣ ясный отвѣтъ о троеперстіи въ пользу двуперстія, съ явнымъ противорѣчіемъ его дѣйствительному смыслу и своему собственному обычаю — полагать на себя два перста, а не три. Такъ явились въ Катихизисѣ два противорѣчащіе одинъ другому отвѣта о перстосложеніи: одинъ, содержащій ясное наставленіе о троеперстіи, составляющій первоначальный, подлинный отвѣтъ Катихизиса, который не дерзнули, или не догадались исключить изъ него и сами его исправители, очевидно бывшіе ревнителями двуперстія, — отвѣтъ, представляющій такимъ образомъ и доселѣ ясное свидѣтельство о древности и правильности троеперстія, несомнѣнно существовавшаго у насъ до появленія двуперстія; другой отвѣтъ — содержащій неясно изложенное по руководству Ѳеодоритова Слова ученіе о двуперстіи,

представляющій попытку исправителей Катихизиса объяснить въ пользу двуперстія изложенное въ первоначальномъ отвѣтѣ прямое наставленіе о троеперстіи, — попытку совершенно не удачную, такъ что этотъ второй отвѣтъ, явно противорѣчащій первому, интересенъ и важенъ для насъ только въ томъ отношеніи, что представляетъ очевидное свидѣтельство, или обличеніе тѣхъ стараній и усилій, какія употребляемы были ближайшими по времени п. Іосифа ревнителями двуперстія, чтобы распространить и утвердить его употребленіе, на сей разъ даже чрезъ внесеніе ученія о немъ въ книгу такого содержанія и значенія, какъ Катихизисъ. Утверждать же, какъ утверждаетъ г. Каптеревъ, что будто бы въ Большомъ Катихизисѣ «находится прямое, положительное ученіе о двоеперстіи», и только о двоеперстіи, и что будто бы это всѣмъ «извѣстно», — утверждать это по меньшей мѣрѣ странно [71]).

Въ отвѣтѣ Великаго Катихизиса, содержащемъ ученіе о двуперстіи, заслуживаетъ еще полнаго вниманія то обстоятельство, что ученіе это излагается здѣсь въ выраженіяхъ Ѳеодоритова

---

[71]) Впрочемъ г. Каптеревъ имѣетъ въ этомъ случаѣ союзниковъ: Андрей Денисовъ также ссылается на Великій Катихизисъ во свидѣтельство о двуперстіи. Но Денисовъ имѣетъ то преимущество предъ г. Каптеревымъ, что съ обычнымъ лукавствомъ приводитъ изъ втораго отвѣта нужныя ему слова. Онъ пишетъ: „повелѣніемъ его (царя Михаила Ѳеодоровича и п. Филарета) напечатана бысть книга Катихисисъ великій, въ немже, во главѣ 2-й, велѣно на крестное знаменіе слагати персты: палецъ съ двѣма послѣдними во образъ святыя Троицы, а два совокупити (?) во исповѣданіе двою естеству во Христѣ“ (*Помор. отв.* отв. 5, свид. 74). Новѣйшіе раскольники, издатели заграничнаго Сборника о двуперстіи, также приводятъ свидѣтельство изъ Великаго Катихизиса; но эти уже, съ удивительной наивностью, перепечатали всѣ 2-ю главу Катихизиса, т. е. и отвѣтъ о троеперстіи. Между тѣмъ и сами старообрядцы, не изъ совершено ослѣпленныхъ, видятъ противорѣчіе въ отвѣтахъ Большаго Катихизиса о перстосложеніи, и чтобы остаться вѣрными наставленію обоихъ отвѣтовъ пришли къ заключенію, что должно креститься пятью перстами, т. е. непремѣнно и тремя, согласно первому отвѣту Катихизиса. Любопытныя извѣстія объ этомъ см. въ біографіи Мучкина: *Брат. Сл.* 1887 г. т. II, стр. 527.

Слова такой редакціи, которая всего ближе подходитъ къ редакціи Даніилова сборника, то-есть въ которой три перста названы: «великій со двѣми малыми» (въ Сборникѣ Даніила: «болшей да два послѣднихъ»), а два перста (какъ и во всѣхъ редакціяхъ Ѳеодоритова слова, за исключеніемъ печатныхъ Іосифовскаго времени) не названы, и говорится объ нихъ, что они должны быть *наклонены, а не простерты*. Итакъ филаретовскіе исправители Катихизиса, излагая ученіе о двуперстіи, не знали, или не хотѣли знать, ни ученія объ немъ, изложеннаго въ словѣ Максима Грека, гдѣ требуется имѣть два перста не *наклоненны*, а напротивъ *простерты*, или *протяженны*, ни якобы канонически обязательнаго ученія о немъ въ опредѣленіи Стоглаваго собора, въ которомъ опять повелѣвается не *оба* перста имѣть *наклоненны*, а только *одинъ* «верхній», или указательный, имѣть *мало нагнутымъ* (Они также не принимаютъ и толкованія Стоглаваго собора, что «согбеніе двухъ дольнихъ перстовъ и третьяго верхняго» означаетъ: преклонь небеса и сниде...; напротивъ, согласно Ѳеодоритову Слову, даютъ такое толкованіе согбенію не трехъ, а двухъ перстовъ). Такимъ образомъ, нимало не стѣсняясь ни ученіемъ Максима Грека, ни даже опредѣленіемъ Стоглаваго собора, очевидно не придавая имъ никакого значенія (если только они знали и слово Максима и Стоглавникъ), филаретовскіе исправители Катихизиса излагаютъ ученіе о двуперстіи совершенно не согласно съ ними, а также совершенно не согласно и съ той, по мнѣнію г. Каптерева «ясной и опредѣленной» редакціей Ѳеодоритова слова, которая явилась потомъ въ іосифовскихъ печатныхъ книгахъ и требуетъ «имѣти *мало наклонно*» также одинъ изъ двухъ перстовъ, только уже не указательный, но великосредній. А г. Каптеревъ свидѣтельствомъ Большого Катихизиса хочетъ доказать, что будто бы это именно «опредѣленно выраженное въ Ѳеодоритовомъ словѣ (печатной редакціи іосифовскаго времени) ученіе о двоеперстіи было признано нашею церковью за единственно правильное» и т. д. Издателей Катихизиса онъ ставитъ на ряду съ Максимомъ Грекомъ и Стоглавомъ, какъ будто они согласно

свидѣтельствуютъ объ одномъ и томъ же перстосложеніи, ни мало не противорѣча другъ другу!

Нельзя наконецъ оставить безъ вниманія и слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное г. Каптеревымъ по поводу внесеннаго въ Великій Катихизисъ отвѣта о двуперстіи: «ученіе о двуперстіи такимъ образомъ *въ первый разъ* вошло въ печатныя московскія книги при Филаретѣ, а не Іосифѣ». Г. Каптеревъ, очевидно, съ кѣмъ-то полемизируетъ, дѣлаетъ замѣчаніе кому-то, неразумно утверждающему, что ученіе о двуперстіи первый разъ вошло въ печатныя книги при п. Іосифѣ. И что же оказалось? — оказалось, что онъ полемизируетъ съ самимъ собой, дѣлаетъ замѣчаніе не кому другому, какъ себѣ. Семью страницами выше (стр. 53) и семью страницами ниже (стр. 67) онъ говоритъ: «ученіе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи *въ первый разъ* было напечатано въ Московской *печатной* (напечатано въ печатной!) Псалтири 1642 года» (т.-е. именно при п. Іосифѣ въ первое лѣто его патріаршества). Г. Каптеревъ могъ, конечно, допустить на 52 страницѣ своей книги обличаемую имъ ошибку (кто же не ошибается!); но какъ могъ онъ, послѣ нотаціи, которую сдѣлалъ себѣ за это на страницѣ 60-й, снова повторить ту же самую ошибку на страницѣ 67-й? Въ книгѣ, претендующей на «строгую научность», довольно неожиданно встрѣтить такія противорѣчія на пространствѣ четырнадцати страницъ...

ж) Свидѣтельство времени п. Іоасафа I-го.

Свидѣтельство это г. Каптеревъ заимствуетъ изъ «статейнаго списка», поданнаго въ Москвѣ архимандритомъ Іосифомъ, который по порученію п. Іоасафа ѣздилъ посломъ въ Грузію, и содержащаго изложеніе его бесѣды съ грузинскими епископами[72]). Вотъ какъ излагаетъ это свидѣтельство г. Каптеревъ:

«Въ 1637 г. въ Грузію, вмѣстѣ съ царскими послами, патріархомъ Іоасафомъ отправлено было и (?) особое посольство изъ духовныхъ лицъ (между ними былъ и Арсеній Суховъ),

[72]) Этотъ „статейный списокъ“ напечатанъ г. Бѣлокуровымъ въ „Христіанскомъ чтеніи“ 1884 г. № 4.

въ наказѣ которымъ говорится, что они посылаются въ Грузію «для исправленія и утвержденія святыя православныя христіанскія вѣры». Исполняя свою миссію, послы между прочимъ говорили грузинскимъ епископамъ: «архіепископъ вашъ и епископы и попы сами себя знаменіемъ крестнымъ по преданію св. апостолъ и св. отецъ оградить не умѣютъ и прочьчихъ людей благословить(и) истинно и не знаютъ». *Едва-ли нужно объяснять,* почему московскіе послы находили тогдашнее грузинское *перстосложеніе* въ крестномъ знаменіи и священническомъ благословеніи *неправильнымъ*» (стр. 60).

Должно отдать справедливость г. Каптереву,—онъ первый указываетъ свидѣтельство о двуперстіи въ статейномъ спискѣ архим. Іосифа; этого свидѣтельства не привелъ даже и Андрей Денисовъ въ своихъ «Поморскихъ отвѣтахъ». Но справедливо ли указываетъ? Содержится ли дѣйствительно въ приведенныхъ имъ словахъ статейнаго списка свидѣтельство о перстосложеніи, и именно двуперстномъ, и именно соотвѣтствующемъ ученію о двуперстіи «опредѣленно выраженному въ Ѳеодоритовомъ Словѣ»?

Г. Каптеревъ говоритъ: «*едвали нужно объяснять, почему* московскіе послы находили тогдашнее грузинское *перстосложеніе* въ крестномъ знаменіи и священническомъ благословеніи неправильнымъ», т.-е. онъ находитъ даже излишнимъ объяснять, что московскіе послы признавали единственно правильнымъ перстосложеніемъ для крестнаго знаменія и священническаго благословенія перстосложеніе двуперстное, котораго сами дежались, а не троеперстное и именословное, употреблявшіяся тогда въ Грузіи, такъ какъ будто бы это ясно само собою изъ приведенныхъ имъ словъ статейнаго списка. А мы полагаемъ, что достаточно со вниманіемъ прочесть эти слова, чтобы видѣть также безъ всякихъ объясненій, что въ нихъ не говорится ни о какомъ перстосложеніи, нѣтъ и упоминанія о какомъ бы то ни было сложеніи перстовъ. Архимандритъ Іосифъ говорилъ грузинскимъ епископамъ, что они и ихъ попы «сами себя *знаменіемъ крестнымъ* по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, *оградить не умѣютъ*». Ясно, что онъ говорилъ о неумѣньи оградить себя крестнымъ знаменіемъ, правильно, «по

преданію святыхъ отецъ», изобразить на себѣ крестъ, а вовсе не о томъ, что грузинскіе епископы не умѣютъ правильно сложить персты для огражденія себя крестнымъ знаменіемъ, или для изображенія на себѣ крестнаго знаменія. Можно и правильно слагая персты, неправильно, не истово изобразить на себѣ крестное знаменіе; равно какъ, наоборотъ, слагая неправильно персты, можно правильно изобразить на себѣ крестъ. Іосифъ, не касаясь правильности, или неправильности перстосложенія (должно быть находилъ его у грузинъ пра, вильнымъ, потому что совсѣмъ не упоминаетъ объ немъ), упрекаетъ ихъ только въ неправильномъ «огражденіи себя крестнымъ знаменіемъ», въ неправильномъ, не истовомъ изображеніи на себѣ креста. Такой же смыслъ имѣетъ и упрекъ его грузинскимъ епископамъ, что они «людей *благословитъ* истинно не знаютъ», — рѣчь опять о неправильности благословенія, а не сложенія перстовъ для благословенія. Указанный нами смыслъ разсматриваемаго мѣста въ статейномъ спискѣ будетъ еще очевиднѣе, когда мы прочитаемъ его въ связи съ предыдущими и послѣдующими словами, которыя г. Каптеревъ, какъ видно, съ намѣреніемъ оставилъ неприведенными. Московскіе послы говорили грузинамъ: «*И матаете рукою не по истинѣ* и кланяетеся на небо смотря, а не на иконы, архіепископъ вашъ и епископы и попы сами себя знаменіемъ крестнымъ, по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, оградить не умѣютъ, а прочьчихъ людей благословить истинно и не знаютъ, и то явно стало, что вы *божественнаго креста благодати отбыли*». Итакъ вотъ за что̀ русскій архимандритъ Іосифъ упрекалъ грузинскихъ епископовъ и священниковъ, — за то, что они, крестясь и благословляя, «мотаютъ рукою», не изображаютъ на себѣ и на прочихъ людяхъ крестнаго знаменія истово, крестообразно, «по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ». Наши предки именно огражденіе себя крестнымъ знаменіемъ считали по преимуществу апостольскимъ и святоотеческимъ преданіемъ, какъ показываетъ между прочимъ и знаменитое четвертое слово митрополита Даніила, которое и надписано: «Яко пріяхомъ преда-

нія писанная и неписанная и да знаменаемъ лице свое крестообразно». Поэтому и самое выраженіе: «не умѣете по преданію оградить себя и другихъ крестнымъ знаменіемъ», значитъ то же, что не умѣете перекреститься истово, «крестообразно», а только «мотаете рукою». Это же самое показываютъ и заключительныя слова: «и то явно стало, что вы *божественнаго креста благодати отбыли*». Здѣсь сокращенно говорится то же самое, что сказано въ столь извѣстномъ нашимъ предкамъ и столь любимомъ ими «словѣ о крестящихся»: «Мнози неразумніи, иже *не крестообразно* крестящеся, но точію *махающе* по лицу своему творятъ крестящеся, а всуе труждающеся, *тому бо маханію бѣси радуются*... Аще кто лѣностію, или не покореніемъ не исправляетъ животнаго знаменія *крестообразно* на лицы своемъ, той *отмещется* креста Христова и предается діаволу»[73]). Архим. Іосифъ, очевидно, говоритъ по руководству и выраженіями этого слова: вы махаете, матаете[74]) рукою, вмѣсто того, чтобы «перекреститься крестообразно», и тѣмъ «отбыли благодати креста», «отмещетеся креста Христова». Если бы Іосифъ упрекалъ грузинъ за неправильное перстосложеніе для крестнаго знаменія, онъ и заключеніе сдѣлалъ бы другое, — сказалъ бы имъ: вашимъ сложеніемъ перстовъ вы не исповѣдуете святыя Троицы и двухъ естествъ во Христѣ.

Итакъ единственное, пріисканное самимъ г. Каптеревымъ въ недавно изданномъ «статейномъ спискѣ» архим Іосифа, свидѣтельство о двуперстіи, якобы не требующее и объясненія, оказалось свидѣтельствомъ вовсе не о двуперстіи, или какомъ-либо перстосложеніи для крестнаго знаменія. А между тѣмъ г. Каптеревъ не только приводитъ его въ качествѣ свидѣтельства о несомнѣнномъ и всеобдержномъ якобы употребленіи у насъ двуперстія при п. Іоасафѣ, но и приписываетъ самому п. Іоасафу, ибо зачисляетъ и его, единственно на

---

[73]) Извлеченія „отъ слова еже о крестящихся“ приводитъ и м. Даніилъ въ своемъ сборникѣ.

[74]) У г. Бѣлокурова напечатано именно *матаете;* не слѣдуетъ ли читать *махаете?*

основаніи этого свидѣтельства, въ рядъ авторитетнѣйшихъ свидѣтелей о двуперстіи вслѣдъ за патріархами Іовомъ и Филаретомъ! Относительно вопроса о перстосложеніи для крестнаго знаменія статейный списокъ архим. Іосифа, напротивъ, можетъ быть разсматриваемъ, какъ документъ, именно опровергающій теорію г. Каптерева, что будто бы двуперстіе, изначала и до самыхъ лѣтъ патріарха Никона, было у насъ общепринятымъ, единственнымъ и всеобдержнымъ обрядомъ, «исключавшимъ всѣ другія формы перстосложенія, какъ не правыя». Духовная миссія, снаряженная п. Іоасафомъ къ грузинскому митрополиту, во главѣ которой находился архим. Іосифъ и въ которой участвовалъ извѣстный Арсеній Сухановъ, будущій авторъ Проскинитарія, отнеслась, какъ и слѣдовало ожидать, съ крайней нетерпимостію къ порядкамъ и обычаямъ, найденнымъ ею въ бѣдствовавшей грузинской церкви. Іосифъ и его спутники во всемъ видѣли у грузинъ «несогласіе съ соборною и апостольскою церковію», нарушеніе христіанской вѣры и христіанскаго закона,— и въ томъ, что церкви у нихъ со алтаремъ не отгорожены, и въ томъ, что престолы наги и къ стѣнѣ придѣланы, и въ томъ, что иконами божественными и животворящими кресты церкви не украшены, а гдѣ и есть иконы, свѣчи прилѣпляютъ къ простой стѣнѣ, а не къ иконѣ, и въ томъ, что архіереи и попы не такъ, какъ слѣдуетъ, надѣваютъ церковныя облаченія, епископы ходятъ въ однихъ рясахъ, безъ манатей, даже литургію служатъ «въ кривыхъ сапогахъ», и проч. и проч. И однако же, относясь ко всему съ такою нетерпимостію, видя отступленіе отъ христіанскаго закона даже въ употребленіи за службой «кривыхъ сапогъ», Іосифъ и Арсеній Сухановъ не обличаютъ грузинъ въ неправильномъ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, а только въ томъ, что они не истово крестятся,— махаютъ, или «мотаютъ» рукою. Что же это значитъ? Не значитъ ли, что грузины крестились двумя перстами, т.-е. такъ же, какъ, надобно полагать, крестился Арсеній Сухановъ, извѣстный впослѣдствіи защитникъ двуперстія, и какъ вѣроятно крестились его товарищи по миссіи? Но этого не до-

пускаетъ и самъ г. Каптеревъ, — и онъ признаетъ, что тогда въ Грузіи существовало уже троеперстіе, и крѣпко держалось, не смотря на полученное нѣкогда посланіе п. Іова съ наставленіемъ о двуперстіи. Почему же русскіе послы не обличаютъ и не обвиняютъ ихъ за это? Быть можетъ потому, что и сами въ то время, не исключая и Арсенія, еще держались троеперстія? Но допустимъ, какъ и допустили выше, что они были двуперстники. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что они не рѣшились обличать грузинъ за троеперстіе изъ справедливаго опасенія, какъ бы грузины не сдѣлали имъ весьма основательнаго замѣчанія, что и у васъ-де на Руси крестились издревле и теперь крестятся тремя же перстами, а двуперстно начали креститься недавно и не многіе; слѣдуетъ признать далѣе, что въ то время и сами двуперстники не относились еще къ крестящимся троеперстно съ такою враждебностію, съ какою начали смотрѣть на нихъ лѣтъ черезъ пятнадцать, — послѣ того, какъ въ патріаршество Іосифа были приняты усиленныя мѣры къ распространенію двуперстія, — слѣдуетъ признать, что послы п. Іоасафа еще не находили ереси, или отступленія отъ вѣры и христіанскаго закона въ троеперстіи, котораго вмѣстѣ съ грузинами и со всѣми православными несомнѣнно держалось тогда большинство русскаго народа.

3) Свидѣтельство книгъ, изданныхъ при п. Іосифѣ.

Значеніе этого свидѣтельства, особенно въ томъ видѣ, какъ излагаетъ его г. Каптеревъ, понять не легко. Онъ ограничился слѣдующими словами:

«При патріархѣ Іосифѣ ученіе о двуперстномъ крестномъ знаменіи [75]) вносится въ *разныя наши* (?) *печатныя церковныя книги*» (стр. 60).

Г. Каптеревъ, очевидно, совсѣмъ не знаетъ, въ какія книги іосифовскаго изданія внесено ученіе о двуперстіи, когда го-

---

[75]) „Двуперстное крестное знаменіе“! Раскольники по невѣжеству употребляютъ это выраженіе; но мы не ожидали встрѣтить его у г. профессора въ „строго-научномъ“ изслѣдованіи.

воритъ, что оно внесено «въ *разныя* наши печатныя *церковныя* книги». Подъ церковными книгами онъ, конечно, разумѣетъ, какъ разумѣютъ и всѣ, книги церковнаго употребленія, или церковно-богослужебныя. Но ученіе, или наставленіе о двуперстіи внесено было только въ *одну* церковно-богослужебную книгу — въ Псалтирь со возслѣдованіемъ, и, разумѣется, не въ самый текстъ ея, а въ предисловіе къ этой книгѣ. О какихъ же «разныхъ церковныхъ» книгахъ говоритъ г. Каптеревъ, что въ нихъ при п. Іосифѣ внесено «ученіе (даже) о (какомъ-то) двуперстномъ крестномъ знаменіи»? Писатель, знакомый съ дѣломъ и желающій дать дѣйствительно «научное» изслѣдованіе, не употребилъ бы и такого общаго выраженія «въ разныя книги», а пересчислилъ бы тѣ книги іосифовскаго изданія, въ которыхъ напечатано наставленіе о двуперстіи, такъ какъ ихъ весьма не много. Извѣстно, что кромѣ слѣдованной Псалтири наставленіе это внесено при п. Іосифѣ въ Кириллову книгу, въ Книгу о вѣрѣ, въ учебную Псалтирь и въ малый Катихизисъ. Здѣсь и важно именно то, что въ видахъ распространенія двуперстія ревнители его временъ п. Іосифа вносятъ ученіе, или наставленіе о двуперстіи въ книги не церковнаго употребленія, а назначенныя для вѣроучительнаго и назидательнаго чтенія людямъ грамотнымъ (Кириллова, Книга о вѣрѣ), и въ книги, по которымъ юношество должно было учиться чтенію и закону Божію (учебная Псалтирь, малый Катихизисъ). Это и способствовало тогда распространенію двуперстія именно среди грамотниковъ и въ молодомъ поколѣніи.

Итакъ г. Каптеревъ не умѣлъ даже точно указать, въ какія книги іосифовскаго изданія внесено было ученіе о двуперстіи. Еще важнѣе то, что онъ не указалъ, какое значеніе имѣетъ это внесеніе ученія о двуперстіи въ извѣстныя книги іосифовскаго времени для его теоріи о постоянномъ якобы съ XV до половины XVII в. и всеобдержномъ существованіи у насъ двуперстія, какъ обряда «признаннаго церковію единственно правильнымъ, исключавшимъ всякую другую форму перстосложенія, какъ неправую». То обстоятельство, что ученіе о двуперс-

стіи напечатано въ исчисленныхъ выше книгахъ, изданныхъ по благословенію п. Іосифа, служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что п. Іосифъ и его совѣтники, распоряжавшіеся у него въ крестовой палатѣ и на печатномъ дворѣ, не только сами держались двуперстія, но и прилагали великое стараніе объ его распространеніи. Имѣются историческія свидѣтельства и о томъ, что это ихъ стараніе сопровождалось успѣхомъ,— что при посредствѣ книгъ, въ которыя внесено было ученіе о двуперстіи, этотъ обрядъ распространился тогда, особенно въ духовенствѣ, среди людей грамотныхъ и воспитавшихся на чтеніи этихъ книгъ; есть извѣстія, что распространенію двуперстія наиболѣе способствовало тогда напечатанное въ Псалтиряхъ (слѣдованной и учебной) и въ Кирилловой книгѣ Ѳеодоритово Слово, какъ произведеніе якобы святаго отца. Все это давно извѣстно, и ни кѣмъ не подвергалось и не подвергается сомнѣнію. Но спрашивается: почему же п. Іосифъ, или вѣрнѣе его совѣтники, несомнѣнные ревнители двуперстія, нашли нужнымъ въ свое время употреблять такія старанія о распространеніи двуперстія? Если двуперстіе, какъ утверждаетъ г. Каптеревъ, было у насъ не только съ XV вѣка, но и съ самаго крещенія Руси, общераспространеннымъ, всѣми признаннымъ за единственно правильное перстосложеніемъ, то зачѣмъ понадобилось теперь преподавать наставленія о немъ народу, почти семь столѣтій и безъ того употреблявшему этотъ обрядъ? — печатать эти наставленія въ книгахъ и распространять посредствомъ этихъ книгъ? Ясно, что на дѣлѣ было не такъ, — ясно, что ко временамъ п. Іосифа двуперстіе, не смотря на то, что имѣло сторонниковъ начиная съ половины XV вѣка, все еще было обрядомъ мало распространеннымъ, ясно, что огромное большинство русскаго народа все еще держалось троеперстія, наслѣдованнаго имъ по преданію отъ древнѣйшихъ предковъ, и что ревнители двуперстія іосифовскихъ временъ затѣмъ и вносятъ ученіе и наставленіе объ немъ въ извѣстныя печатныя книги, чтобы распространить и утвердить его въ народѣ вмѣсто господствовавшаго и въ то время троеперстія. Среди грамотниковъ, читавшихъ

эти книги, и въ молодомъ поколѣніи, учившемся по этимъ книгамъ, они успѣли дѣйствительно распространить двуперстіе, какъ мы уже замѣтили; но большинство народа и послѣ этого все-таки держалось крѣпко праотеческаго троеперстія, какъ мы докажемъ это въ своемъ мѣстѣ несомнѣнными историческими свидѣтельствами.

Такимъ образомъ, если бы г. Каптеревъ обратилъ вниманіе на то, какое значеніе имѣютъ употребленныя при патріархѣ Іосифѣ ревнителями двуперстія старанія о внесеніи ученія о семъ обрядѣ въ извѣстныя печатныя книги, онъ увидѣлъ бы, что обстоятельство это служитъ вовсе не къ подкрѣпленію его теоріи о постоянномъ и всеобщемъ у насъ существованіи двуперстія, какъ единственно правильной формы перстосложенія, съ половины XV столѣтія, и даже съ самаго крещенія Руси, до половины XVII столѣтія; напротивъ увидѣлъ бы, что даже и при п. Іосифѣ оно было нетолько не всеобщимъ, но и столь мало распространеннымъ въ народѣ обрядомъ перстосложенія, что тогдашніе его ревнители нашли нужнымъ посредствомъ особыхъ наставленій учить ему народъ и употреблять усиленныя средства къ распространенію этого ученія. И затѣмъ, — знаетъ ли г. Каптеревъ, въ какомъ видѣ это ученіе о двуперстіи внесено въ іосифовскіе книги тогдашними его ревнителями? — Если бы онъ зналъ это, или обратилъ на это должное и безпристрастное вниманіе, онъ увидѣлъ бы, что при патріархѣ Іосифѣ вводится новое, дотолѣ неизвѣстное, ученіе о двуперстіи и что сами изобрѣтатели и распространители этого ученія, къ удивленію, не держатся его, противорѣчатъ ему, откуда несомнѣнно явствуетъ, что и тогда еще не было вполнѣ опредѣленнаго, неизмѣнно установившагося ученія о единственно правильномъ способѣ сложенія двухъ перстовъ для крестнаго знаменія, что и сами іосифовскіе ревнители и распространители его не имѣли объ этомъ вполнѣ точнаго понятія.

Что касается Ѳеодоритова Слова, получившаго особенно важное значеніе для двуперстниковъ именно по внесеніи его

въ предисловіе Псалтирей и въ Кириллову книгу, то здѣсь, въ предисловіяхъ Псалтирей и въ Кирилловой книгѣ, оно приводится въ такой редакціи, которая именно принята старообрядцами и которую, очевидно, г. Каптеревъ считаетъ редакціей «опредѣленно выражающей» ученіе о двуперстіи, какъ мы говорили это много разъ: здѣсь именно повелѣвается изъ двухъ перстовъ одинъ «средній великій перстъ, мало преклонити», какъ и доселѣ необходимо требуется у старообрядцевъ. Но вѣдь это редакція Ѳеодоритова слова совершенно новая, первый разъ встрѣчаемая, и именно здѣсь — въ предисловіи Псалтирей и въ Кирилловой книгѣ, — редакція не соотвѣтствующая ни первоначальной и древнѣйшимъ редакціямъ Ѳеодоритова Слова, въ которыхъ, какъ мы видѣли, ни одинъ изъ пяти перстовъ не называется и которыя вообще двуперстію не благопріятствуютъ, ни редакціи Даніилова сборника, которая хотя и благопріятствуетъ двуперстію, называя каждый изъ перстовъ, но о двухъ говоритъ ясно, что они «должны быть (оба) наклонены, а непростерты»; не соотвѣтствуетъ наставленіе о двуперстіи въ этой новой редакціи Ѳеодоритова слова и ученію Максима Грека, требующему, чтобы два перста были «протяжены», и опредѣленію Стоглаваго Собора, требующему «мало нагнуть» не великосредній, а указательный перстъ. Ясно такимъ образомъ, что іосифовскіе ревнители двуперстія проповѣдуютъ въ измѣненной ими редакціи Ѳеодоритова Слова свое особое двуперстіе, какого не существовало прежде, начиная съ XV или покрайней мѣрѣ съ XVI вѣка, когда появляются у насъ свидѣтельства о двуперстіи; ясно, что новое, дотолѣ не существовавшее двуперстіе и было распространено при п. Іосифѣ чрезъ печатныя изданія Ѳеодоритова Слова въ новой совершенно редакціи.

Но вотъ что достойно удивленія: сами изобрѣтатели и распространители новаго ученія о двуперстіи въ новой редакціи Ѳеодоритова Слова не увѣрены въ безусловной его правильности, мало того, — сами противорѣчатъ ему. Напечатавъ въ 1644 г. на 202 л. Кирилловой книги свое новое настав-

леніе о двуперстіи, повелѣвающее «средній великій перстъ мало преклонити», они въ той же самой книгѣ, черезъ нѣсколько страницъ (л. 208), печатаютъ слово Максима Грека, въ которомъ говорится напротивъ о «протяженіи» обоихъ перстовъ, «долгаго и средняго». Спустя четыре года, въ 1648 году, они печатаютъ Книгу о вѣрѣ, и здѣсь опять, въ главѣ 9-й «о животворящемъ крестѣ», говорятъ не о «преклоненіи» великосредняго перста, согласно своей новой редакціи Ѳеодоритова Слова, а напротивъ о «протягненіи двухъ перстъ, вышняго и средняго» (л. 74). Ясно, что они и сами не знаютъ, какъ именно слѣдуетъ сложить два перста, и сами не увѣрены въ безусловной правильности придуманнаго ими ученія, что одинъ, великосредній перстъ нужно «мало преклонити». Допустимъ однако въ двухъ указанныхъ случаяхъ только невнимательность, или несообразительность съ ихъ стороны, — допустимъ, что печатая въ Кирилловой книгѣ цѣлое слово Максима Грека о крестномъ знаменіи и въ Книгѣ о вѣрѣ приводя также чужое свидѣтельство о перстосложеніи[76]), они только не примѣтили и не поняли, что оба

---

[76]) Книга о вѣрѣ, авторъ которой достовѣрно не извѣстенъ, существуетъ еще въ рукописи, писанной въ 1644 г. (Принадл. Хлудовской библ. № 90). И въ рукописной и въ печатной описаніе перстосложенія заимствовано изъ „Книги о вѣрѣ единой“... Захаріи Копистенскаго, напечатанной въ Кіевѣ около 1620 г. У Захаріи Копистенскаго оно читается такъ: „Знаменованіемъ честного креста все сполу доброй вѣры таинство учитъ насъ вызнавати таемне. Абовѣмъ злученіемъ трохъ палцовъ посполу, то есть великого и малого и третего што подле малого, исповѣдуетъся таемница божественныхъ трохъ ѵпостасей, Отца и Сына и Св. Духа, единого Бога въ трохъ лицахъ. *А протягненіемъ двохъ палцовъ, вышнего и среднего, показуется таемница, Бога Слова втѣленіе, Господа нашего* **І҃с. Хр҃а.** (ч. 2-я стр. 68 — 69). Въ московской Книгѣ о вѣрѣ, рукописной, читается такъ: „Время приходитъ о еже знаменаемся имъ (крестомъ) повѣдати и кая тайна въ томъ замыкается. Сице исповѣдуетъ святая церковь: совокупленіе тріехъ перстовъ правой руцѣ (въ печат. правыя руки), сирѣчь великого и малого перста и третіего, что подлѣ малаго, исповѣдуется въ томъ таинство божественныхъ тріехъ ѵпостасей, Отца и Сына и Святаго Духа, единаго Бога, во тріехъ лицахъ,

эти свидѣтельства противорѣчатъ ихъ собственному наставленію о «преклоненіи» великосредняго перста. Но вотъ въ 1649 году они печатаютъ малый Катихизисъ, книгу особенно важную и по своему содержанію и по своему назначенію. Извѣстно, что эта книга есть переводъ изданнаго въ Кіевѣ (1645 г.) «Собранія науки о артикулахъ вѣры»; извѣстно, что находящійся въ кіевскомъ изданіи отвѣтъ о крестномъ знаменіи, содержащій ученіе о троеперстіи: «рукою правою, *три пальци зложивши*, знакъ креста святаго зачинай на челѣ» и т. д., московскіе издатели перемѣнили въ отвѣтъ, содержащій ученіе о двуперстіи. Этого и слѣдовало ожидать; но еще болѣе слѣдовало ждать, что внося это ученіе въ Катихизисъ, по которому дѣти должны учиться вѣрѣ и закону Божію, іосифовскіе ревнители двуперстія выразятъ его со всею точностію, вполнѣ согласно наставленію Ѳеодоритова Слова той редакціи, какую сами изобрѣли и напечатали

протяженіемъ же двоихъ перстъ, вышняго и средняго, показуется тайна самого Господа нашего І҃С҃Х҃ *Христа*“ (л. 131.; печат. л. 74) Заимствованіе изъ кіевской книги Захаріи Копистенскаго очевидно, и особенно свидѣтельствуется удержаніемъ неупотребительнаго въ московской Руси слова *протяженіе*. Кстати отмѣтимъ здѣсь весьма любопытное обстоятельство. „Книга о вѣрѣ единой“ Захаріи Копистенскаго, какъ извѣстно, вошла въ составъ московской такъ называемой Кирилловой книги. Такъ и 14-я гл. Кирилловой книги „о крестѣ, чесо ради знаменуемъ лице свое крестообразно“, есть воспроизведеніе статьи изъ Захаріевой „Книги о вѣрѣ единой“, озаглавленной: „о крестѣ, для чого знаменаемъ лице свое крестообразно рукою“ (ч. 2, стр. 60—81). Но издатели Кирилловой книги нашли нужнымъ слова Захаріи Копистенскаго о перстосложеніи для крестнаго знаменія, хотя и двуперстнаго, исключить и замѣнить текстомъ Ѳеодоритова Слова своей новой редакціи; а спустя четыре года тѣже самыя слова заимствуютъ изъ Захаріевой Книги о вѣрѣ въ московскую Книгу о вѣрѣ,— и именно только эти слова. Изложеніе, прежде отвергнутое, теперь принимается, и притомъ въ явное противорѣчіе тому изложенію, которымъ прежде его замѣнили. Вотъ насколько тверды были іосифовскіе издатели книгъ въ своихъ понятіяхъ о двуперстіи, или вообще о перстосложеніи для крестнаго знаменія.

въ Псалтиряхъ и Кирилловой книгѣ, т.-е. изложатъ наставленіе «средній великій перстъ мало преклонить». Что же однако видимъ? — въ маломъ Катихизисѣ они даютъ напротивъ наставленіе «два перста *протянути,* вышній и средній» (л. 16 об.), и о «маломъ преклоненіи» этого послѣдняго не упоминаютъ ни единымъ словомъ. Ясно такимъ образомъ, что они сами не имѣли точнаго, вполнѣ опредѣленнаго понятія о томъ, какъ слѣдуетъ слагать правильнымъ образомъ два перста, сами путаются, противорѣчатъ себѣ въ наставленіяхъ объ этомъ перстосложеніи. И это послѣ того, какъ двуперстіе будто бы существовало, по теоріи г. Каптерева, уже около семи столѣтій, всѣми русскими употреблялось постоянно и неизмѣнно, какъ единственно правильный обрядъ перстосложенія, исключавшій всякую другую его форму!

Таково-то послѣднее свидѣтельство, приведенное г. Каптеревымъ въ подтвержденіе его теоріи, — свидѣтельство, выраженное съ такою феноменальною краткостію и нетолковостію: «при патріархѣ Іосифѣ ученіе о *двуперстномъ крестномъ знаменіи* вносится въ *разныя* наши печатныя *церковныя* книги»!..

Къ этому свидѣтельству г. Каптеревъ прибавляетъ еще слѣдующую замѣтку о патріархѣ Никонѣ: «а патріархъ Никонъ, въ началѣ своего патріаршества, и самъ употреблялъ двоеперстіе, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ митрополитъ Игнатій тобольскій»[77]).

---

77) Г. Каптеревъ приводитъ именно слѣдующія слова изъ 3-го посл. м. Игнатія: „видятъ (пришедшіе въ Москву восточные патріархи) сего всесвятѣйшаго господина Никона, крестное знаменіе на себѣ положша двоперстнымъ сложеніемъ, понеже и великая достоинства, *вси отъ мала до велика,* отъ тѣхъ книгъ (іосифовскихъ) начаша двоицею перстовъ на себѣ святый крестъ изображати". Г. Каптеревъ почему-то подчеркнулъ слова: „вси отъ мала до велика". Не видитъ ли онъ въ этомъ свидѣтельство, что тогда, предъ патріаршествомъ Никона, весь народъ русскій, отъ мала до велика, крестился двуперстно? Но вѣдь м. Игнатій говоритъ здѣсь только о властяхъ духовныхъ, что они всѣ, отъ мала до велика, — игумены, архимандриты, епископы, архіепископы, митрополиты и самъ патріархъ, „начаша" креститися двуперстно. Г. Каптереву слѣдовало бы подчерк-

Замѣтимъ сначала, что едва ли вѣрно и точно употребленное г. Каптеревымъ выраженіе: «патріархъ Никонъ *въ началѣ своего патріаршества* и самъ употреблялъ двоеперстіе». Правда, онъ основался на свидѣтельствѣ м. Игнатія, у котораго есть даже прямое указаніе года, когда восточные патріархи сдѣлали упрекъ п. Никону, увидѣвъ, что онъ крестится двумя перстами, — м. Игнатій говоритъ: «бѣ тогда, егда бесѣда сія у патріарховъ бяше, лѣто по седми тысящахъ сто шестьдесятъ второе» [78]), т.-е. это было будто бы въ 1654 году, на второмъ году Никонова патріаршества. Не знаемъ, имѣлъ ли въ виду г. Каптеревъ именно эти слова м. Игнатія, говоря, что «патріархъ Никонъ *въ началѣ своего патріаршества* употреблялъ двоеперстіе», но необходимо замѣтить, что основываться на нихъ нельзя, такъ какъ онѣ представляютъ очевидную неточность въ указаніи времени событія. М. Игнатій говоритъ, что бесѣду съ Никономъ въ указанное имъ время имѣли патріархи Константинопольскій Аѳанасій, Іерусалимскій Паисій, Антіохійскій Макарій и другіе греческіе архіереи, и въ подтвержденіе приводитъ свидѣтельство изъ извѣстнаго слова патріарха Никона на соборѣ 1656 года: «зазираху иногда нашему смиренію, мнѣ Никону патріарху, приходящіи къ намъ потребъ своихъ ради, святыя восточныя церкве святѣйшіи вселенстіи патріарси: Константиня града Аѳанасій, и Паисій святаго града Іерусалима и прочіи, и поношаху ми много въ церковныхъ вещехъ, отъ нихже едина есть и сія, яко... двѣма персты изобразующе *творимъ на мирѣ нашемъ* знаменіе креста». Но патр. Іерусалимскій Паисій пріѣзжалъ въ Москву въ 1649 году, а бывшій Константинопольскій патр. Аѳанасій выѣхалъ изъ Москвы въ 1653 году,

---

нуть въ свидѣтельствѣ м. Игнатія именно это слово: *начаша*, т.-е. прежде не крестились двуперстно, а теперь *начали* креститься; и еще слова: *отъ тѣхъ книгъ*, т.-е. начали креститься двуперстно съ тѣхъ поръ, какъ прочитали въ предисловіи Псалтирей и въ Кирилловой книгѣ Ѳеодоритово Слово о двуперстіи, и наставленія о томъ же въ Книгѣ о вѣрѣ и маломъ Катихизисѣ.

[78]) Посл. Игн. тоб. стр. 104.

пробывши здѣсь не много болѣе полугода[79]). Слѣдовательно имѣть приведенную у м. Игнатія бесѣду съ п. Никономъ о двуперстіи въ 1654 году ни тотъ, ни другой не могли. Самъ же п. Никонъ въ своей рѣчи 1656 года говорилъ, очевидно, о прежнихъ временахъ, когда патріархи и другіе греческіе пастыри зазирали ему, видя въ Москвѣ крестящихся двуперстно. Эти бесѣды съ нимъ, особенно Іерусалимскаго п. Паисія, происходили очевидно въ то время, когда онъ былъ еще новгородскимъ митрополитомъ и когда, именно вслѣдствіе этихъ бесѣдъ, отправленъ былъ на Востокъ вмѣстѣ съ самимъ Паисіемъ Арсеній Сухановъ для обозрѣнія греческихъ церковныхъ чиновъ. А принимая во вниманіе то обстоятельство, что сдѣлавшись патріархомъ Никонъ, предъ наступленіемъ перваго же Великаго поста, т.-е. съ небольшимъ черезъ полгода по возведеніи на патріаршій престолъ, издаетъ извѣстную память о поклонахъ и перстосложеніи для крестнаго знаменія, въ которой именно предписываетъ креститься тремя перстами[80]), надобно полагать, что тогда самъ онъ уже дѣлалъ то̀, что предписывалъ дѣлать другимъ, т.-е. крестился тремя перстами. Итакъ едва ли можно принять употребленное г. Каптеревымъ общее и неопредѣленное выраженіе, что самъ Никонъ «въ началѣ своего патріаршества употреблялъ двоеперстіе». Употреблялъ ли Никонъ двуперстіе, сдѣлавшись патріархомъ, или оставилъ его, еще будучи митрополитомъ новгородскимъ, послѣ бесѣды съ Іерусалимскимъ патріархомъ Паисіимъ, прямыхъ и точныхъ свидѣтельствъ объ этомъ мы не имѣемъ. Но что, живя въ Москвѣ и принадлежа къ обществу извѣстныхъ ревнителей двуперстія (Вонифатьевъ, Нероновъ, Аввакумъ и проч.), признавая подлиннымъ напечатанное тогда Ѳеодоритово Слово о двуперстіи[81]), Никонъ и самъ нѣкоторое

[79]) Выходы госуд. стр. 119, 303.

[80]) *Матеріалы для ист. раск.* т. V, стр. 18.

[81]) Патріархъ Никонъ и на соборѣ 1656 года и при другихъ случаяхъ прямо говорилъ, что креститься тремя перстами русскіе его времени научились „отъ Ѳеодоритова писанія, невѣдѣніемъ внесшагося въ печатныя книги, въ великія Псалтыри со возслѣдованіемъ и въ малыя“ (Слово отвѣщ. въ Скрижали).

время крестился двуперстно, этого мы не отвергаемъ, свидѣтельство объ этомъ м. Игнатія мы признаемъ вполнѣ вѣрнымъ. Что же изъ этого? — ужели отсюда слѣдуетъ, что двуперстіе было въ началѣ Никонова патріаршества всеобдержнымъ, всею русскою Церковію принятымъ обрядомъ перстосложенія, и притомъ неизмѣнно употреблявшимся въ ней съ самаго принятія русскими христіанства? Если бы такъ было на самомъ дѣлѣ, если бы двуперстіе было дѣйствительно обрядомъ, неизмѣнно существовавшимъ у насъ съ самаго крещенія Руси и всѣми русскими употреблявшимся, а не явившимся съ недавняго времени и распространившимся, можно сказать, на глазахъ у Никона, черезъ внесеніе наставленія о немъ въ печатныя книги, то, безъ сомнѣнія, Никонъ, при его характерѣ, не отказался бы отъ него такъ легко и не выступилъ бы такимъ ревностнымъ защитникомъ троеперстія; напротивъ, потому онъ и явился такимъ ревнителемъ троеперстія, что самъ зналъ и видѣлъ, что огромное большинство русскаго народа, не знакомое съ Ѳеодоритовымъ Словомъ, крестится троеперстно, какъ научилось отъ предковъ (объ этомъ онъ упоминалъ потомъ неоднократно, защищая троеперстіе), и потому, что самъ въ юности, надобно полагать, крестился тремя же перстами, какъ и многіе его современники, сдѣлавшіеся изъ троеперстниковъ двуперстниками и снова принявшіе потомъ троеперстіе, примѣры чего мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ странно приводить патріарха Никона въ свидѣтели объ исконномъ и всеобдержномъ употребленіи двуперстія въ русской церкви, какъ обряда «единственно правильнаго, исключающаго всѣ другія формы перстосложенія, какъ неправыя».

Вотъ мы разсмотрѣли, представленный г. Каптеревымъ «*цѣлый* рядъ *ясныхъ и опредѣленныхъ* свидѣтельствъ (о двуперстіи), которыя начинаются со второй половины XV вѣка и (яко бы) идутъ затѣмъ *непрерывно* до самой церковной реформы Никона» (стр. 58). Оказалось, что 1) тѣ восемь свидѣтельствъ, изъ коихъ состоитъ весь этотъ «цѣлый» и якобы

«непрерывный» рядъ, не только не отличаются «ясностію и опредѣленностію», но, очевиднымъ образомъ противорѣча другъ другу, являются крайне сомнительными, и каждое въ отдѣльности, и всѣ въ совокупности; 2) подтверждая дѣйствительно тотъ «твердо стоящій и неопровержимый фактъ», что со второй половины XV вѣка и до половины XVII у насъ были сторонники и проповѣдники двуперстія, свидѣтельства эти въ то же время несомнѣнно показываютъ, что сами сіи сторонники и проповѣдники, начиная съ первоначальныхъ редакторовъ Ѳеодоритова Слова и кончая іосифовскими издателями печатныхъ книгъ, сами не имѣли точнаго понятія о двуперстіи, и именно о томъ, какъ слѣдуетъ слагать персты, — одинъ училъ такъ, другой иначе; 3) такая противорѣчивость ученія о двуперстіи въ существующихъ о немъ свидѣтельствахъ показываетъ, что двуперстіе вовсе не было у насъ единственнымъ, всѣми употреблявшимся, всею церковію признаннымъ, обязательнымъ для всѣхъ православныхъ обрядомъ перстосложенія, исключающимъ всѣ другія его формы, какъ неправыя, что̀ именно хотѣлъ доказать ими г. Каптеревъ.

Между тѣмъ свой краткій, притомъ же не умѣло сдѣланный, перечень свидѣтельствъ о двуперстіи г. Каптеревъ заключаетъ весьма торжественно слѣдующими словами:

«Такимъ образомъ, такое авторитетное лицо въ московской Руси, какъ ученый Максимъ Грекъ, такіе выдающіеся, учительные и по тогдашнему времени ученые митрополиты, какъ Даніилъ (неустанный гонитель Максима Грека) и Макарій, а затѣмъ наши (почему же наши? и развѣ Даніилъ и Макарій были не наши?) московскіе патріархи Іовъ, Филаретъ, Іоасафъ (т.-е. послы Іоасафа, которые притомъ о двуперстіи ничего не говорили?), Іосифъ и Никонъ (!) въ началѣ патріаршества, и наконецъ (почему наконецъ?) даже цѣлый соборъ русскихъ іерарховъ — Стоглавый (почему же изъ этого собора выдѣленъ и названъ гораздо прежде м. Макарій?) *неопровержимо и согласно свидѣтельствуютъ*, что въ московской Руси съ конца XV до половины XVII вѣка, общеупотребительнымъ и признаваемымъ всею Церковію за единственно правильное перстосложеніе(мъ) въ крестномъ знаменіи было двуперстное».

Ни одно изъ названныхъ г. Каптеревымъ лицъ, какъ мы видѣли, не даетъ такого *свидѣтельства*, что «въ московской Руси съ конца XV до половины XVII вѣка общеупотребительнымъ и признаваемымъ всею Церковію за единственно правильное перстосложеніе(мъ) было двуперстное». Это г. Каптеревъ говоритъ совсѣмъ напрасно. Только въ посланіи патріарха Іова встрѣчается выраженіе о двуперстіи: «то-есть истинное знаменіе». Даже и Стоглавый соборъ ничего не говоритъ объ его общеупотребительности и исключительной правильрости, а только старается оградить на будущее время его употребленіе мнимыми свидѣтельствами святыхъ отецъ и проклятіемъ на не крестящихся двуперстно. Остальныя же лица (разумѣется за исключеніемъ п. Іосафа и п. Никона, которые въ защиту двуперстія не говорятъ ничего) или даютъ наставленіе о томъ, какъ слагать персты, съ толкованіемъ оныхъ (м. Даніилъ въ Ѳеодоритовомъ Словѣ, п. Филаретъ, или точнѣе исправители Великаго Катихизиса, п. Іосифъ въ изданныхъ по его благословенію Псалтиряхъ и Маломъ Катихизисѣ), или же даютъ только толкованіе перстосложенія (Слово Максима Грека, Кириллова книга, Книга о вѣрѣ). А говорить съ такою самоувѣренностію, что всѣ названные свидѣтели даже «*неопровержимо и согласно* свидѣтельствуютъ» о двуперстіи, когда въ своихъ свидѣтельствахъ они именно противорѣчатъ другъ другу, не умѣя точно указать и того, какъ слагаются или должны быть слагаемы персты, — говорить это можетъ только одинъ г. Каптеревъ.

Но мы привели еще не всѣ заключительныя слова г. Каптерева, представляющія такой примѣчательный образчикъ мнимоученой хвастливости. Далѣе слѣдуетъ уже извѣстный читателямъ приговоръ надъ «православными полемистами съ расколомъ», изъ числа которыхъ г. Каптеревъ, очевидно, исключаетъ себя съ брезгливостію, развязно становясь въ число неправославныхъ, раскольническихъ полемистовъ съ Церковію. Онъ продолжаетъ:

«Всѣ попытки православныхъ полемистовъ съ расколомъ поколебать этотъ фактъ (общеупотребительность и признаніе

исключительной правильности двуперстія), ихъ попытки всѣ тѣ дошедшія до насъ редакціи въ ученіи о перстосложеніи, въ которыхъ заключается *какая-либо неясность и неопредѣленность*, истолковать въ пользу существованія у насъ троеперстія (какъ общепризнаваемаго обычая), *оказываются* (!) рѣшительно неудачными, ибо они не могутъ привести въ пользу троеперстія и одного авторитетнаго свидѣтельства *вродѣ тѣхъ, какіе(я) имѣетъ за себя двоеперстіе*» (стр. 61).

Мы уже имѣли случай показать литературные и логическія достоинства въ этомъ приговорѣ г. Каптерева надъ «православными полемистами»[82]). Теперь обратимъ вниманіе только на самую его сущность. О какихъ «попыткахъ» и какихъ «полемистовъ» говоритъ г. Каптеревъ? Онъ упрекаетъ этихъ полемистовъ въ томъ, что они будто бы пытаются истолковать въ пользу троеперстія какія-то «редакціи въ ученіи о перстосложеніи», заключающія какую-либо *неясность и неопредѣленность*». Но православные полемисты разсматривали и разсматриваютъ только разныя редакціи Ѳеодоритова Слова, одна съ другою несогласныя, и отсюда дѣлали и дѣлаютъ заключенія только относительно значенія Ѳеодоритова Слова; а затѣмъ они имѣли и имѣютъ дѣло не съ «редакціями», а съ свидѣтельствами о двуперстіи, приведенными и у самого г. Каптерева, изъ коихъ каждое извѣстно только въ одной редакціи; недостатокъ же этихъ свидѣтельствъ, лишающій ихъ силы и значенія, заключается совсѣмъ не въ ихъ «неясности и неопредѣленности» (напротивъ они ясны и опредѣленны[83]), а въ ихъ взаимномъ противорѣчіи, — въ томъ что они существенно разнятся одно отъ другого даже въ указаніяхъ, какіе персты и какъ слѣдуетъ слагать. Не разсмотрѣвъ, этихъ порицаемыхъ имъ «попытокъ православныхъ полемистовъ», не указавъ даже, какъ слѣдуетъ, въ чемъ состоятъ они и кому принадлежатъ, г. Каптеревъ провозглашаетъ однакоже, что онѣ «*оказываются* совершенно неудачными!» Если бы г. Каптеревъ былъ ученымъ и гораздо болѣе авторитетнымъ, нежели

[82]) См. *Брат. Сл.* 1887 г. т. II, стр. 694—696

[83]) Исключеніе составляетъ только свидѣтельство изъ посланія патр. Іова къ грузинскому митрополиту Николаю.

какимъ воображаетъ себя, и тогда онъ не имѣлъ бы права требовать, чтобы ему вѣрили на слово. Онъ долженъ бы сначала сдѣлать разборъ «попытокъ», доказать, что онѣ «рѣшительно неудачны», и тогда только могъ бы говорить, что онѣ *оказались* именно такими. Въ подтвержденіе своего отзыва о «попыткахъ православныхъ полемистовъ» онъ привелъ только одно, весьма странное и также совершенно голословное замѣчаніе. Попытки эти, говоритъ онъ, «оказываются совершенно неудачными, *ибо* (!) они *не могутъ привести* въ пользу троеперстія ни одного авторитетнаго свидѣтельства вродѣ тѣхъ, какіе(я) имѣетъ за себя двоеперстіе». Имѣетъ ли это замѣчаніе силу доказательства, объ этомъ мы уже говорили[84]); здѣсь опять важна для насъ самая сущность свидѣтельства. Итакъ г. Каптеревъ, не только самъ не обратилъ вниманія на существующія свидѣтельства о несомнѣнномъ существованіи троеперстія въ русской церкви съ XV-го по XVII вѣкъ, какъ бы слѣдовало безпристрастному ученому и какъ поступилъ даже Денисовъ, но и увѣряетъ еще, будто и сами православные полемисты «не могутъ привести» такихъ свидѣтельствъ, по крайней мѣрѣ «ни одного авторитетнаго, вродѣ тѣхъ, какіе(я) имѣетъ за себя двоеперстіе», и какія привелъ г. Каптеревъ, ставши во главѣ раскольническихъ полемистовъ съ православіемъ. Свидѣтельствъ «вродѣ» тѣхъ, какія онъ привелъ, православные полемисты въ защиту троеперстія дѣйствительно представить не могутъ; но что есть вполнѣ авторитетныя, по своему содержанію и характеру, свидѣтельства о несомнѣнномъ существованіи троеперстія въ древлерусской церкви, это мы покажемъ, и это именно намъ слѣдуетъ теперь показать.

2. Свидѣтельства объ употребленіи троеперстія въ русской церкви съ древнѣйшихъ временъ до лѣтъ патріарха Никона.

Мы уже говорили[85]), что одною изъ причинъ, побудившихъ насъ прервать давно начатыя статьи о перстосложеніи для

[84]) См. *Брат. Сл.* 1887 г. т. II, стр. 695—6.
[85]) См. *Брат. Сл.* 1889 г. т. II, стр. 588—589.

крестнаго знаменія, вызванныя сочиненіемъ г. Каптерева, служило то обстоятельство, что одновременно начаты были въ журналѣ «Странникъ» статьи о томъ же предметѣ и по тому же поводу преосвященнымъ Никаноромъ, архіепископомъ Херсонскимъ: мы предоставили рѣчь этому архипастырю, теперь уже почившему о Господѣ. Еще при жизни преосв. Никанора статьи его вышли отдѣльною книгою, и книга эта дѣлаетъ, можно сказать, излишнимъ новое разсмотрѣніе сужденій г. Каптерева о перстосложеніи, такъ какъ достаточно обличаетъ ихъ несостоятельность. Мы считаемъ нужнымъ докончить только первую главу начатаго нами труда, — именно представить несомнѣнныя историческія свидѣтельства, показывающія, что троеперстіе у насъ на Руси существовало съ древнѣйшихъ временъ непрерывно до самыхъ лѣтъ патріарха Никона, когда, вслѣдствіе, усилившагося распространенія двуперстія и возникшей «при» изъ-за перстосложенія, было оно подтверждено и предписано ко всеобщему употребленію.

Напомнимъ читателямъ, что г. Каптеревъ, утверждая, будто «съ конца XV (и даже съ самаго крещенія Руси) до половины XVII вѣка общеупотребительнымъ, и признаваемымъ всею церковію за *единственно* правильное перстосложеніе(мъ) въ крестномъ знаменіи было двуперстное», не только самъ не привелъ и не разсмотрѣлъ ни одного изъ общеизвѣстныхъ свидѣтельствъ, доказывающихъ существованіе у насъ въ указанное время троеперстія (что̀, разумѣется, было не въ его интересахъ), но и рѣшительно утверждаетъ, будто «православные полемисты не могутъ привести въ пользу троеперстія ни одного авторитетнаго свидѣтельства въ родѣ тѣхъ, какіе(я) имѣетъ за себя двоеперстіе» (стр. 61) [86]).

---

[86]) Не знаемъ, въ какомъ смыслѣ г. Каптеревъ признаетъ „авторитетными“ свои свидѣтельства, — въ томъ ли, что они принадлежатъ „авторитетнымъ“ по своему значенію и положенію лицамъ (а онъ сильно упираетъ именно на то, что его свидѣтельства принадлежатъ такимъ лицамъ, какъ Максимъ Грекъ, митрополитъ Даніилъ, патріархъ Іовъ...), или въ томъ, что „авторитетность“ сообщается свидѣтельствамъ ихъ внутренними достоинствами,—ясностію, опредѣленностію и несомнѣн-

Мы не можемъ допустить, чтобы г. Каптеревъ не зналъ тѣхъ, именно общеизвѣстныхъ, свидѣтельствъ о троеперстіи, которыя приводятся «православными полемистами» въ доказательство существованія у насъ этого перстосложенія съ древнѣйшихъ временъ до самой половины XVII столѣтія, тѣмъ болѣе, что для этого ему не было надобности даже знакомиться съ довольно обширною полемическою литературою противъ раскола, а достаточно было просмотрѣть явившіеся въ послѣднее время довольно полные спеціальные сборники этихъ свидѣтельствъ [87]). Итакъ, надобно полагать, что г. Каптереву были извѣстны приводимые «православными полемистами» свидѣтельства о троеперстіи, и онъ только признаетъ, что между ними нѣтъ ни одного «авторитетнаго въ родѣ тѣхъ», какія онъ привелъ за двоеперстіе. Мы уже показали, насколько авторитетны и важны, особенно въ отношеніи ясности и опредѣленности, эти приведенныя г. Каптеревымъ свидѣтельства о двуперстіи; посмотримъ теперь, таковы ли приводимыя «полемистами» и вообще извѣстные доселѣ свидѣтельства о троеперстіи, и справедливъ ли, сдѣланный совершенно голословно, отзывъ объ нихъ г. Каптерева.

Правда, въ книгѣ преосв. Никанора приведены въ отвѣтъ г. Каптереву и разсмотрѣны историческія свидѣтельства о существованіи у насъ троеперстія съ древнѣйшихъ временъ до самыхъ лѣтъ п. Никона, и вновь приводить и разсматривать ихъ нѣтъ особенной надобности; но мы признаемъ не излишнимъ разсмотрѣть ихъ преимущественно со стороны ихъ «авто-

---

ностію, независимо отъ того, кому они принадлежатъ. Мы признаемъ свидѣтельства „авторитетными“ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ.

87) Таковы особенно: „Семь бесѣдъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія“ преосв. Павла (нынѣ) архіепископа Казанскаго, и отдѣлъ о перстосложеніи въ „Выпискахъ Озерскаго“ (т. II, л. 289—351). Замѣтимъ кстати, что на статью въ „Выпискахъ Озерскаго“ сослался и преосв. Никаноръ, не находя нужнымъ повторять приведенныя въ ней свидѣтельства о перстосложеніи; но въ его книгѣ, въ оглавленіи, допущена странная опечатка: вмѣсто „Замѣчаніе о Выпискахъ Озерскаго“ напечатано „Замѣчанія о Выпискахъ Заозерскаго“.

ритетности», которую такъ рѣшительно отрицаетъ г. Каптеревъ, усвояя ее только свидѣтельствамъ о двуперстіи.

Древнѣйшее изъ свидѣтельствъ о троеперстіи въ нашихъ книжныхъ памятникахъ[88]), относящееся къ концу XIV или началу XV вѣка, когда появилось и первое свидѣтельство о двуперстіи, находится въ такъ называемомъ «Паисіевскомъ сборникѣ». Въ одной изъ статей этого сборника, среди разныхъ анаѳематствъ, написана и такая: «аще кто не крестится 3-ми персты, да будетъ проклятъ». Вписанное здѣсь проклятіе на не крестящихся тремя персты преосв. Никаноръ не безъ основанія ставитъ въ генетическую связь съ появившимся у насъ тогда же проклятіемъ на не крестящихся двѣма персты, «якоже и Христосъ», и именно какъ противовѣсъ этому проклятію, повторенному потомъ въ Стоглавѣ. Во всякомъ случаѣ, оно служитъ свидѣтельствомъ, что въ то время, когда начали являться у насъ ревнители двуперстія, старавшіеся утвердить его произнесеніемъ клятвы на не крестящихся двуперстно, были и ревнители издревле существовавшаго троеперстія, тщившіеся оградить его неприкосновенность подобною же клятвою на не крестящихся тремя персты.

Но свидѣтельство Паисіевскаго Сборника единственное и исключительное въ своемъ родѣ; по своему характеру оно рѣшительно выдѣляется изъ ряда прочихъ свидѣтельствъ о троеперстіи. Отличительную особенность этихъ прочихъ свидѣтельствъ составляетъ именно то, что въ нихъ не содер-

---

88) Мы не указываемъ здѣсь на восходящія до глубокой древности, съ большимъ тщаніемъ собранныя у преосв. Никанора, свидѣтельства о троеперствіи отъ святыхъ иконъ и другихъ живописныхъ памятниковъ, представляющихъ изображеніе именословнаго перстосложенія благословящей руки, коимъ необходимо предполагается существованіе другаго, и именно троеперстнаго, сложенія молебной руки, а на нѣкоторыхъ и изображеніе молебной руки съ троеперстнымъ сложеніемъ; мы имѣемъ цѣлію разсмотрѣть только письменныя, или книжныя свидѣтельства о троеперстіи, въ соотвѣтствіе тому, что такія же только свидѣтельства о двуперстіи привелъ г. Каптеревъ, очевидно „игнорирующій“, въ противоположность Денисову, свидѣтельства отъ иконъ.

жится ни наставленія слагать такъ-то и такіе-то персты (какъ именно во всѣхъ свидѣтельствахъ о двуперстіи, отличающихся притомъ страннымъ, невольно бросающимся въ глаза разнообразіемъ, даже противорѣчіемъ, въ этихъ наставленіяхъ, — именно въ описаніи того, какъ и какіе персты слагать и какое усвоять имъ значеніе), ни строгаго требованія употреблять такое именно перстосложеніе (какъ опять во всѣхъ свидѣтельствахъ о двуперстіи), ни тѣмъ паче проклятія на не повинующихся этому требованію (какъ въ свидѣтельствѣ Паисіева Сборника и опять во всѣхъ свидѣтельствахъ о двуперстіи), — напротивъ, въ нихъ говорится о троеперстіи большею частію мимоходомъ, случайно, — говорится какъ о извѣстномъ каждому и всѣми употребляемомъ обрядѣ, безъ особой како-либо цѣли, безъ намѣренія распространить, или утвердить этотъ обрядъ, уже распространенный и утвердившійся въ русскомъ народѣ. Вотъ именно эта, если можно такъ выразиться, случайность, непреднамѣренность свидѣтельствъ о троеперстіи, отсутствіе въ нихъ всякой тенденціозности, и сообщаетъ имъ особенную «авторитетность», какъ свидѣтельствамъ историческимъ, тогда какъ напротивъ этой «авторитетности» лишены всѣ свидѣтельства о двуперстіи, отличающіяся явною преднамѣренностію и тенденціозностью, писанныя съ очевидною цѣлію научить двуперстію, утвердить и даже оградить клятвою употребленіе этого, вновь вводимаго обряда.

Вотъ въ чемъ полагаемъ мы особенную «авторитетность», т.-е. силу существующихъ историческихъ свидѣтельствъ объ употребленіи у насъ троеперстія съ древнѣйшихъ временъ, и на нее-то будемъ обращать особенное вниманіе, говоря объ этихъ свидѣтельствахъ.

Первое мѣсто между ними принадлежитъ извѣстному свидѣтельству Степенной книги о митрополитѣ Іонѣ. Смыслъ этого свидѣтельства достаточно объясненъ еще въ «Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу». «Всероссійскій митрополитъ Фотій (1410—1431), — читаемъ мы здѣсь, — пришелъ въ Симоновъ монастырь и нашелъ въ хлѣбнѣ спящаго инока Іону (бывшаго послѣ также митрополитомъ всероссійскимъ

и причтеннаго къ лику святыхъ), который во время сна *десную свою руку на главѣ своей держаше согбену, яко благословляше ею.* Святитель, — говоритъ Степенная книга, — со удивленіемъ зряше нань, и повелѣ никомуже разбудити его, и пророчествуя о немъ глаголаше: разумѣйте, о чада, яко инокъ сей Іона будетъ великъ святитель въ странахъ русскія земли. Если бы (разсуждаетъ митр. Филаретъ) согбеніе руки благословляющей и молитвенной было въ то время одно и то же двуперстное: то почему бы удивило святителя согбеніе руки инока? Почему бы онъ узналъ, *яко благословляше?* Въ чемъ бы нашелъ предзнаменованіе будущаго святительства? Итакъ видно, что тогда было въ употребленіи не одинаковое перстосложеніе (для благословенія и молитвы) двуперстное, а двоякое: троеперстное молитвенное и именословное благословящее. Что инокъ держалъ руку согбену не троеперстно, какъ молятся, но именословно, *яко благословляше,* въ семъ только случаѣ понятно, что святитель нашелъ согбеніе руки для простаго инока необыкновеннымъ, удивился, и призналъ отличительное благословляющее согбеніе руки предзнаменованіемъ будущаго святительства»[89]). Противъ этого вполнѣ основательнаго и яснаго толкованія старообрядцы могутъ замѣтить, что перстосложеніе было одно, двуперстное, и для моленія и для благословенія, митрополитъ же Фотій въ данномъ случаѣ могъ отличить это послѣднее отъ перваго потому, что десная рука на главѣ святителя Іоны лежала обращенная перстами не къ главѣ, какъ бываетъ при моленіи, а отъ главы, «яко благословляше». Замѣчаніе это имѣло бы нѣкоторую силу, если бы въ Степенной книгѣ не говорилось вполнѣ ясно: «десную свою руку на главѣ своей держаше *согбену, яко благословляше ею*». Значитъ не по положенію руки узнали въ ней благословящую десницу, а по «согбенію», — значитъ персты ея были «сложены на благословеніе», т.-е. именословно, а не на моленіе, т.-е. троеперстно. Изъ этого свидѣтельства очевидно такимъ образомъ,

---

[89]) Бес. къ глагол. старообрядцу, стр. 221.

что во времена митрополита Фотія, въ первой половинѣ XV столѣтія, у насъ были въ употребленіи, какъ и теперь, два перстосложенія — особое для священническаго благословенія, т.-е. именословное, и особое для молитвы, т.-е. троеперстное; и употребленіе ихъ было тогда столь общеизвѣстно, что не только митрополитъ Фотій, но и сопутствовавшіе ему, къ которымъ онъ обратился съ пророчествомъ объ Іонѣ, съ перваго же взгляда на десницу спящаго инока отличили въ ней священническое перстосложеніе отъ общаго молитвеннаго и поняли силу высказаннаго митрополитомъ пророчества. Итакъ занесенное въ Степенную книгу сказаніе о знаменательномъ событіи въ жизни митрополита Іоны представляетъ несомнѣнное историческое свидѣтельство объ употребленіи именословнаго и троеперстнаго сложенія въ русской церкви первой половины XV столѣтія; а между тѣмъ въ свидѣтельствѣ этомъ даже и не названы прямо ни то, ни другое перстосложеніе, — о томъ, что у святителя Іоны десница была «согбена якоже благословляше», а не якоже моляшеся, говорится здѣсь какъ бы мимоходомъ, только для объясненія произнесеннаго митрополитомъ Фотіемъ пророчества, въ которомъ собственно и заключается сила сказанія, а вовсе не для того, чтобы намѣренно сообщить, какое употреблялось тогда въ русской церкви перстосложеніе при благословеніи и молитвѣ, тѣмъ паче не для того, чтобы подтвердить и узаконить ихъ дальнѣйшее существованіе. Это именно и сообщаетъ особенную «авторитетность» свидѣтельству Степенной книги о всеобщемъ употребленіи троеперстія въ русской церкви первой половины XV столѣтія.

Но разсмотрѣнное свидѣтельство Степенной книги имѣетъ для насъ сугубую важность. Оно свидѣтельствуетъ не о томъ только, что троеперстіе было на Руси общеупотребительнымъ обрядомъ за сто лѣтъ до Стоглаваго собора, но и о томъ, что такимъ же оставалось оно и въ ближайшее къ Стоглавому собору время. Сказаніе объ изложенномъ событіи въ жизни митрополита Іоны внесено въ Степенную книгу митрополитомъ Макаріемъ, будущимъ предсѣдателемъ Стоглаваго собора.

Митрополитъ Макарій, разумѣется, понималъ сущность сказанія, которое вносилъ въ Степенную книгу, видѣлъ, что предсказаніе митрополита Фотія о будущемъ святительствѣ инока Іоны имѣетъ въ своемъ основаніи различіе перстоженій благословящей и молебной руки и очевидно не находилъ это различіе противорѣчащимъ своему времени, напротивъ, потому и находилъ понятнымъ относящееся къ XV-му вѣку сказаніе о митрополитѣ Іонѣ, что и въ его время были различаемы такъ же точно два перстосложенія — именословное и троеперстное. Иначе онъ и не внесъ бы въ Степенную книгу это сказаніе въ настоящемъ его видѣ, какъ неудобопонятное и не соотвѣтствующее обряду его времени, или, по крайней мѣрѣ, сообщилъ бы ему иную редакцію. Итакъ, митрополитъ Макарій, изложивъ въ Степенной книгѣ сказаніе о митрополитѣ Іонѣ, далъ намъ «авторитетное» свидѣтельство о всеобщемъ употребленіи у насъ на Руси троеперстія не только въ первой половинѣ XV-го столѣтія, но и въ первой половинѣ XVI-го, передъ самымъ Стоглавымъ соборомъ.

Точно такое же значеніе имѣетъ появляющееся въ нашихъ сборникахъ XV и XVI столѣтій извѣстное «Преніе Панагіота съ Азимитомъ». Въ этомъ «Преніи» содержится свидѣтельство о существованіи троеперстія собственно въ греческой церкви конца XIII или начала XIV вѣка, къ которымъ относятъ изслѣдователи это преніе грека съ латиняниномъ, — и свидѣтельство опять вполнѣ «авторитетное», такъ какъ въ немъ не видно никакого намѣренія проповѣдать, распространить, или утвердить въ греческомъ народѣ троеперстіе: грекъ Панагіотъ, обличая латинянина въ разныхъ отступленіяхъ отъ ученія и обрядовъ греческой церкви, въ числѣ прочихъ такого рода отступленій указываетъ и слѣдующее: «зачѣмъ ты не слагаешь три перста и не полагаешь (ихъ) на чело, потомъ на правую сторону груди, но творишь крестъ двумя перстами»... Вполнѣ ясное и «авторитетное» свидѣтельство, что греки XIII—XIV вѣка крестились троеперстно, а не двуперстно. Но вотъ въ XIV же вѣкѣ «Преніе Панагіота» съ содержащимся въ немъ свидѣтельствомъ о троеперстіи

является въ славянскомъ переводѣ и вносится въ наши великорусскіе сборники XV-го и XVI-го столѣтій и, что всего важнѣе, вносится самимъ митрополитомъ Макаріемъ въ одну изъ раннѣйшихъ книгъ его Четіихъ-Миней. Нѣтъ сомнѣнія, что составители сборниковъ и самъ митрополитъ Макарій ясно видѣли, что въ «Преніи» есть свидѣтельство объ употребленіи троеперстія въ греческой церкви, вполнѣ понимали силу этого свидѣтельства[90]) и, значитъ, находили его не противнымъ, а вполнѣ согласнымъ существовавшему тогда и въ Россіи обряду перстосложенія, если безъ всякаго колебанія и сомнѣнія внесли его въ свои сборники: иначе не стали бы приводить его, или, по обычаю русскихъ книжниковъ, исправили бы его на свой разумъ, измѣнили бы подлинную его редакцію (какъ дѣйствительно и сдѣлали потомъ нѣкоторые ревнители двуперстія). Итакъ, русскіе книжники и самъ митрополитъ Макарій, воспроизводя въ своихъ сборникахъ «Преніе Панагіота съ Азимитомъ», свидѣтельствующее о всеобщемъ употребленіи троеперстія у грековъ въ XIII—XIV вв., тѣмъ самымъ дали намъ «авторитетное» свидѣтельство, что и въ русской церкви ихъ времени, въ концѣ XV-го и въ первой половинѣ XVI-го столѣтія, предъ самымъ Стоглавымъ соборомъ, троеперстіе было также всеобщимъ, господствующимъ обрядомъ.

Но тогда уже были на Руси и ревнители двуперстія, утверждавшіеся на внесенныхъ также въ нѣкоторые сборники: Ѳеодоритовомъ Словѣ, искаженной редакціи, сказаніи о Мелетіи, также искаженномъ, проклятіи на не крестящихся двѣма персты. На соборѣ Стоглавомъ они успѣли достигнуть того, что состоялось даже опредѣленіе о двуперстіи, огражденное клятвою. Мы говорили уже, что самое это опредѣленіе служитъ косвеннымъ свидѣтельствомъ о всеобщей тогда

---

90) Что русскіе видѣли въ словахъ Панагіота именно свидѣтельство о троеперстіи, это несомнѣнно доказывается тѣмъ, что впослѣдствіи наши ревнители двуперстія стали передѣлывать его въ свидѣтельство о двуперстіи: этого они не стали бы дѣлать, если бы не понимали, что въ подлинной редакціи идетъ рѣчь о троеперстіи и что такъ именно всѣ понимаютъ ее.

распространенности въ русскомъ народѣ троеперстія, такъ какъ для того, чтобы привлечь народъ отъ троеперстія къ двуперстію, соборъ призналъ необходимымъ предать проклятію не крестящихся двуперстно. Да и самъ юный царь Иванъ Васильевичъ, вызванный, конечно, сторонниками двуперстія предложить собору вопросъ о крестномъ знаменіи, говоритъ въ этомъ вопросѣ: «христіане рукою крестятся не по существу». Что значило креститься «по существу»,— это объяснилъ потомъ соборъ своимъ опредѣленіемъ, что надобно креститься двуперстно, какъ велитъ Ѳеодоритово Слово и другія приведенныя имъ искаженныя свидѣтельства. Значитъ, царь въ вопросѣ своемъ засвидѣтельствовалъ, что въ его время на Руси,— не въ Псковской только, или Новгородской землѣ, какъ по другимъ случаямъ говорится въ Стоглавѣ, — а вообще на Руси «христіане»,— вообще христіане, весь народъ и преимущественно простой (въ Стоглавникѣ «христіане» и «крестьяне» даже не различаются), — крестились не двуперстно, «не по существу», а троеперстно, и нужно было, по мнѣнію царя, или наставниковъ царя, научить «христіанъ» креститься по существу, т.-е. двуперстно, какъ велитъ извѣстное Ѳеодоритово Слово. Итакъ, во времена Стоглаваго собора троеперстіе было общераспространеннымъ въ русскомъ народѣ обрядомъ, и соборъ, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ проповѣдниковъ двуперстія, изложеннаго въ Ѳеодоритовомъ Словѣ, выступилъ только противъ этого общераспространеннаго, по его собственному свидѣтельству, обряда съ проповѣдію и опредѣленіемъ о двуперстіи.

Мы говорили также, что и послѣ Стоглаваго собора, несмотря на произнесенное имъ проклятіе на не крестящихся двѣма персты, несмотря на твердо выраженное царемъ и соборомъ желаніе научить «христіанъ» креститься, какъ они полагали, «по существу», т.-е. двуперстно, двуперстіе не привилось къ народу, не могло вытѣснить троеперстія, которое онъ принялъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, — народъ въ огромномъ большинсвѣ продолжалъ креститься троеперстно. Троеперстіе осталось попрежнему господствующимъ, обще-

распространеннымъ у насъ обрядомъ перстосложенія до тѣхъ самыхъ поръ, когда ученіе о двуперстіи, съ наставленіемъ мнимаго Ѳеодорита, внесено было его ревнителями въ печатныя книги, учебныя и учительныя (Катихизисы, Псалтирь учебная, Книга о вѣрѣ, Кириллова), изъ которыхъ наши грамотники, особенно молодое поколѣніе книжныхъ людей, и научились креститься двуперстно. Что въ продолженіе времени отъ Стоглаваго собора до патріарха Филарета, при которомъ ученіе о двуперстіи внесено въ Катихизисъ, троеперстіе не только оставалось въ употребленіи у насъ, но и было господствующимъ, всеобщимъ обрядомъ перстосложенія, — объ этомъ имѣются также вполнѣ «авторитетныя» свидѣтельства того времени.

Таково, во-первыхъ, свидѣтельство въ житіи преп. Александра Ошевенскаго. Житіе написано въ 1567 (7075) году, всего черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ Стоглаваго собора, ученикомъ преп. Александра, священноинокомъ Ѳеодосіемъ. Списатель житія, повѣствуя объ одномъ изъ бывшихъ ему явленій пр. Александра, сопровождавшемся наказаніемъ за лѣность въ написаніи Житія, говоритъ: «азъ же возбнувъ отъ видѣнія... и увѣдѣ бывшая надъ собою, яко десная рука моя ослабѣ, длань же о запястіи согнуся, *три же перста верхнихъ* едва возмогохъ вмѣсто содвигнути, *иже на лице свое крестное знаменіе воображати*». Что здѣсь говорится о троеперстіи, какъ обычномъ, общемъ тогда обрядѣ перстосложенія для крестнаго знаменія, этого не отвергаютъ даже сами раскольники. Сознавая особенную важность этого свидѣтельства, они стараются только заподозрить его подлинность. Съ этою цѣлію одинъ изъ новѣйшихъ раскольническихъ писателей — Онисимъ Швецовъ написалъ даже сочиненіе, въ которомъ подвергъ критическому разбору одинъ, и единственный, какъ онъ полагалъ совсѣмъ несправедливо, списокъ Житія Александра Ошевенскаго и особенно содержащееся въ немъ свидѣтельство о троеперстіи. Совершенную несостоятельность этой критики, и напротивъ несомнѣнную подлинность Житія, равно какъ особую важность содержащагося въ немъ свидѣтельства о

перстосложеніи, господствовавшемъ у насъ во второй половинѣ XVI столѣтія, мы показали въ свое время[91]) и потому не имѣемъ нужды говорить теперь о всемъ этомъ. Мы укажемъ теперь, соотвѣтственно нашей задачѣ, только «авторитетность» свидѣтельства, о которомъ идетъ рѣчь. Ѳеодосій, священноинокъ обители Александра Ошевенскаго, очевидно не имѣлъ намѣренія приведенными словами учить кого-либо троеперстію, или распространять и утверждать этотъ обрядъ (хотя, въ виду недавняго постановленія Стоглаваго собора о двуперстіи, казалось бы, и была въ томъ надобность); напротивъ, онъ безъ всякаго намѣренія, какъ бы мимоходомъ, описывая только постигшее его наказаніе, упоминаетъ о томъ, что̀ считалъ для всѣхъ извѣстнымъ, — именно, что желая сотворить крестное знаменіе, едва могъ сложить потребные для этого «три верхніе перста». Если бы троеперстіе не было въ его время общеупотребительнымъ на Руси обрядомъ, онъ не могъ бы такъ говорить о немъ своимъ читателямъ, — читатели не поняли бы его и пришли бы въ недоумѣніе, зачѣмъ нужно ему было усиливаться сложить «три верхніе перста» для крестнаго знаменія, когда для этого требуется, напротивъ, сложить большой перстъ съ двумя нижними, и самое крестное знаменіе изобразить двумя перстами — указательнымъ и великосреднимъ. И если бы писатель Житія принадлежалъ (допустимъ) къ числу немногихъ сторонниковъ троеперстія при (якобы) господствовавшей уже тогда распространенности узаконеннаго Стоглавымъ соборомъ двуперстія, онъ или совсѣмъ не сталъ бы говорить о трехъ перстахъ, или говорилъ бы совсѣмъ иначе, въ иномъ тонѣ и духѣ, а не съ тѣмъ спокойствіемъ, простотою и увѣренностію, какъ говорилъ. Итакъ, въ Житіи преп. Александра Ошевенскаго мы имѣемъ несомнѣнно «авторитетное» свидѣтельство о томъ, что троеперстіе оставалось общеупотребительнымъ на Руси обрядомъ

---

[19]) См. въ *Брат. Сл.* 1875 г. статью: „Два примѣчательныя свидѣтельства древности о перстосложеніи для крестнаго знаменія“ (отд. II, стр. 141 и слѣд.).

перстосложенія и послѣ Стоглаваго собора, во второй половинѣ XVI столѣтія.

То же самое подтверждаютъ свидѣтельства двухъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ послѣдніе годы XVI и первые XVII столѣтія, — свидѣтельства Петрея и Олеарія. Петрей, посланникъ шведскаго короля, былъ въ Россіи нѣсколько разъ — при Борисѣ Годуновѣ, въ смутное время и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; при этомъ послѣднемъ государѣ былъ не одинъ разъ въ Москвѣ и секретарь голштинскаго посольства Олеарій. Оба иностранца съ большимъ вниманіемъ изучали нравы и обычаи русскаго народа и съ признаннымъ безпристрастіемъ изложили свои наблюденія въ своихъ запискахъ о Россіи. Говоря здѣсь о религіозномъ бытѣ русскаго народа, тотъ и другой со всею точностію описали, какъ русскіе молятся и какъ слагаютъ персты на молитву. Петрей пишетъ: «въ домахъ у москвитянъ, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ, есть живописные образа... при входѣ и выходѣ они кланяются и крестятся предъ образами.. особливо когда идутъ спать, встаютъ съ постели, выходятъ изъ-за стола, или изъ дому, и опять входятъ въ него, они наклоняютъ голову и крестятся три раза *тремя согнутыми* (сложенными?) *перстами — большимъ, указательнымъ и самымъ длиннымъ*». Точно такъ же и Олеарій замѣчаетъ: «русскіе для осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ употребляютъ сложенными *три главныхъ перста правой руки*». Въ «авторитетности» свидѣтельствъ этихъ иностранцевъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Понятно, что они не имѣли никакого побужденія тенденціозно говорить въ пользу троеперстія, а просто передаютъ свои наблюденія, — записываютъ то, что̀ видѣли въ Москвѣ, и видѣли не только въ боярскомъ и служебномъ кругу, съ которымъ имѣли ближайшія сношенія, но и у простаго народа, который интересовалъ ихъ еще болѣе, — Петрей прямо говоритъ о бѣдныхъ и богатыхъ. А что наблюдали они очень внимательно, какъ русскій народъ крестится, и вѣрно передали свои наблюденія, это очевидно для каждаго, особенно въ разсказѣ Петрея. Итакъ вотъ два наблюдательные

иностранца согласно свидѣтельствуютъ, что въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій у насъ въ Россіи всѣ, и знатные и простолюдины, и богатые и бѣдные, т.-е. и книжные и некнижные, грамотные и неграмотные, крестились троеперстно. О томъ, чтобы случалось имъ видѣть между москвитянами крестившихся иначе, ни Петрей, ни Олеарій не упоминаютъ; а они упомянули бы, конечно, если бы встрѣчали такихъ, особенно же если бы между троеперстниками и двуперстниками происходили неизбѣжныя столкновенія и споры, которые не остались бы незамѣченными для наблюдательныхъ иностранцевъ.

Къ свидѣтельствамъ Петрея и Олеарія присоединимъ русское повѣствованіе того-же времени о пребываніи у насъ одного иностранца же, Іерусалимскаго патріарха Ѳеофана. И г. Каптеревъ и преосв. Никаноръ привели цѣликомъ любопытную «Записку, какъ служилъ Ѳеофанъ патріархъ Іерусалимскій литоргію съ русскими митрополиты, съ Казанскимъ Матѳеемъ и со архіепископы»[92]). Оба эти писателя привели «Записку» въ подтвержденіе того, какъ подозрительно и свысока смотрѣли русскіе на грековъ въ началѣ XVII столѣтія[93]); но мы полагаемъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ она можетъ быть разсматриваема, какъ свидѣтельство о всеобщей распространенности у насъ троеперстія въ то время, когда посѣтилъ Россію патріархъ Ѳеофанъ, т.-е. предъ самымъ патріаршествомъ Филарета, — въ ней мы находимъ косвенное подтвержденіе того, что̀ писали объ употребляемомъ русскими перстосложеніи Петрей и Олеарій. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ видимъ мы въ «Запискѣ» о служеніи литургіи патріархомъ Ѳеофаномъ

---

92) Записка эта находится въ рукописи библ. Москов. Д. Академіи (№ 202); въ описаніи академическихъ рукописей о. архим. Леонида, въ прилож. къ 1-му выпуску, напечатана вполнѣ.

93) См. Каптерева „Патріархъ Никонъ“ стр. 32—35, въ прим.; архіеп. Никанора „Бесѣда о перстосложеніи“, стр. 367—371. При сличеніи оказывается, что преосвящ. Никаноръ буквально выписалъ изъ книги г. Каптерева (однако не указывая того) не только подлинный текстъ Записки“, но и разсужденія объ ней г. Каптерева, со словъ: „ироническія слова патріарха Ѳеофана“ и проч., какъ бы свои собственныя...

въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ? Видимъ, что сослужившіе ему русскіе, отъ митрополита и архіепископовъ до архидіакона и діакона, внимательнѣйшимъ образомъ слѣдятъ за всѣми дѣйствіями патріарха, примѣчаютъ въ нихъ малѣйшія отступленія отъ московскихъ чиновъ и обычаевъ, и тутъ же, нисколько не стѣсняясь, дѣлаютъ ему замѣчанія объ этихъ отступленіяхъ, требуя, чтобы онъ дѣлалъ такъ, какъ дѣлается на Москвѣ: обращаютъ вниманіе на то, что у патріаршаго архимандрита «ризы не по чину», — оплечья и подолниковъ нѣтъ, у дьякона на стихарѣ «такожъ оплечья нѣтъ, ни подпазушныхъ проймовъ», у самого патріарха «шапка безъ опушки», панагія поверхъ саккоса[94]) и омофора, серебряный подсвѣщникъ «по своему ихъ (греческому) обычаю учиненъ на три шалдана, а въ тѣхъ шалданѣхъ по свѣщѣ[95]), и онъ тѣми свѣшами учалъ осѣняти кругомъ на всѣ четыре страны», дѣлаютъ замѣчаніе патріарху, чтобы онъ, «какъ прежде сего», заздравныхъ просфоръ не вынималъ въ херувимскую пѣснь, — «у насъ, говорили, того чину не ведется, и тебѣ бы, государь, такожъ нынѣ вынимати заздравные просфоры въ подобно время съ нами, а не въ херувимскую пѣснь», и проч. Такъ ревниво наблюдаютъ за всѣми дѣйствіями патріарха во время службы, и за всякую мелочь, даже за неимѣніе «подпазушныхъ проймовъ» на стихарѣ, дѣлаютъ замѣчанія ему и его спутникамъ! Но вотъ что̀ удивительно, — среди этихъ замѣчаній мы не находимъ замѣчанія о главномъ, на что̀ русскіе ревнители должны бы обратить особенное вниманіе: патріарху не сдѣлано никакого замѣчанія о томъ, какъ онъ крестился и благословлялъ, какія употреблялъ для этого перстосложенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ патріархъ Ѳеофанъ крестился и благословлялъ, и почему о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія ему не сдѣлали никакого замѣчанія,

---

94) Въ рукописи: „верху *сана*“; но это, очевидно, описка, — вмѣсто „сана“ должно быть „сака“ (саккоса).

95) У г. Каптерева напечатано: „на три шадана (шандана), а въ тѣхъ шанданѣхъ“. Преосв. Никаноръ воспроизводитъ эту произвольную поправку.

тогда какъ не оставили безъ замѣчанія даже неимѣніе опушки на митрѣ, подолниковъ на ризѣ, подпазушныхъ проймовъ на стихарѣ? Андрей Денисовъ отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ (какъ и отвѣчалъ дѣйствительно), что патріархъ Ѳеофанъ крестился и благословлялъ двуперстно, чѣмъ и свидѣтельствовалъ о своемъ православіи, что поэтому русскіе, искони крестившіеся двуперстно же, и не могли дѣлать ему замѣчаній относительно перстосложенія для крестнаго знаменія и благословенія. Такимъ отвѣтомъ, съ раскольнической точки зрѣнія, вопросъ рѣшался бы вполнѣ. Но времена Денисова миновали; теперь и самъ г. Каптеревъ признаетъ за несомнѣнное, что во времена патріарха Ѳеофана греки употребляли уже для крестнаго знаменія троеперстное сложеніе и слѣдовательно для благословенія — именословное. Значитъ и патріархъ Ѳеофанъ, молясь и благословляя, употреблялъ эти же перстосложенія [96]), и было бы крайнею несообразностію допустить, что онъ, равно какъ всѣ составлявшіе его свиту греки, пріѣхавъ въ Москву, измѣнили свое перстосложеніе на другое, употреблявшееся въ Москвѣ: это было бы дѣломъ, не соотвѣтствующимъ характеру и достоинству патріарха Ѳеофана, и просто дѣломъ неудобоисполнимымъ для грековъ. Итакъ несомнѣнно, что патріархъ Ѳеофанъ, служа въ Успенскомъ соборѣ, крестился троеперстно и благословлялъ именословно. Такъ почему же русскіе, столь внимательно подмѣчавшіе въ его служеніи каждое мелкое отступленіе отъ ихъ собственнаго «чина» и дѣлавшіе ему замѣчанія по поводу этихъ отступленій, не обратили вниманія на то, что онъ крестится тремя

---

96) Напомнимъ здѣсь кстати, что именно патріархъ Ѳеофанъ „принесъ съ собою въ царствующій градъ Москву десницу мощей преподобнаго отца Компеноса, „архимандрита обители Пресвятыя Богородицы, яже близъ Иконіи, многотрудно гробъ Господень и прочая святая мѣста посѣтившаго и по преставленіи явльшагося мощми честными, въ нетлѣніи пребывающими, каковая десница имать три первыя персты совокуплены, свидѣтельствующыя, что тако тотъ преподобный отецъ во всемъ житіи крестное знаменіе творяше" (См. напечатанную въ 1677 г. книжицу: „Извѣщеніе чудесе о сложеніи трієхъ первыхъ перстовъ").

перстами и въ благословеніи употребляетъ именословное перстосложеніе? Почему не сдѣлали ему замѣчанія за это, по понятіямъ русскихъ, чрезвычайно важное отступленіе отъ ихъ «чина», если бы тутъ было дѣйствительно такое отступленіе? — Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: потому не дѣлали, что тутъ и не было отступленія отъ господствовавшаго въ Россіи обряда, — что троеперстное и именословное перстосложенія русскіе привыкли видѣть и у себя, что хотя и были у насъ въ то время немногіе сторонники двуперстія, но общераспространеннымъ и общеупотребительнымъ обрядомъ было троеперстіе, какъ засвидѣтельствовали это Петрей и Олеарій, почти одновременно съ патріархомъ Ѳеофаномъ бывшіе въ Москвѣ. «Записка» очевидца-россіянина о служеніи Іерусалимскаго патріарха Ѳеофана въ Успенскомъ соборѣ является такимъ образомъ, въ связи съ свидѣтельствами этихъ двухъ иностранцевъ, новымъ подтвержденіемъ того, что въ первой четверти XVII столѣтія, предъ самымъ патріаршествомъ Филарета, троеперстіе продолжало быть господствующимъ и общераспространеннымъ у насъ обрядомъ перстосложенія для крестнаго знаменія.

При патріархѣ Филаретѣ, въ напечатанномъ въ его патріаршество Великомъ Катихизисѣ, встрѣчаемъ мы первую попытку внести ученіе о двуперстіи въ печатныя книги, — и эта первая попытка представляетъ любопытные признаки того, какъ еще нерѣшительно и неувѣренно издатели Катихизиса, очевидно, державшіеся двуперстія, вносятъ наставленіе о немъ въ издаваемую книгу, какъ они дѣлаютъ невольную уступку издревле существовавшему на Руси и общераспространенному въ народѣ обряду троеперстія, о которомъ писалъ и самъ составитель Катихизиса, какъ о православномъ и всѣми православными употребляемомъ. Извѣстно, и мы говорили уже въ своемъ мѣстѣ, что въ Великомъ Катихизисѣ первый отвѣтъ о крестномъ знаменіи прямо и рѣшительно говоритъ, что крестное знаменіе должно полагать тремя перстами: «сице знаменаемся: сложивше убо *три персты десныя руки, и возлагаемъ* на чело, таже на животъ, и на десное и на лѣвое

рамо». Затѣмъ уже, въ слѣдующемъ отвѣтѣ, довольно сбивчиво и въ явное противорѣчіе первому отвѣту, излагается ученіе о двуперстіи. Даже въ печатныхъ книгахъ, изданныхъ и при патріархѣ Іосифѣ, какъ бы невольно проскользаетъ признаніе древности и правильности троеперстія: такъ, въ Кирилловой книгѣ (л. 235 об.) помѣщено «Преніе Панагіота съ Азимитомъ», гдѣ свидѣтельство о перстосложеніи излагается не въ испорченной редакціи, на которую стали потомъ ссылаться раскольники (Денисовъ и его послѣдователи), а въ той самой, какую приводитъ митрополитъ Макарій въ іюньской книгѣ своихъ Четіихъ-Миней и которая такъ ясно свидѣтельствуетъ, что греки крестились тремя персты, а латыняне — двумя. Но въ Іосифовскихъ книгахъ наставленіе о двуперстіи, съ ссылками на мнимое слово Ѳеодорита и другія подобныя свидѣтельства, проводится уже рѣшительно и настойчиво издателями этихъ книгъ, очевидно, ревнителями двуперстія. Всего важнѣе то, что наставленіе это внесено было въ учительныя и учебныя книги — Книгу о вѣрѣ, Кириллову, Псалтырь учебную, малый Катихизисъ. Грамотники, читавшіе этѣ книги, и особенно молодые люди, учившіеся по нимъ и воспитавшіеся на нихъ, полагаясь на приведенныя здѣсь мнимо-отеческія свидѣтельства, дѣлались уже двуперстниками и ревнителями двуперстія. Между тѣмъ люди старые, даже изъ грамотныхъ, и простолюдины, не умѣвшіе читать и не находившіеся въ близкихъ сношеніяхъ съ грамотниками, учившими двуперстію (а неграмотные составляли, разумѣется, громадное большинство) продолжали креститься по старому, тремя персты, какъ научены были отъ отцевъ и дѣдовъ. Первые опирались на «писаніе», т.-е. на приведенныя въ печатныхъ книгахъ мнимоотеческія свидѣтельства, послѣдніе — на преданіе, на исконный, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ наслѣдованный, обычай. Такъ было при патріархѣ Іосифѣ, предъ самымъ появленіемъ раскола. Именно объ этомъ и говорятъ намъ свидѣтельства, которыя мы должны теперь привести. Свидѣтельства эти, представляютъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайную важность, и именно потому, что

говоря о времени патріарха Іосифа, они со всею ясностью и «авторитетностію» удостовѣряютъ, что даже и въ это время, наканунѣ раскола, двуперстіе вовсе не было у насъ единственнымъ и общепринятымъ обрядомъ перстосложенія, напротивъ, огромное большинство народа продолжало креститься троеперстно, и что начавшіе креститься двуперстно утверждались собственно на Ѳеодоритовомъ словѣ и подобныхъ ему «писаніяхъ», а продолжавшіе креститься троеперстно утверждались на преданіи, наслѣдованномъ отъ предковъ и восходящемъ, безъ сомнѣнія, какъ свойственно преданію, къ древнѣйшимъ временамъ, — ко времени самаго просвѣщенія Россіи христіанствомъ. Что же имѣетъ преимущественную важность для доказательства древности и всеобщности обряда, — ссылаться ли на «писаніе» недавняго происхожденія, сомнительнаго достоинства, даже несомнѣнно ложное, или ссылаться на живое преданіе, идущее изъ рода въ родъ?

Остановимся прежде всего на свидѣтельствѣ Игнатія митрополита Сибирскаго, который, будучи близкимъ современникомъ возникновенія и распространенія раскола, сообщаетъ нѣсколько относящихся къ этимъ событіямъ историческихъ извѣстій. Митрополитъ Игнатій у нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ не пользуется уваженіемъ какъ писатель о расколѣ; но едва ли такое отношеніе къ нему справедливо. Въ его посланіяхъ есть конечно недостатки, объясняемые его, вполнѣ законнымъ впрочемъ, отвращеніемъ отъ раскола, есть сужденія, съ которыми нельзя согласиться, есть и мелкія историческія невѣрности; но было бы несправедливо подвергать вообще сомнѣнію справедливость именно историческихъ его извѣстій[97]). Мы признаемъ несомнѣннымъ (и нѣтъ никакого

[97]) Митрополиту Игнатію ставятъ, наприм., въ вину, что онъ выдалъ Неронова, Аввакума и прочихъ расколоучителей за справщиковъ книгопечатнаго двора, тогда какъ въ спискахъ справщиковъ Іосифовскаго времени, получавшихъ жалованье, они совсѣмъ не значатся. Ссылаясь на Игнатія, нѣкоторые наши историки (наприм. м. Макарій въ исторіи раскола) дѣйствительно называютъ Неронова, Аввакума и прочихъ справщиками; но м. Игнатій тутъ ни при чемъ; его неправильно поняли, — онъ совсѣмъ не называетъ расколоучи-

основанія отвергать ихъ) слѣдующія, очень важныя для насъ, извѣстія митрополита Игнатія: а) онъ свидѣтельствуетъ, что ревнители двуперстія, заправлявшіе при патріархѣ Іосифѣ дѣлами на книгопечатномъ дворѣ, намѣренно внесли наставленіе о двуперстіи, съ свидѣтельствомъ мнимаго Ѳеодорита, въ печатныя книги, особенно въ учительныя и учебныя, по которымъ «учахуся дѣти божественныхъ писаній чтенію»; б) онъ утверждаетъ, что, основываясь на свидѣтельствѣ и наставленіи этихъ печатныхъ книгъ, «освященный чинъ», — самъ патріархъ Іосифъ и прочіе архіереи, также и священники, — затѣмъ «новіи (люди) и секрати, сирѣчь младіи, *начаша*» креститися двуперстно, а «зѣло престарѣлые люди того ученія не пріяша», то-есть продолжали креститься по старому троеперстно; в) онъ представляетъ замѣчательный примѣръ такого послѣдованія печатнымъ книгамъ въ измѣненіи троеперстія на двуперстіе, именно въ лицѣ самого патріарха Никона. Патріархъ Никонъ, какъ и другія тогдашнія лица высшаго духовенства въ Москвѣ, началъ «двоицею перстовъ на себѣ святый крестъ изображати», и когда (повѣствуетъ Игнатій) прибыли въ Москву восточные патріархи —

телей справщиками книгопечатнаго двора, занимавшими эту должность и получавшими за то жалованье; онъ говоритъ только, и вполнѣ справедливо, что патріархъ Іосифъ предоставилъ имъ главный надзоръ за печатаніемъ книгъ, что они распоряжались на печатномъ дворѣ, — распоряжались и самими справщиками. „Святѣйшій патріархъ московскій Іосифъ (читаемъ у него), мужъ престарѣлый, все оно исправленіе книгъ *возложи на совѣтъ* вышеупомянутыхъ протопоповъ и поповъ и ничтоже о семъ печашеся, ввѣришася убо ему“. (стр. 92 по казан. изд.). И далѣе, говоря о печатаніи Книги о вѣрѣ, замѣчаетъ: „И паки протопопы и попы вышепомянути *присовѣтоваша*, да и въ той книзѣ положатся оная исказительная толкованія подъ именемъ блаженнаго Ѳеодорита“. Итакъ напрасно говорятъ, будто м. Игнатій называетъ Неронова, Аввакума и прочихъ „справщиками“ и видятъ въ этомъ образчикѣ невѣрности его историческихъ сообщеній. Онъ выставляетъ будущихъ расколоучителей не справщиками въ собственномъ смыслѣ, а только распоряжающимися на книго-печатномъ дворѣ. И въ этомъ нельзя сомнѣваться. Неронова съ Аввакумомъ и прочими дѣйствительно при патріархѣ Іосифѣ

Аѳанасій Константинопольскій, Паисій Іерусалимскій, Макарій Антіохійскій, они, увидѣвъ, что Никонъ крестится двуперстно, удивились и сдѣлали ему замѣчаніе о неправильности такого перстосложенія и несоотвѣтствіи его общему на православномъ востокѣ обычаю[98]). Что же отвѣтилъ имъ Никонъ? По свидѣтельству Игнатія онъ «зелнѣ оскорбися и рече: како вы глаголете на мя гордынею и уничиженіемъ? *Азъ бо имѣю у насъ въ Россіи о томъ сложеніи печатныя книги*». И далѣе, въ отвѣтъ патріархамъ, пожелавшимъ узнать, давно ли на Руси явились такія книги, указалъ на книги, напечатанныя не ранѣе десяти лѣтъ тому назадъ, т.-е. въ патріаршество Іосифа. Итакъ и самъ патріархъ Никонъ научился двуперстію изъ нашихъ русскихъ печатныхъ книгъ, и въ защиту его могъ сослаться только на этѣ книги; а такъ какъ въ юности, подобно большинству тогдашнихъ двуперстниковъ, и онъ крестился троеперстно, то свидѣтельство патріарховъ о всеобщемъ употребленіи троеперстія на православномъ востокѣ должно было произвести на него сильное впечатлѣніе, заставить его тщательно заняться вопросомъ о перстосложеніи и, по рѣшеніи этого вопроса, явиться уже ревностнымъ воз-

---

имѣли большую силу и въ Крестовой палатѣ и на Печатномъ Дворѣ, и очень дорожили своимъ здѣсь вліяніемъ. Патріархъ Никонъ тѣмъ прежде всего и обидѣлъ ихъ, тѣмъ и вызвалъ на оппозицію себѣ, что, по откровенному сознанію Аввакума, „пересталъ пускать ихъ въ Крестовую". А какъ дорожили они вліяніемъ на Печатномъ Дворѣ, видно изъ того, что, когда до Аввакума дошелъ слухъ, будто его хотятъ посадить на Книгопечатномъ Дворѣ, то онъ замѣтилъ: „это мнѣ лучше и духовничества", которое будто бы тоже хотѣли предложить ему, т.-е. лучше, чѣмъ быть царскимъ духовникомъ.

[98]) Спрашиваютъ обыкновенно: почему прежде приходившіе въ Россію восточные патріархи, Іеремія и Ѳеофанъ, не зазирали русскихъ за употребляемое ими перстосложеніе, а начинаютъ зазирать приходившіе въ послѣдніе годы патріаршества Іосифова и въ началѣ Никонова? Денисовъ, съ которымъ согласны и всѣ раскольники, отвѣчаетъ: потому, что Іеремія и Ѳеофанъ, не утратившіе православія, и сами крестились такъ же, какъ русскіе, т.-е. двуперстно, а Паисій, Макарій и прочіе, зазиравшіе Никону, утративъ якобы православіе, крестились уже не такъ, какъ русскіе т. е., троеперстно.

становителемъ въ русской церкви издревле и до самаго того времени употреблявшагося въ ней троеперстія.

Приведенное свидѣтельство митрополита Игнатія получаетъ авторитетъ полной справедливости, будучи сопоставлено съ свидѣтельствомъ самого п. Никона.

Въ извѣстномъ «Словѣ отвѣщательномъ», съ которымъ обратился онъ къ россійскимъ архипастырямъ на соборѣ 1656 года, Никонъ говорилъ: «Зазираху нашему смиренію, мнѣ патріарху Никону, приходящіи къ намъ въ царствующій градъ Москву, потребъ своихъ ради святыя восточныя церкви святѣйшіи вселенстіи патріархи... и поношаху ми много въ церковныхъ вещехъ, отъ нихже едина есть и сія, яко... двѣма (персты) изобразующе творимъ на лицѣ нашемъ знаменіе креста, отъ Ѳеодоритова писанія невѣдѣніемъ внесшееся въ печатныя книги... а не повелѣніемъ коего царя, или патріарха, ниже соборомъ когда сошедшихся архіерей. *Прежде бо того вси тремя первыми персты изображаху крестное знаменіе на*

Съ точки зрѣнія раскольниковъ отвѣтъ былъ бы, конечно, вполнѣ удовлетворительнымъ; но они должны отказаться отъ него и признать его несостоятельнымъ послѣ того, какъ и самъ г. Каптеревъ, авторитетный для нихъ писатель, признаетъ несомнѣннымъ, что греки временъ патріарховъ Іереміи и Ѳеофана крестились уже троеперстно. Итакъ раскольниками вопросъ не рѣшенъ. Преосв Никаноръ въ своей книгѣ даетъ такое рѣшеніе предложеннаго вопроса: патріархи Іеремія и Ѳеофанъ, говоритъ онъ, потому не зазирали недостатки русскихъ, что пребывали на Руси „какъ въ невогѣ, подъ строгимъ надзоромъ“, что „сами русскіе зазирали ихъ въ каждомъ шагѣ, въ каждомъ словѣ и въ движеніи“ (въ подтвержденіе чего и приводитъ уже извѣстную читателямъ „записку“ о служеніи п. Ѳеофана въ Успенскомъ соборѣ); это было, прибавляетъ онъ, еще „до рукоположенія п. Филарета“, когда „сей властный патріархъ еще не начиналъ обуздывать разшатавшуюся московскую вольницу. А патріарху Ѳеофану раздражать эту вольницу какими-либо зазрѣніями не приходилось, было не только безплодно, а даже опасно. Но когда власть царя на Москвѣ подтвердилась, когда Алексѣй Михаиловичъ и патріархи московскіе обнаружили благосклонность слушать и слушаться іерарховъ восточной церкви, тогда сіи послѣдніе сразу же (?) почали (?) обличать московскіе церковные порядки и строго и настойчиво“ (стр. 371—372). Не касаясь того, согласно ли все ска-

себѣ во образъ Святыя Троицы, *якоже и нынѣ многихъ еще видѣти есть, елицы не вѣдаютъ Ѳеодоритова писанія, якоже въ простыхъ мужехъ и во всѣхъ женахъ, отъ древняго обычая держащихъ*» [99]).

Патріархъ Никонъ говорилъ свое «слово», конечно, съ цѣлію оправдать свои заботы о возстановленіи троеперстія на мѣсто начавшаго распространяться двуперстія; но въ приведенномъ мѣстѣ онъ только излагаетъ предъ соборомъ россійскаго духовенства историческія обстоятельства, несомнѣнно извѣстныя его слушателямъ: ибо иначе онъ не сталъ бы и говорить объ нихъ (а потомъ и печатать въ Скрижали), зная, что каждый можетъ видѣть и обличить невѣрность его сообщеній, еслибы таковая была въ нихъ. Что же онъ сооб-

---

занное съ характеромъ патріарховъ Іереміи и Ѳеофана, замѣтимъ только, что если обстоятельства, при которыхъ находился въ Россіи п. Ѳеофанъ, были дѣйствительно таковы, какими изображаетъ ихъ авторъ, то п. Іеремія находился въ Россіи при иныхъ обстоятельствахъ, не имѣлъ тѣхъ препятствій „зазирать" московскіе чины и обряды (особенно обрядъ перстосложенія), какія могъ встрѣтить п. Ѳеофанъ, однакоже не зазиралъ ихъ. И самъ п. Ѳеофанъ, молчавшій до поставленія Филарета на патріаршество, потомъ, поставивъ его, развѣ не могъ высказать свои замѣчанія этому властному патріарху, значеніе котораго для Россіи и русской церкви, безъ сомнѣнія, понималъ? Вѣдь обратилъ же онъ вниманіе Филарета на дѣло архимандрита Діонисія, пострадавшаго за исправленіе Потребника. Мы полагаемъ, что въ виду свидѣтельствъ Петрея и Олеарія о всеобщемъ употребленіи у насъ троеперстія въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, и въ виду указаннаго нами значенія самой „записки" о служеніи п. Ѳеофана въ Успенскомъ соборѣ, правильнѣе будетъ дать такой отвѣтъ на предложенный вопросъ, потому патріархи Іеремія и Ѳеофанъ не зазирали русскихъ за употребленіе двуперстія, что они въ Россіи и не видѣли двуперстія, а видѣли русскихъ крестящимися, такъ же какъ и они, троеперстно; когда же потомъ, съ помощію печатныхъ книгъ, распространилось у насъ двуперстіе среди грамотныхъ людей, и, какъ свидѣтельствуетъ митр. Игнатій, особенно „освященный чинъ" — сами патріархи Іосифъ и Никонъ, — крестились уже двуперстно, восточные святители не могли не обратить вниманія на этотъ новый обрядъ, не согласный употребляемому на всемъ православномъ востокѣ, — и „зазираютъ" его.

[99]) Скрижаль. Слово отвѣщ.

щаетъ? — То же самое, что впослѣдствіи писалъ митрополитъ Игнатій. Именно п. Никонъ свидѣтельствуетъ предъ соборомъ: а) что восточные патріархи, незадолго передъ тѣмъ пріѣзжавшіе въ Россію, зазирали его за употребленіе двуперстнаго сложенія руки для крестнаго знаменія, б) что двуперстіе начало распространяться у насъ дѣйствительно съ недавняго времени, послѣ того какъ ученіе о двуперстіи съ мнимымъ Словомъ Ѳеодорита внесено въ печатныя книги, а троеперстіе существовало издревле, — что «прежде», т.-е. до изданія печатныхъ книгъ, «всѣ крестились троеперстно», да и теперь такъ же троеперстно крестятся не знающіе Ѳеодоритова писанія простые мужи и жены, в) что начавшіе креститься двуперстно утверждались именно на печатныхъ книгахъ, особенно на Ѳеодоритовомъ Словѣ, а продолжавшіе креститься троеперстно, не знавшіе Ѳеодоритова Слова, утверждались на «древнемъ обычаѣ», на преданіи, наслѣдованномъ отъ предковъ.

Таково свидѣтельство, данное самимъ патріархомъ Никономъ въ 1656 году, — свидѣтельство, характера чисто историческаго и потому вполнѣ «авторитетное».

Спустя десять лѣтъ послѣ этого, во время открытыхъ уже и сильныхъ проявленій раскола, выступившаго на защиту двуперстія, архипастыри русской церкви, бывшіе на соборѣ 1666 года, въ своемъ «соборномъ изреченіи» засвидѣтельствовали о троеперстіи: «тако имутъ вси народи христіанстіи издревле и донынѣ неизмѣнно; подобно и *отцы наши и дѣды и прадѣды, издревле другъ отъ друга пріемлюще,* тако знаменовахуся, якоже *и нынѣ видимъ мужей поселянъ, неизмѣнно изъ древняго обычая тако знаменающихся тремя первыми персты*»[100]). Русскіе митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты и игумены, собравшіеся на соборъ 1666 г., не говорятъ о самихъ себѣ, что всегда неизмѣнно крестились тремя персты: этимъ они даютъ понять, что, слѣдуя печатнымъ книгамъ, подобно патріарху Никону, упо-

---

[100]) См. соб. дѣяніе по изд. Брат. св. Петра м. ч. I, л. 42.

требляли передъ тѣмъ двуперстіе, о чемъ мы видѣли извѣстіе митр. Игнатія. Но они положительно свидѣтельствуютъ: а) что ихъ «отцы и дѣды и прадѣды» крестились троеперстно, «издревле другъ отъ друга пріемлюще» этотъ способъ перстосложенія, и б) что такъ же, троеперстно, продолжали креститься въ ихъ время, на ихъ глазахъ («видимъ тако знаменающихся») мужіе поселяне, «неизмѣнно» (значитъ сами они, отцы собора, измѣняли передъ тѣмъ старое на новое), и слѣдуя именно «древнему обычаю», примѣру отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ.

Въ слѣдующемъ 1667 году великій соборъ, составившійся подъ предсѣдательствомъ трехъ патріарховъ, въ своихъ дѣяніяхъ повторилъ то же самое свидѣтельство: «*и нынѣ видится* и въ Россіи, яко *мужіе поселяне неизмѣнно изъ древняго обычая знаменуются тремя первыми персты*»[101]).

Разсмотрѣнная соборомъ 1666 г. и утвержденная соборомъ 1667 г. книга «Жезлъ правленія» также свидѣтельствуетъ: «и въ великой Россіи мнози людіе старіи, *иже не прельстишася нѣкоего Θеодорита писаніемъ*, держатъ триперстное сложеніе неизмѣнно»[102]). Здѣсь опять гororится то же самое, только не о «мужахъ поселянахъ», не знающихъ грамоты, а о «людяхъ престарѣлыхъ», даже изъ числа грамотныхъ, что они «*неизмѣнно* держатъ триперстное сложеніе», и держатъ именно потому, что «не прельстились» мнимымъ Θеодоритовымъ «писаніемъ», какъ прельстились имъ молодые люди и другіе грамотники, *измѣнившіе* перстосложеніе, начавшіе вмѣсто троеперстія употреблять двуперстіе.

Это свидѣтельство книги «Жезлъ» буквально повторено потомъ въ книгѣ «Увѣтъ духовный», изданной патріархомъ Іоакимомъ въ 1682 году[103]).

Итакъ вотъ — патріархъ Никонъ, многочисленные отцы, бывшіе на соборахъ 1666 и 1667 гг., составитель книги

---

[101]) Тамъ же, ч. 11, л. 6.

[102]) См. „Жезлъ правл.“ Возобличеніе на 21-е Никитино обличеніе.

[103]) „Увѣтъ“ по изд. 1753 г. л. 100.

«Жезлъ», патріархъ Іоакимъ въ своемъ «Увѣтѣ» и митрополитъ Игнатій согласно и твердо засвидѣтельствовали, что въ ихъ время, во второй половинѣ XVII столѣтія, при самомъ возникновеніи раскола, троеперстіе оставалось еще въ Россіи обрядомъ общераспространеннымъ, что его продолжали держаться люди престарѣлые (изъ самихъ грамотныхъ), простолюдины («людіе поселяне») и женщины, — значитъ огромное большинство русскаго народа, — что держались они троеперстія «изъ древняго обычая», по преданію «отъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ», а двуперстіе распространено было только среди грамотныхъ, «прельстившихся» напечатаннымъ въ книгахъ учительныхъ и учебныхъ Ѳеодоритовымъ словомъ, а также среди молодыхъ людей, воспитанныхъ на этихъ книгахъ. И свидѣтельства эти, столь согласныя и ясныя, какъ свидѣтельства чисто историческаго характера, имѣютъ несомнѣнную «авторитетность».

Исчисленныхъ нами свидѣтелей, занимавшихъ высокое положеніе въ церкви, вполнѣ подтверждаютъ современныя имъ лица, совсѣмъ не имѣвшія такого положенія и потому являющіяся свидѣтелями, въ безпристрастіи которыхъ тѣмъ паче не можетъ быть сомнѣнія. Такихъ свидѣтелей представляютъ намъ, какъ извѣстно, Посошковъ въ своемъ «Зеркалѣ, изъявляющемъ расколы» и сочинитель «Сказанія» о миссіонерскихъ трудахъ архіепископа Питирима; такими же свидѣтелями являются братья Плещеевы, на которыхъ доселѣ никто не указывалъ. Ихъ свидѣтельство, какъ раннѣйшее другихъ, мы прежде всего и приведемъ.

Четыре брата Плещеевы — Савинъ, Григорій, Герасимъ и Андрей Васильевичи, состояли въ званіи стольниковъ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича. Въ юности, отъ своихъ родителей, священниковъ и учителей, у которыхъ учились грамотѣ, они были научены молиться троеперстно, какъ вообще крестились тогда на Руси. Но потомъ, прочитавши въ недавно изданныхъ печатныхъ книгахъ слово мнимаго Ѳеодорита и искаженное сказаніе о Мелетіи, оставили троеперстіе и начали креститься двуперстно, а познакомившись съ издателями

этихъ книгъ — Нероновымъ и Аввакумомъ[104]), сдѣлались даже ревнителями двуперстія, готовыми «умрети» за него. Первыя распоряженія патріарха Никона относительно исправленія нашихъ чиновъ и обрядовъ, были приняты ими крайне враждебно,—они готовы были видѣть въ этихъ распоряженіяхъ признакъ наступленія антихристовыхъ временъ, предсказаннаго въ Книгѣ о вѣрѣ[105]). Однако же Плещеевы не оставляли безъ вниманія и то, что̀ говорилось и писалось защитниками троеперстія. Такъ прочли они слово иподіакона Дамаскина, свидѣтельствующее, что греки его времени крестились троеперстно; прочли, конечно, по указанію другихъ, напечатанное въ Кирилловой книгѣ «Преніе Панагіота съ Азимитомъ», также свидѣтельствующее объ употреблявшемся издревле у грековъ троеперстіи; услышали и толкованіе сказанія о Мелетіи въ смыслѣ, благопріятствующемъ троеперстію: здѣсь, по ихъ собственнымъ словамъ, они «имѣли путеводителями преосвященныхъ архіереевъ россійскихъ, въ нихже бяху изящнѣйшій преосвященный Павелъ митрополитъ Сарскій и Подонскій, и Иларіонъ митрополитъ Рязанскій и Муромскій, и іереи нѣкоторыя благоразсудныя мужи». Особенно же сильное впечатлѣніе произвело на нихъ извѣстное событіе, когда на всенощной подъ праздникъ святителя Алексія, въ Чудовомъ монастырѣ, Антіохійскій патріархъ Макарій, по приглашенію царя Алексія Михайловича и патріарха Никона, торжественно свидѣтельствовалъ, что «всѣ четыре святѣйшіи патріархи со всѣми сущими подъ ними православными христіаны» крестятся троеперстно. «Мы же, — разсказываютъ о

---

104) О близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ братьевъ Плещеевыхъ къ Неронову и Аввакуму свидѣтельствуетъ происходившая между ними переписка.

105) Въ такомъ именно смыслѣ Плещеевы писали о распоряженіяхъ п. Никона къ Неронову, находившемуся въ ссылкѣ, котораго за это изгнаніе превозносили великими похвалами. Два письма ихъ къ Неронову извѣстны намъ по одному сборнику Уваровской библіотеки; такой же сборникъ съ письмами Плещеевыхъ есть въ Библ. Казан. Д. Академіи (См. Прав. Соб. 1858 г. ч. II, стр. 588 прим.).

себѣ братья Плещеевы, — слышавше и видѣвше сія, *помянухомъ, яко здѣ древніи и многолѣтніи мужіе и жены тако тремі первыми, купно сложенными персты знаменовахуся, и мы изъ младенчества такожде учими отъ родителей нашихъ, паче же отъ священниковъ и учителей нашихъ словеснаго наказанія*. И оттогда, добрѣ разсмотрѣвше о семъ, обратихомся вседушно ко святѣй церкви: отрекшеся двоеперстнаго знаменованія, начахомъ *по древнему родителей нашихъ наученію и обычаю* треми первыми персты знаменоватися, и людемъ возвѣщати, яко всѣмъ православнымъ христіаномъ подобаетъ творити знаменіе честнаго креста треми первыми персты». Съ цѣлію такого именно «извѣщенія» они сдѣлали описаніе всего изложеннаго выше, изъ котораго мы и привели нѣкоторыя подлинныя ихъ слова[106]).

Что же мы находимъ въ свидѣтельствѣ братьевъ Плещеевыхъ, современниковъ патріарха Никона, Неронова и Аввакума? а) Они утверждаютъ точно такъ же, какъ и выше приведенные свидѣтели, что въ ихъ время «здѣ (въ Россіи) древніе и многолѣтніе мужіе и жены» продолжали креститься троеперстно, и что ихъ собственные родители, особенно же священники (т.-е., какъ надобно полагать, духовные отцы) и учители словеснаго наказанія и сами крестились и ихъ учили креститься троеперстно же; б) они представляютъ въ своемъ лицѣ примѣръ того, какъ люди, даже наученные въ юности креститься троеперстно, подъ вліяніемъ напечатаннаго въ книгахъ наставленія о двуперстіи съ мнимоотеческими о немъ свидѣтельствами, перемѣняли троеперстіе на двуперстіе; в) они представляютъ въ своемъ же лицѣ поучительный примѣръ того, какъ люди, даже горячо преданные двуперстію, но не

[106]) Составленная братьями Плещеевыми статья находится въ сборникѣ XVII в. „Щитъ вѣры“ (Ркп. Син. Библ. № 346, л. 863—865). Такъ какъ эта любопытная статья, представляющая важное свидѣтельство о существованіи у насъ троеперстія даже въ XVII столѣтіи, доселѣ остается неизвѣстною (объ ней кратко упоминается только въ „Описаніи ркп. Синод. Библ.“ отд. 2, ч. III, стр. 524) и никѣмъ не проводилась въ качествѣ такого свидѣтельства, то мы признали неизлишнимъ напечатать ее въ приложеніи.

совсѣмъ закрывшіе свой слухъ для голоса истины и не омраченные враждою къ патріарху Никону, подъ вліяніемъ такихъ торжественныхъ свидѣтельствъ о троеперстіи, какъ сдѣланное патріархомъ Макаріемъ, возвращались къ своему древнему обычаю — креститься троеперстно.

Любопытно, что братья Плещеевы, убѣдившись въ правильности троеперстія и рѣшившись быть провозвѣстниками ея для другихъ, крестившихся двуперстно, пытались даже Аввакума возвратить отъ двуперстія къ троеперстію. Одинъ изъ нихъ, именно Андрей Плещеевъ, отъ лица всѣхъ братьевъ писалъ объ этомъ посланіе къ Аввакуму [107]). Упомянувъ о своемъ вразумленіи милосердіемъ и благодатію Божіею, онъ писалъ: «неподобаетъ убо и тебѣ, о господине, тако самомнѣніемъ оставити себе погибающа», и не подобаетъ думать, «акибы нововводно нѣчто въ церковь святую вносится». «Ни, убо, не буди то! но всяко погибшее обрѣтается и кривое исправляется, косвенное отметается и стропотное соглаждается... О крестномъ же воображеніи и триперстномъ сложеніи, молю тя, да не смущаешися: имаши бо извѣстно утвержденіе, аще прилежно читаеши божественное писаніе». И указываетъ Аввакуму именно то, чѣмъ самъ убѣдился въ правильности троеперстія: Кирилловой книги л. 236 (т.-е. напечатанное здѣсь «Преніе Панагіота съ Азимитомъ»), Скрижали л. 756 (т.-е. слово Дамаскина иподіакона) и особенно свидѣтельство вселенскихъ патріарховъ о троеперстіи. «И вси сущіи подъ ними христіане (прибавляетъ онъ), отъ востока и до запада, и сѣверныя страны... *и у насъ, въ Великіей Россіи, елицы не вѣдаютъ Θеодоритова правила, еже отъ невѣдѣнія напечатано во Псалтыряхъ со возслѣдованіемъ и въ Кирилловыхъ книгахъ, такожде творятъ знаменіе честнаго креста первыми тремя великими персты десныя руки*». Протопопа Аввакума Плещеевъ, разумѣется, не вразумилъ, напротивъ вызвалъ его только на бранный отвѣтъ [108]). Но для насъ

[107]) Посланіе напечатано въ „Православ. Собесѣд." 1858 г. т. 11, стр. 591—598.

[108]) Отвѣтъ писанъ Аввакумомъ и Спиридономъ Потемкинымъ, —

въ настоящемъ случаѣ важно не то, какъ отнесся Аввакумъ къ письму Плещеева, а то, что послѣдній даже и Аввакуму напоминаетъ обстоятельство и ему, конечно, извѣстное, — именно, что тогда «и у насъ въ Велицѣй Россіи», точно такъ же, какъ на всемъ православномъ востокѣ, сущемъ подъ патріархами, крестились троеперстно невѣдавшіе напечатаннаго во Псалтыряхъ и другихъ книгахъ Ѳеодоритова слова.

Свидѣтельство изъ книги Посошкова хорошо извѣстно[109]). Мы не будемъ поэтому излагать его подробно; передадимъ только существенное его содержаніе и укажемъ его «авторитетность».

Посошковъ свидѣтельствуетъ а) о себѣ, что въ молодости и онъ «знаменался двоперстнымъ сложеніемъ», но прибавляетъ, что и тогда не мудрствовалъ такъ, какъ «всесовершенніи раскольницы мудрствуютъ, глаголя, яко въ томъ ихъ двоперстномъ сложеніи все спасеніе», т.-е. не считалъ двуперстія, какъ считаютъ раскольники, великимъ догматомъ вѣры, нарушеніе котораго лишаетъ надежды спасенія. Прибавленіе, или замѣчаніе достойное вниманія: оно показываетъ, что въ концѣ XVII столѣтія были у насъ и такіе двуперстники (а прежде ихъ было можетъ быть и еще болѣе) которые не усвояли двуперстію того чрезвычайнаго значенія, какое придали ему двуперстники, отдѣлившіеся отъ церкви, т.-е. раскольники.

Затѣмъ б) Посошковъ разсказываетъ, что около 1690 года, когда ему было лѣтъ двадцать пять, пришлось ему встрѣтиться съ вологжаниномъ, посадскимъ человѣкомъ, Сергѣемъ Патрикѣевымъ, которому было тогда отъ роду болѣе шестидесяти лѣтъ, который родился значитъ въ концѣ 1620-хъ годовъ, до

онъ и помѣщается въ сборникахъ сочиненій Спиридона вслѣдъ за приводимымъ тамъ же письмомъ Плещеева (См. Опис. ркп. Хлудовской библіотеки стр. 517).

[109]) Свидѣтельство Посошкова приведено во второй части „Выписокъ Озерскаго“ (л. 348—350); подробно говорится о немъ и въ сочиненіяхъ преосвв. Павла и Никанора, — послѣдній даже сличаетъ текстъ печатнаго (Погодинскаго) изданія со спискомъ сочиненія Посошкова, принадлежащимъ библіотекѣ Казанской д. Академіи.

московскаго морового повѣтрія болѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ. Среди разговора, безъ особаго къ тому повода, старикъ Патрикѣевъ сказалъ Посошкову: «азъ на своемъ роду въ сложеніи перстовъ нажилъ третію перемѣну: *изъ младенчества моего отецъ мой и мати моя учили меня креститься тремя персты; а незадолго морового повѣтрія стали учить меня снова, еже бы*[110]) *двомя персты креститься;* а нынѣ де паки *попрежнему* велятъ креститься тремя же персты». Итакъ, вотъ новый свидѣтель, подтверждающій, что въ патріаршество Филарета отцы и матери еще учили дѣтей креститься троеперстно, и что потомъ, «не задолго до мору», т.-е. въ патріаршество Іосифа, когда распространены были книги съ наставленіемъ о двуперстіи, крестившихся троеперстно стали учить двуперстію, такъ что потомъ, когда состоялось соборное опредѣленіе о троеперстіи, этимъ лицамъ, въ дѣтствѣ крестившимся троеперстно, не представлялось большого труда возвратиться къ «прежнему» обычаю: такъ было съ стольниками Плещеевыми, такъ было и съ посадскимъ человѣкомъ — Патрикѣевымъ, — съ тѣми въ Москвѣ, съ этимъ въ Вологдѣ. Что этотъ вологжанинъ, посадскій человѣкъ, въ данномъ случаѣ свидѣтель вполнѣ «авторитетный», объ этомъ очень хорошо говоритъ самъ Посошковъ — этотъ русскій разумникъ: онъ указываетъ всѣ обстоятельства, которыя дѣлаютъ свидѣтельство Патрикѣева неподлежащимъ никакому сомнѣнію относительно его достовѣрности. «И я увѣрихся, — пишетъ онъ, — яко то есть правда: понеже той человѣкъ бѣ не книгочей и не спорщикъ, но самый мужъ праведный и постоянный и не краснословъ[111]), и ни отъ кого о семъ не наученный, но отъ самаго простаго сердца ту истину изъяви, не по вопрошенію какову, но по разглагольству между иными»[112]). Не начетчикъ, ведущій споры съ раскольниками, не красно-

---

[110]) Слова: „снова еже бы“ — находятся въ ркп. Каз. Ак.

[111]) Слова: „и постоянный и не краснословъ“ находятся въ ркп. Каз. Ак.

[112]) Тамъ же и эти слова: „не по вопрошенію какову, но по разглагольству между иными“.

словъ, способный прилгать ради краснаго словца и съ какою-либо цѣлію, а правдивый и постоянный человѣкъ, безъ особаго побужденія, не вызванный нарочно сдѣланнымъ вопросомъ, а такъ, между прочимъ, между другими разговорами, сообщаетъ о себѣ молодому человѣку, что на своемъ длинномъ вѣку помнитъ, какъ сначала крестились у насъ троеперстно и троеперстію учили дѣтей отцы и матери, какъ потомъ стали учить креститься двуперстно, а теперь возвратились къ прежнему, троеперстію: не есть ли это вполнѣ «авторитетное» свидѣтельство о томъ, что троеперстіе существовало и было у насъ общераспространеннымъ обрядомъ даже въ первой половинѣ XVII вѣка?

в) Спустя нѣсколько времени послѣ встрѣчи съ Патрикѣевымъ, если не въ томъ же 1690-мъ, то въ 1691 году, Посошковъ имѣлъ уже разглагольство о перстосложеніи съ кѣмъ-то, вѣроятно съ старообрядцами, и въ разглагольствѣ этомъ упомянулъ о своей встрѣчѣ съ Патрикѣевымъ, — разсказалъ, что̀ слышалъ отъ него о древности троеперстія. Тогда, — продолжаетъ Посошковъ, — присутствовавшій при разглагольствѣ «новгородецъ, посадскій человѣкъ, нарицаемый Ѳеодоръ, по прозванію Ташлыковъ, имый отъ рожденія своего вящши семидесяти лѣтъ, и того Вологжанина старѣе лѣтъ десятію, или вящше (слѣдовательно родившійся около 1610 года), то мое слово (о Патрикѣевѣ) слышавъ, рече: то де правда, *и мы де со младенчества учены были креститися тремя же персты*». Вотъ и новгородецъ подтверждаетъ слова вологжанина, — говоритъ, что онъ и его сверстники, т.-е. родившіеся въ самомъ началѣ XVII столѣтія, «съ младенчества учены были креститься троеперстно», — что, значитъ, троеперстіе было тогда именно общераспространеннымъ у насъ обрядомъ, которому, не основываясь на какомъ-либо «писаніи», а изъ древняго преданія, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, отцы и матери учили своихъ дѣтей.

г) Посошковъ даетъ еще одно важное свидѣтельство. Онъ говоритъ, что и въ то время, когда писалъ свою книгу, т.-е. въ 1709 г. «слышалъ, что есть въ дальнихъ городахъ отъ

Москвы и много таковыхъ стариковъ (какъ Патрикѣевъ и Ташлыковъ) еже (иже?) памятствуютъ о семъ, *яко изстари знаменалися вси въ Россіи треперстнымъ сложеніемъ*, токмо азъ въ лице ихъ не видѣхъ, и словесъ отъ нихъ ни каковыхъ не слышахъ»[113]). Въ первые годы XVIII столѣтія, дѣйствительно, могли быть старики, которые помнили, что въ половинѣ XVII-го въ Россіи, и особенно въ отдаленныхъ отъ Москвы мѣстахъ, куда не скоро проникли печатныя книги съ наставленіемъ о двуперстіи, *вси знаменалися троеперстнымъ сложеніемъ*. А что объ этомъ, равно какъ о Патрикѣевѣ и Ташлыковѣ, Посошкомъ сообщаетъ вѣрное извѣстіе, что самъ онъ свидѣтель достовѣрный, «авторитетный», въ этомъ могутъ убѣдить каждаго не только признанная честность его, нетолько клятвенное его увѣреніе: «аще кто речетъ, яко азъ сіе извѣстіе вѣщахъ своимъ вымысломъ, а не истинно... да пріиму я часть со лженачальникомъ діаволомъ въ вѣчномъ мученіи», но и приведенныя выше слова его о старикахъ отдаленныхъ отъ Москвы городовъ: «токмо азъ въ лице ихъ не видѣхъ и словесъ отъ нихъ никаковыхъ не слышахъ». Такъ остороженъ былъ честный Посошковъ въ своихъ извѣстіяхъ! — онъ не преминулъ замѣтить, что послѣднее извѣстіе сообщаетъ только по слуху. Такому свидѣтелю нельзя не вѣрить, и самое то, что̀ онъ сообщаетъ по слуху, достойно полнаго вниманія.

Свидѣтели, представленные іеромонахомъ Гуріемъ, повѣствователемъ не менѣе достовѣрнымъ, какъ и Посошковъ, совершенно такого же характера и такой же «авторитетности», какъ и представленные Посошковымъ. Сочиненіе Гурія мы напечатали въ 1889 г. (См. «Братское Сл.» т. I, и отдѣльное изданіе) и тогда же, въ предисловіи къ этому изданію, писали: «сообщенные (Гуріемъ) разсказы стариковъ, что прежде и они и отцы ихъ крестились троеперстно и только въ патріаршество Іосифа, по изданіи въ печатныхъ книгахъ (особенно въ Псалтири) наставленія о двуперстіи, начали требо-

---

113) Этихъ любопытныхъ словъ въ Погодинскомъ изданіи „Зерцала“ нѣтъ; они приведены у преосв. Никанора по ркп. Каз. Ак. (стр. 325).

вать отъ нихъ, чтобы крестились, слагая два перста, — разсказы эти, вмѣстѣ съ такими же, передаваемыми современникомъ Гурія, Посошковымъ, имѣютъ весьма большую важность, какъ доказательство, что русскій народъ всегда твердо держался древняго, отъ предковъ наслѣдованнаго обычая креститься троеперстно и что только по изданіи печатныхъ книгъ съ наставленіемъ о двуперстіи книжники начали вводить его, гдѣ могли, въ народное употребленіе». Приводить вполнѣ разсказы Гурія мы тѣмъ менѣе имѣемъ надобности, что они уже извѣстны нашимъ читателямъ[114]). Передадимъ опять сущность дѣла.

Въ основанномъ архіепископомъ Питиримомъ Бѣлбашскомъ монастырѣ жили два старца-иноки, отецъ и сынъ: отца звали Ефремомъ, а сына Нифонтомъ. Ефремъ скончался въ 1710 году 94-хъ дѣтъ отъ рожденія (значитъ, родился въ 1616 году), а Нифонтъ умеръ въ 1744 г., проживши на свѣтѣ почти сто лѣтъ (значитъ, родился около 1644 г.). Живя въ монастырѣ, Нифонтъ разсказалъ братіи, въ томъ числѣ и Гурію, а отецъ его подтвердилъ, слѣдующія любопытныя для насъ обстоятельства. Когда онъ, Нифонтъ, уйдя съ родины, изъ Костромскихъ предѣловъ, на заработки, былъ совращенъ керженскими раскольниками въ расколъ, то пожелалъ и отца отвлечь отъ церкви, особенно научить его двуперстію. Отецъ отвѣчалъ: «*я такъ отъ своего отца наученъ, тремы персты креститися, а сіе новое* (двуперстіе) *первые я слышу, и вси у насъ людіе тако персты слагаютъ*». Сынъ продолжалъ уговаривать отца, чтобы принялъ двуперстіе, при чемъ поносилъ троеперстіе обычными раскольническими клеветами, называя его печатію антихриста. Отецъ склонился на убѣжденія сына, но сказалъ ему: «послушалъ я тебя, сыне, да какъ бы и паки не сталъ ты разучивати! *А мы старое все держали*». Послѣ того Нифонтъ убѣжденіями Питирима возвращенъ былъ къ церкви и отправился къ отцу — про-

---

114) Преосв. Никаноръ также воспользовался сочиненіемъ Гурія и разсказы его привелъ вполнѣ (стр. 329—333).

сить его, чтобы также оставилъ расколъ, а съ нимъ и двуперстіе. Отецъ съ полной охотой исполнилъ эту просьбу сына, но, «яко укоряя» его, замѣтилъ: ‹Не рѣхъ ли тебѣ, сыне, чтобы и паки разучивати не сталъ ты? То есть помоему и сталося! Слава Богу, что *по-старому тремя персты стали мы креститися»!* Затѣмъ отецъ и сынъ поступили въ Бѣлбашскій монастырь[115]). Гурій прибавляетъ, что нѣкоторые изъ иноковъ, слышавшіе приведенный разсказъ ихъ, именно іеромонахъ Ферапонтъ, іеродіаконы Арсеній и Герасимъ, были еще живы, когда Гурій писалъ свое сочиненіе, т.-е. въ 1751 году, и могли подтвердить справедливость его повѣствованія.

Изъ повѣствованія этого мы узнаемъ, а) что костромичъ, инокъ Ефремъ, въ первой четверти XVII столѣтія былъ «наученъ отъ отца своего — тремя персты креститися», б) что и въ концѣ XVII столѣтія «въ костромскихъ предѣлахъ» «вси людіе» продолжали также слагать три перста, в) что двуперстіе, которому училъ Ефрема сынъ его Нифонтъ, было нѣчто «новое», ‹первые слышанное» и г) что раскольническою проповѣдію о двуперстіи не трудно было совратить въ расколъ даже наученныхъ отъ юности креститься троеперстно, которые однакоже, при новомъ вразумленіи, еще скорѣе возвратились къ старому: ‹слава Богу, что по-старому тремя персты стали мы креститися!›

Это одно свидѣтельство изъ сочиненія Гурія; а вотъ другое. Онъ повѣствуетъ, что въ 1715 году нижегородецъ Кодратій Тимоѳеевъ, которому было тогда ‹лѣтъ семдесятъ›, который родился, значитъ, около 1645 года, сказывалъ ему о своемъ *дѣдѣ*, родившемся, очевидно, въ концѣ XVI или самомъ началѣ XVII столѣтія, слѣдующее: «Я, отче, правду тебѣ скажу. Бысть у меня дѣдъ въ семъ же Нижнемъ Новѣградѣ. Той дѣдъ сказоваше мнѣ, что было де время, брали меня и съ женою моею того Нижняго града въ Духовный Приказъ и спрашиванъ былъ, которыми персты крещуся; что де я и

---

115) См. „Сказаніе о миссіонер. трудахъ Питирима“, стр. 23—25.

старуха сказали: *треми персты крестимся*. За то сказаніе троеперстное содержаны были мы въ томъ Приказѣ нѣкое время, и по многомъ прошеніи братà у насъ подписка, чтобы не креститься тѣми треми персты, но *повелѣша двѣма персты поновому креститися*, и испущены стали быть изъ того приказу». Къ этому дѣдъ Кодратія прибавилъ, что, возвратившись домой, онъ «сталъ *попрежнему старымъ троеперстнымъ сложеніемъ креститися*», а жена, «по той подпискѣ, тое двоеперстное сложеніе не перемѣнила»[116]).

Итакъ нижегородецъ, жившій въ самомъ началѣ XVII вѣка, свидѣтельствуетъ, а) что онъ съ женою крестился тремя перстами, какъ крестились, конечно, и другіе, и б) что потомъ его съ женою стали принуждать, чтобы крестился двуперстно, но онъ, хотя и далъ подписку такъ креститься, однако продолжалъ употреблять «попрежнему старое троеперстное сложеніе», а жена сдѣлалась двуперстницей. Это второе указаніе представляетъ особый интересъ. Дѣдъ могъ имѣть приведенный разговоръ со внукомъ не ранѣе 1660-хъ гг., когда внуку было лѣтъ пятнадцать, и время, о которомъ вспоминалъ, бесѣдуя съ нимъ, дѣдъ, какъ о такомъ, когда его въ нижегородскомъ Духовномъ Приказѣ подпиской обязывали креститься двуперстно, было, безъ сомнѣнія, время патріарха Іосифа, время внесенія въ печатныя книги ученія о двуперстіи, какъ о томъ замѣчаетъ и Гурій: «знатно сіе, — пишетъ онъ, — что въ лѣта Іосифа патріарха, по напечатаніи въ книгахъ о сложеніи двуперстномъ, указами подкрѣпляху, обычай троеперстный истребляюще, новый же вводящи». Это, впрочемъ, единственное въ своемъ родѣ, но не подлежащее сомнѣнію, извѣстіе даетъ намъ понятіе о томъ, какъ ревнители двуперстія, внесшіе ученіе о немъ въ печатныя книги, старались замѣнить онымъ изстари употреблявшееся у насъ троеперстіе,— съ этою цѣлію крестившихся троеперстно даже брали въ Приказы и насильно заставляли креститься не тремя, а двумя перстами: такъ прочно въ народѣ укоренено было троеперстіе

116) Тамъ же стр. 68—69.

и въ XVII столѣтіи! Извѣстіе это тѣмъ болѣе заслуживаетъ довѣрія, что рѣчь идетъ о Нижнемъ Новѣгородѣ, о Нижегородской епархіи, откуда были родомъ и Нероновъ, и Аввакумъ и нѣкоторые другіе расколоучители, имѣвшіе вліяніе на внесеніе ученія о двуперстіи въ печатныя книги и, разумѣется, заботившіеся о томъ особенно, чтобы оно утвердилось въ ихъ родномъ краѣ, гдѣ расколъ, дѣйствительно, и укрѣпился прочно съ самаго начала, а употребленіе двуперстія остается доселѣ распространеннымъ въ народѣ, даже среди православныхъ. Итакъ и самый способъ распространенія двуперстія, по крайней мѣрѣ въ Нижегородской епархіи, о которомъ сообщаетъ намъ представленный Гуріемъ свидѣтель, показываетъ, что до половины XVII столѣтія троеперстіе было у насъ общераспространеннымъ обрядомъ, по преданію переходившимъ отъ отцовъ къ дѣтямъ.

Рядъ представленныхъ нами, несомнѣнно «авторитетныхъ», свидѣтельствъ объ исконномъ, непрерывномъ и общераспространенномъ у насъ существованіи троеперстія заключимъ свидѣтельствами о томъ же самихъ первоучителей раскола. Будучи ярыми проповѣдниками и защитниками двуперстія, они какъ бы невольно проговариваются, что двуперстіе утверждается собственно на «писаніи» (подъ коимъ разумѣютъ Слово мнимаго Ѳеодорита, сказаніе о Мелетіи и проч.), а не на живомъ преданіи, идущемъ отъ дѣдовъ и отцовъ, на которомъ утверждается троеперстіе и которое служитъ именно свидѣтельствомъ несомнѣнной его древности и общеупотребительности[117]). Свидѣтельство за древность троеперстія даже отъ яростныхъ враговъ его, по ученію самихъ раскольниковъ, наипаче пріемлется.

Такого рода свидѣтельства можно находить у самого раскольническаго перво-апостола, протопопа Аввакума. Въ своей бесѣдѣ «о наятыхъ дѣятеляхъ» онъ говоритъ между прочимъ: «старикъ бѣдный жолтехонекъ въ церковь прибрелъ,

---

117) Въ сочиненіи преосв. Никанора объ этихъ свидѣтельствахъ не говорится.

плачетъ и воздыхаетъ, не разумѣетъ церковнаго ничто же... и *персты по преданію сложити не умѣетъ... не слыхалъ писанія*»[118]). Старики, конечно, крестились такъ, какъ научились издѣтства, т.-е. троеперстно, — это Аввакумъ и называетъ неумѣньемъ сложить персты по преданію, — не живому, въ народной памяти и практикѣ соблюдаемому, а изложенному въ «писаніи», — по преданію мнимаго Ѳеодорита, какъ крестились воспитанные на этомъ «писаніи» нестарики. Такимъ образомъ Аввакумъ подтверждаетъ свидѣтельство митрополита Игнатія, что во времена патр. Іосифа «зѣло престарѣлые люди», не знавшіе Ѳеодоритова Слова, крестились троеперстно. Еще въ своей автобіографіи Аввакумъ разсказываетъ объ одномъ изъ своихъ духовныхъ дѣтей, что когда его спросили: какъ ты крестишься? онъ отвѣчалъ: «я такъ вѣрую и крещуся, слагая персты, *какъ отецъ мой протопопъ Аввакумъ*»[119]). Отвѣтъ очень характерный. Ученикъ Аввакума не говоритъ, что крестится такъ, какъ крестятся, или крестились доселѣ всѣ православные христіане, а говоритъ, что крестится такъ, какъ отецъ его духовный протопопъ Аввакумъ, или какъ научилъ его креститься этотъ духовный отецъ. Ясно, что двуперстію учились отъ такихъ духовныхъ отцевъ, какъ Аввакумъ, а не отъ преданія, идущаго отъ дѣдовъ и отцовъ, какъ учились троеперстію. Въ томъ же сочиненіи своемъ Аввакумъ разсказываетъ, какъ будто бы ангелы взяли одну духовную дочь его въ рай, показали ей тамъ прекрасную Аввакумову палату и дали ей наставленіе: «слушай его (Аввакума) и живи такъ, *какъ онъ тебѣ наказываетъ персты слагать, и креститца* и кланятца, и во всемъ не противься ему: такъ и ты будешь съ нимъ здѣсь»[120]). Опять-таки у протопопа Аввакума мнимые ангелы не говорятъ его духовной дочери: слагай персты на молитву такъ, какъ искони слагаютъ православные христіане по преданію, идущему отъ первыхъ вѣковъ христіанства, а говорятъ: слагай

[118]) Мат. для ист. раск. т. V, стр. 379.

[119]) Тамъ же, стр. 83.

[120]) Тамъ же, стр. 105.

персты такъ, «какъ тебѣ наказываетъ» протопопъ Аввакумъ. Ясно, что Аввакумово перстосложеніе не то, что̀ древнее, изъ вѣка въ вѣкъ переходящее по преданію. Видно также, что и духовная дочь Аввакума крестилась прежде не такъ, какъ онъ сталъ учить ее креститься. Вотъ и самъ Аввакумъ, невольно проговариваясь, даетъ свидѣтельство о томъ, что троеперстіе существовало у насъ ранѣе того времени, когда онъ и его сообщники, основавшись на Ѳеодоритовомъ Словѣ и подобныхъ «писаніяхъ», стали учить двуперстію.

Затѣмъ очень любопытно и важно свидѣтельство о перстосложеніи, какое даетъ другъ Аввакума, Неронова и прочихъ расколоучителей — игуменъ Ѳеоктистъ. Онъ говоритъ, что въ книгахъ московскихъ, во Псалтыряхъ съ возслѣдованіемъ и во Плалтыряхъ малыхъ, напечатанныхъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, положены четыре свидѣтельства о двуперстіи: «Апостольское, и Ѳеодоритово, и Мелетіево, и Максимово». Затѣмъ продолжаетъ: «и азъ о сихъ отъ юности моея многимъ временемъ утвердихся; а еже знаменати лице треми персты, кромѣ Скрыжали, новыя книги, свидѣтельства нигдѣ не видѣхъ, развѣ пренія Панагіота съ Азимитомъ, и сіе мрачно»[121]). Итакъ, игуменъ Ѳеоктистъ откровенно признается, что двуперстію научился не отъ отца, или дѣда, а изъ печатныхъ книгъ, гдѣ помѣщены четыре о немъ свидѣтельства, а троеперстіе потому утратило для него значеніе, что въ этихъ книгахъ нѣтъ свидѣтельстъ о немъ, кромѣ одного, въ Преніи Панагіота съ Азимитомъ, которое ему кажется неяснымъ, темнымъ (хотя оно гораздо яснѣе мнимаго «Мелетіева» свидѣтельства). Для Ѳеоктиста и подобныхъ ему важно было не живое преданіе, идущее изъ рода въ родъ, а «писаніе», печатныя книги, — и подъ ихъ вліяніемъ они оставляютъ отъ отцевъ и дѣдовъ наслѣдованный обычай креститься троеперстно, ради возвѣ-

[121]) Мат. для ист. раск. т. 1, стр. 347. Точно такъ же и дьякъ Ѳедоръ Трофимовъ, судившійся за расколъ, признавался, что двуперстія и прочихъ раскольническихъ мнѣній держался „по наученію прежнихъ книгъ печатныхъ московскихъ“ (стр. 442).

щеннаго книгами двуперстія; для насъ же самое ихъ сознаніе въ этомъ представляетъ убѣдительное доказательство общераспространеннаго на Руси существованія троеперстія до изданія іосифовскихъ печатныхъ книгъ.

Но особенно любопытно и важно свидѣтельство о троеперстіи извѣстнаго расколоучителя — дьякона Ѳедора. Въ челобитной царю Алексѣю Михайловичу, писанной въ 1666 году, очевидно, имѣя въ виду сдѣланныя патріархомъ Никономъ и особенно отцами собора 1666 г. ссылки на простолюдиновъ, «изъ древняго обычая знаменающихся тремя первыми персты», Ѳедоръ между прочимъ писалъ: «Въ сложеніи (государь) перстовъ во знаменіи крестномъ ссылаются нынѣ на деревенскихъ мужиковъ земледѣлателей. Уже отъ свѣта во тму идутъ... Духовніи власти и освященніи мнози переимаютъ у поселянъ, — такъ де слагаютъ три перста земледѣлатели и знаменуются. Мощно ли, государь, такимъ ихъ словамъ вѣрить? Забыли писаніе, глаголющее: *держай орало когда умудрится*... Како не срамъ имъ такія слова глаголати? Да еще архіереомъ сущимъ, а не простыхъ мужиковъ ссылатися! А инъ глаголетъ: у меня такъ бабушка крестилась и меня учила! Другій же глаголетъ: у меня такъ дѣдушко! А инъ: у меня такъ матушка! Воистину отъ истины слухъ отвращаютъ и къ баснемъ уклоняются»[122]).

Вотъ какъ дьяконъ Ѳедоръ, истый представитель русскихъ книжниковъ XVII вѣка, воображавшихъ себя великими богословами, но вслѣдствіе такого самомнѣнія сдѣлавшихся родоначальниками раскола, — вотъ съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о русскихъ простолюдинахъ, темныхъ и невѣдущихъ, но твердо хранившихъ преданія предковъ! Онъ глумится и надъ духовными властями, надъ россійскими архіереями, что они сослались въ свидѣтельство древности троеперстія на поселянъ, «неизмѣнно изъ древняго обычая знаменающихся треми первыми персты!» Но гордый книжникъ не понялъ, что въ своихъ глумленіяхъ надъ русскими простолюдинами

---

[122]) Мат. для ист. раск. т. VI, стр. 28—29.

и надъ россійскими архіереями, бывшими на соборѣ 1666 года, онъ даетъ только подтвержденіе засвидѣтельствованной сими послѣдними древности и распространенности у насъ троеперстія даже въ половинѣ XVII вѣка. Онъ не только не отрицаетъ здѣсь, но именно подтверждаетъ справедливость ихъ свидѣтельства, что и во время собора 1666 года у насъ на Руси поселяне (т.-е. огромное большинство народа) продолжали креститься тремя первыми перстами; онъ подтверждаетъ также справедливость ихъ свидѣтельства, что простолюдины такъ крестились, «неизмѣнно» слѣдуя «древнему обычаю»; онъ только, вопреки здравому смыслу, не придаетъ никакого значенія этому неизмѣнному слѣдованію народа древнимъ обычаямъ предковъ, видитъ въ немъ «шествіе отъ свѣта во тьму», напротивъ, какъ истый книжникъ, усвояетъ великое значеніе «писаніямъ», подобнымъ Ѳеодоритову Слову, и слѣдованіе такимъ подложнымъ писаніямъ, въ нарушеніе живаго преданія, сохраняемаго народомъ, считаетъ шествіемъ отъ тьмы къ свѣту. Но это мнѣніе русскаго книжника XVII вѣка едва ли признаютъ правильнымъ безпристрастные и разумные люди даже изъ самихъ старообрядцевъ.

Дьяконъ Ѳедоръ съ презрѣніемъ отзывается не объ однихъ «мужикахъ», крестившихся троеперстно «изъ древняго обычая»; такъ же презрительно говоритъ онъ и о тѣхъ своихъ современникахъ, не мужикахъ уже, которые, защищая троеперстіе, говорили: меня такъ научили креститься дѣдушка, бабушка, матушка. Для него ссылаться на дѣдовъ и родителей, на живое преданіе, а не на «писанія» въ родѣ Ѳеодоритова Слова, — безуміе. Но въ этихъ его презрительныхъ выраженіяхъ мы опять находимъ прямое подтвержденіе того, что говорили братья Плещеевы и свидѣтели, представленные Посошковымъ и Гуріемъ, т.-е., что въ первой половинѣ XVII столѣтія у насъ въ Россіи дѣды и отцы учили своихъ внуковъ и дѣтей креститься троеперстно, какъ и сами научены были отъ своихъ отцевъ и дѣдовъ, — что обычай троеперстія, сохранившійся до самого раскола и хранящійся доселѣ, идетъ у насъ изъ глубочайшей древности, а двуперс-

стію стали учить его приверженцы — книжники, подобные Аввакуму и Ѳедору, основываясь только на «писаніи» — на мнимомъ Ѳеодоритовомъ Словѣ, сказаніи о Мелетіи и прочихъ.

Итакъ сами даже первые расколоучители подтверждаютъ справедливость, или «авторитетность» представленныхъ нами свидѣтельствъ о глубокой древности и общераспространенномъ у насъ существованіи троеперстія до самаго возникновенія раскола, вооружившагося преимущественно на защиту двуперстія, или до самаго собора 1667 года, торжественно утвердившаго правильность и законное употребленіе троеперстія.

Здѣсь мы и кончаемъ наши замѣчанія по поводу книги г. Каптерева. Предоставляемъ самимъ читателямъ рѣшить, какія свидѣтельства «авторитетнѣе», — тѣ ли, которыя представилъ г. Каптеревъ въ доказательство, что будто бы «съ конца XV до половины XVII вѣка общеупотребительнымъ и признаваемымъ всею церковію за *единственно* правильное перстосложеніе(мъ) въ крестномъ знаменіи было двуперстное», или представленныя нами за то же самое время свидѣтельства о древности и общераспространенности у насъ троеперстія. А для полученія правильныхъ понятій о прочихъ мнѣніяхъ г. Каптерева по вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія благоволятъ читатели обратиться къ сочиненію въ Бозѣ почившаго архіепископа Никанора.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Братьевъ Плещеевыхъ извѣщеніе о познаніи ими истиннаго крестнаго знаменованія[1]).

Благословенъ Господь Богъ нашъ, избавивый ны отъ прелести самоупорныя и преставивый ны отъ тмы невѣдѣнія въ свѣтъ истиннаго познанія крестнаго знаменованія!

---

[1]) Ркп. Синодальной библ. № 346, л. 863—865.

Истинныя пажити восточныя святыя церкве бывше искренняя чада, но въ прелесть самоупорствомъ оторгшеся отъ пути истиннаго святыхъ писаній, путеводящихъ ходящія правымъ путемъ тыхъ, четыри суть братія, Савинъ, Григорій, Герасимъ и Андрей, Васильевы дѣти, вѣрою благочестивіи, родомъ царствующаго града Москвы, чина суще царскаго величества стольники, прозваніемъ Плещеевы, непокоряющеся святой церкви о треперстномъ сложеніи въ крестномъ знаменованіи, двома персты указательнымъ и среднимъ крестихомся, упорственнымъ своимъ обычаемъ не хотѣвше покоритися святыхъ писаній истинному разумѣнію, держаще неизвѣстное Ѳеодорита Кирскаго писаніе, еретика бывша нѣкогда несторіанина, блаженнаго же Мелетія Антіохійскаго истинное сказаніе злѣ разумѣюще, и въ томъ неразумѣніи своемъ упершеся, готови быхомъ умрети за свое неразсудное упорство.

Но нѣкогда благодать Божія просвѣти нашу мысль: прочетше бо списаніе Дамаскина ѵподіакона Студита, глаголюща, яко треми персты совокупленными во образъ Святыя Троицы подобаетъ всякому православному христіанину творити крестъ на себѣ, и въ книзѣ печатнѣй Кирила зовомѣй Іерусалимскаго, и во многихъ иныхъ рукописныхъ древнихъ книгахъ положенное, Азимита нѣкоего, сирѣчь безквасника, или опрѣсночника, явленно яко латинника еретика, гардинала, поборающа по таковомъ двоперстномъ знаменованіи, ему же противлящася Константина Панагіота (явлено яко грека православнаго: таковымъ бо именемъ мнози грецы и нынѣ называются) и глаголюща: чесо ради ты, Азимите, не знаменуешися (яко мы) треми персты десныя руки, но твориши крестъ на себѣ двѣма персты, и послѣди пальцемъ внѣшною страною. На сіе ничто же можаше Азимитъ Панагіоту противу отвѣщати, но яко нѣмъ прочее бысть. По сему Азимиту (рекше безквасникуу, или опрѣсночнику), и мы крестъ на себѣ полагахомъ двѣма тѣми персты, палецъ пригибающе къ послѣднимъ двомъ перстомъ лѣчебному и мизинцу, и тако

той мѣсторучный перстъ, рекше палецъ большой, бываше къ намъ внѣшною страною, егда знаменовахомся: яко и латини послѣ знаменованія креста двѣма персты, знаменаются особно тѣмъ пальцомъ внѣшною страною. И тако въ той прелести не уразумѣвшеся пребыхомъ многое время. Нѣкогда же прочетше въ Пролозѣ повѣсть о блаженнѣмъ Мелетіи Антіохійстѣмъ патріарсѣ глаголющю, яко показа еретикомъ три персты, и не бысть знаменіе, и разсудихомъ яко показа блаженный Мелетій тыя первыя персты раздѣлены другъ отъ друга, якоже самая повѣсть сказуетъ, и того ради раздѣленія не бысть знаменіе. Потомъ тѣ же два перста совокупивъ, и единъ (си есть палецъ) пригнувъ, и быша тѣ три персты мѣсторучный, или палецъ, и указательный и великосредній въ едино совокуплены, и тако изыде отъ нихъ огнь яко молнія, и рече святый, три убо ѵпостаси разумѣваемъ о единомъ же существѣ бесѣдуемъ. И мы разсудихомъ добрѣ, имуще и путеводители пресвященныя архіереи россійскія, въ нихже бяху изящнѣйшій преосвященный Павелъ митрополитъ Сарскій и Подонскій, и Иларіонъ митрополитъ Разанскій и Муромскій, и іереи нѣкыя благоразсудныя мужи, вразумихомся истиннѣ.

Къ сему же извѣстихомся и отъ показанія Антіохійскаго патріарха Макаріа, бывшаго въ царствующемъ градѣ Москвѣ. И на память во святыхъ отца нашего Алексія митрополита, всея Россіи чудотворца, февраля въ 12 день, бывшу на всенощномъ бдѣніи въ Чудовѣ монастырѣ оному святѣйшему Макарію патріарху, присущимъ благочестивому царю Алексію Михайловичу и святѣйшему Никону всероссійскому патріарху, и инымъ архіереемъ, и царскому сѵгклиту и народу, въ немже и мы четыри братія тамо же быхомъ, и чтомѣй въ Пролозѣ (яко обычай) повѣсти о святѣмъ Мелетіи и о перстовъ показаніи, вопроси царь всеслышнымъ гласомъ патріарха Макаріа: како показа блаженный Мелетій персты, и кія съ коимъ перстомъ сложи? И вставъ Макарій патріархъ рече всеяснымъ

гласомъ гречески (еже претолковаше архимандритъ святыя Аѳонскія горы Діонисій), яко азъ держу престолъ блаженнаго Мелетія, и вѣмъ извѣстно, како бысть сложеніе перстовъ блаженнаго Мелетія въ указаніе тріипостаснаго единаго Божества. И показа патріархъ Макарій всѣмъ присущимъ тамо тогда на всенощномъ ономъ бдѣніи своя три первыя персты раздѣлены сице и рече, яко сице блаженный Мелетій первѣе показа аріаномъ персты, десницу свою, и не бысть знаменіе. Потомъ Макарій патріархъ сице сложи своя персты, и рече: сице и блаженный Мелетій сложи своя персты, отъ нихже и огнь изыде. И тако вси мы четыри святѣйшіи патріархи со всѣми сущими подъ нами православными христіаны и иныхъ народовъ сущіи христіане восточныя церкве повсюду селенныя неизмѣнно тако треми первыми персты десныя руки воображаемъ на себѣ крестъ во образъ святыя единосущныя нераздѣльныя и равнопоклоняемыя Троицы, а двѣма персты крестъ на себѣ полагаютъ армени еретицы и латини, полагающе отъ лѣваго плеча на правое. Доздѣ словеса святѣйшаго патріарха Макарія Антіохійскаго. Мы же слышавше и видѣвше сія, *помянухомъ, яко здѣ древніи и многомѫдрыніи мужіе и жены тако тѣми треми первыми, купно сложенными, персты знаменовахуся, и мы изъ младенчества такожде учими отъ родителей нашихъ, паче же отъ священниковъ и учителей нашихъ словеснаго наказанія.* И оттогда, добрѣ разсмотривше о семъ, обратихомся вседушно ко святѣй церкви, отрекшеся двоперстнаго знаменованія, *начахомъ по древнему родителей нашихъ наученію и обычаю* треми первыми персты знаменоватися, и людемъ возвѣщати, яко всѣмъ православнымъ христіаномъ подобаетъ творити знаменіе честнаго креста треми первыми персты, якоже держится во всѣхъ православныхъ христіанѣхъ, восточныя сущихъ церкве (а не якоже еретици, наипаче латини, двѣма персты указательнымъ и великосреднимъ, отложа великій палецъ, яко извѣстно отъ пренія грека Панагіота православнаго, и отъ Азимита

латинника), имуще на сіе подтвердители вышереченныя архіереи и іереи. И нынѣ такожде возвѣщаемъ всѣмъ повсюду, не стыдящеся, ниже боящеся безумно истинѣ противящихся, еже и тѣмъ всѣмъ обратитися отъ прелести къ истинѣ, якоже и мы, да спасутъ души своя, а не прельщатися Ѳеодоритовымъ неизвѣстнымъ и злѣ разсказаннымъ писаніемъ.

